

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

№ 2, 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

К 150-ЛЕТИЮ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

<i>Матханова Н.П.</i> Отношение деятелей администрации Восточной Сибири к Великим реформам	3
<i>Шиловский М.В.</i> Оценка сибирскими областниками реформ 1860–1870-х гг.	7
<i>Бикташева А.Н.</i> Губернаторы о реформе местного управления накануне отмены крепостного права	11
<i>Морозова Н.Н.</i> Пресса как инструмент управления на губернском уровне накануне и в годы Великих реформ	14
<i>Баяндин В.И.</i> Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II	18
<i>Адоньева И.Г.</i> Дискуссии о местной юстиции в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. в контексте профессионального правосознания юристов региона	22
<i>Крестьянников Е.А.</i> Условия жизни и деятельности мировых судей Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.	26
<i>Шахерова С.Л.</i> Присяжная адвокатура Восточной Сибири: характеристика профессиональной группы (1885–февраль 1917 г.)	30
<i>Павлов А.А., Никитина С.Е.</i> Губернатор в сибирской провинции: к 150-летию губернатора И.И. Крафта	33

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

<i>Побережников И.В.</i> Использование модернизационной парадигмы при изучении региональной истории России (XVIII – начало XX в.)	37
<i>Тимошенко А.И.</i> Советская мобилизационная модель хозяйственного освоения Сибири: проблемы изучения	42
<i>Николаев А.А.</i> Чистка руководящего состава Центросоюза в 1930 г.: цели и способы осуществления	46
<i>Ильиных В.А.</i> Итоги весенней посевной кампании 1930 г.: цена форсированной коллективизации	50
<i>Долголюк А.А.</i> Образовательный уровень сибирских строителей в 1946–1970 гг.	55
<i>Тимошенко В.П.</i> Компенсационные соглашения в программах освоения Сибири в 1960–1980-е гг.	59
<i>Куперштох Н.А.</i> Сибирский период биографии академика А.Л. Яншина: к 100-летию со дня рождения ученого	63
<i>Котляров М.В.</i> Партийная номенклатура Западной Сибири в период перестройки	67
<i>Карпунина И.Б.</i> Фермерские хозяйства как часть аграрного сектора Сибири в 1990-е гг.	71
<i>Черевикина М.Ю.</i> Результативность участия сибирских исследователей в конкурсах РГНФ кризисных лет	76

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Завьялов А.А.</i> Транспортировка серебра и золота с заводов Алтайского округа в Петербург в конце XIX в.	83
<i>Неклюдова А.В.</i> Иркутская таможня во второй половине XIX – начале XX в.	86
<i>Красильникова Е.И.</i> Публикации историков о кладбищах городов – административных центров Западной Сибири	89
<i>Сафронов С.А.</i> Выборы в Первую – Четвертую Государственные думы в Енисейской губернии	93
<i>Орлов Д.М.</i> Шефство промышленных предприятий над колхозами и совхозами в Западной Сибири во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.	96
<i>Николаев А.А.</i> Российской потребительской кооперации 180 лет: об итогах Международной научно-практической конференции в Новосибирске 12 апреля 2011 г. «Кооперация: история и современность»	99
<i>Рышков В.М.</i> Рецензия на книгу: Мазур Л.Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 608 с.	101
<i>Исупов В.А.</i> Рецензия на книгу: Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2010. 612 с.	103
<i>Суслов А.Ю.</i> Рецензия на книгу: Правозероковский политический процесс в Москве. 8 июня – 4 августа 1922 г. Стенограммы судебных заседаний: в 14 т. Т. 1 и 2 / сост.: В.К. Виноградов, А.Л. Литвин, В.Н. Сафонов, В.С. Христофоров; науч. ред. А.Л. Литвин М.: РОССПЭН, 2011. 687 с.	105
<i>Исаев В.И., Папков С.А.</i> Рецензия на книгу: Массовые репрессии в Алтайском крае. 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М.: РОССПЭН, 2010. 751 с.	106
<i>Элерт А.Х.</i> Рецензия на книгу: Куперштох Н.А. Очерки о лидерах академической науки в Сибири. Новосибирск, 2011. Вып. 1. 155 с.	108
<i>Summary</i>	110

К 150-ЛЕТИЮ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

УДК 94(47).08

Н.П. МАТХАНОВА

ОТНОШЕНИЕ ДЕЯТЕЛЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ К ВЕЛИКИМ РЕФОРМАМ

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье рассматривается отношение к реформам генерал-губернаторов Восточной Сибири и ряда других высокопоставленных деятелей местной администрации. Многие из них, в том числе Н.Н. Муравьев-Амурский и М.С. Корсаков, поддерживали реформаторский курс правительства. Но высшая администрация региона добивалась большей самостоятельности и увеличения финансирования на нужды освоения Дальнего Востока. Либеральная бюрократия в центре не соглашалась ни на то, ни на другое.

Ключевые слова: реформы 60-х гг. XIX века, Восточная Сибирь, администрация, либеральная бюрократия.

Термин «Великие реформы» по отношению к реформам 1860–1870-х гг. представляется не только общепринятым и устойчивым [1, с. 151], но и исторически точным и справедливым. О значении и содержании этих реформ написано немало [1], но все еще остается ряд вопросов, не рассматривавшихся ранее или нуждающихся в новом освещении.

Поставленная в данной статье проблема имеет два аспекта: первый – это вопрос о распространении реформ на окраины империи; второй – об отношении чиновников к правительственному курсу.

Реформы, осуществлявшиеся 150 лет тому назад, проводились самодержавной властью, а поэтому не могли и не должны были встретить какого бы то ни было сопротивления со стороны ее собственного аппарата. Тем не менее, на деле можно видеть самый широкий спектр отношения представителей центральных и местных органов управления к реформам и их осуществлению – от скрытого противодействия и явного саботажа со стороны одних до горячего искреннего сочувствия и поддержки со стороны других. Примерно весь этот набор можно увидеть и у деятелей сибирской администрации, т.е. сравнительно высокопоставленных чиновников и офицеров, статус которых позволял им (разумеется, в существовавших иерархических рамках) высказывать собственное отношение к правительственному курсу.

Отношение к реформам во многом определялось позицией генерал-губернатора. Особенно это сказывалось

в Восточной Сибири, где за 10 лет управления Н.Н. Муравьев-Амурский сумел серьезно изменить состав высшего слоя административной элиты и повлиять на взгляды сделавших под его крылом карьеру высокопоставленных лиц [2, с. 55–61, 142–142].

Главная из реформ – крестьянская – наименее всего задевала интересы региона по причине практического отсутствия в крае крепостных крестьян и помещичьих имений. Позиция самого Муравьева в крестьянском вопросе определилась задолго до начала реформ и была обозначена еще в бытность его тульским губернатором [3, с. 21–26; 4, с. 106–110]. В проекте «Правил для переселения в Амурский край», которые должны были заложить основы устройства нового региона, уже в 1858 г. предполагалось введение частной собственности на землю, сословного равенства, системы самоуправления и суда и, главное, переселение крестьян из Европейской России с освобождением их от крепостного права [3, с. 189–194; 4, с. 191–192].

М.С. Корсаков, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1861–1870 гг., будучи довольно крупным помещиком, оказался не слишком доволен условиями выкупной операции, но не эти обстоятельства определяли его отношение к реформам. Во-первых, почти все братья Корсакова побывали в числе мировых посредников первого призыва, активное участие в либеральном движении принимали и члены близкой по родственным отношениям семьи Бакуниных. Во-вто-

рых, доходы от имения давно уже не играли сколько-нибудь заметной роли в его финансовом обеспечении, да и сам он практически не занимался хозяйством. В-третьих, гораздо важнее роли помещика для него была роль «главного местного начальника». Однако подчиненные высказывали и другие мнения. Так, Ф.А. Анненков в одном из писем Корсакову (правда, уже после отъезда из Сибири) выражал недовольство выкупом и вообще условиями освобождения крестьян¹. Кстати, аналогично высказывался и А.О. Дюгамель – генерал-губернатор Западной Сибири в 1861–1866 гг. [5, с. 140; 6, с. 176–177].

Из реформ социально-экономического характера особенно важными для Сибири были те, что касались мастеровых и приписных крестьян горных заводов, государственных крестьян и казаков. Еще в конце 1840-х – начале 1850-х гг. Муравьев настойчиво добивался причисления нерчинских горнозаводских крестьян к казакам, расценивая это как их освобождение от полукрепостной зависимости. Из приписных крестьян Нерчинских горных заводов были образованы пешие батальоны Забайкальского казачьего войска, которые сыграли важную роль в движении на Амур. А.Т. Топчий привел многочисленные факты из истории борьбы Муравьева с Кабинетом за освобождение нерчинско-заводских горных рабочих на более выгодных для них условиях [7, с. 53–54]. Особенно заботила восточносибирские власти реформа горного ведомства. Миртовым посредником в Нерчинском округе Корсаков назначил одного из лучших своих подчиненных – честного и преданного делу князя А.М. Дадешкелиани, чья энергичная деятельность по защите крестьян от притеснений нашла поддержку у генерал-губернатора. В результате наделы для мастеровых были несколько увеличены, хотя непосильный оброк за землю сохранился [8, с. 114–116].

Позиция Корсакова в вопросе о характере земельных отношений в Восточной Сибири также была несколько либеральнее основных положений проекта реформы землепользования государственных крестьян. Так, в отчете за 1863 г. предлагалось введение частной собственности на землю, как крестьянской, так и крупных землевладельцев; это должно было способствовать развитию сельского хозяйства². Авторы отчета выступали против сохранения общины, считая, что она, хотя и имеет «исторические основы и соответствует народному духу русских обывателей страны, служит вместе с тем едва ли не важнейшим препятствием к развитию материального благосостояния ее»³. От общих рассуждений «главное местное начальство» было готово перейти к практическим действиям, поручив составить «проект правил для продажи частным лицам свободных государственных имуществ Восточной Сибири, с приспособлением предположен-

ного уже учреждения сельских банков для осуществления этого преобразования»⁴.

Один из наиболее либерально настроенных деятелей местной администрации Б.К. Кукель готовил проект «положения о казачьих войсках Восточной Сибири». Он стремился «вывести военный элемент из земледелия и домашнего быта казаков» и добиться «дарования им в этом гражданских прав», устранив вмешательство офицеров в хозяйство казаков⁵. В переработанном через год варианте высшая администрация Восточной Сибири вновь предлагала, во-первых, «представить войсковому народонаселению право общественного самоуправления в пределах Положения 19 февраля о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и участия в делах гражданского и военного по войску управления посредством особых выборных». Во-вторых, применить к «казачьему населению» земские учреждения. В-третьих, отделить гражданское управление в войске от военного⁶. В отчете за 1865 г. тезис о необходимости коренной реформы был подкреплен сравнением положения казаков и нерчинских крестьян, из числа которых в 1851 г. было образовано забайкальское пешее казачество.

Крестьяне эти в свое время с переходом в казачье сословие были поставлены в несравненно лучшее против прежнего положение, но впоследствии соседнее им в Нерчинском горном ведомстве население получило новое устройство, основанное на благодетельных началах, изложенных в Положении 19 февраля 1861 г., представляющее им во многом большие преимущества против тех, которыми пользуются в настоящее время пешие казаки, а потому весьма было бы желательным предоставить в наискорейшем времени и этим последним воспользоваться... преобразованиями⁷.

Как известно, осуществить все это так и не удалось, хотя в конце XIX в. кое-что из предлагавшегося в 1860-е гг. все же было реализовано.

Нередко теоретически приверженные курсу реформ администраторы на практике вынуждены были отступать от него. Одной из самых болезненных была проблема колонизации Приамурья. Сторонник реформ П.В. Казакевич, как и сам Муравьев, был вынужден признать неизбежными на первых порах военно-административные методы колонизации, хотя считал необходимым отказ от них по мере достижения первых успехов⁸. Он отмечал, что особенно важно «избавление крестьян от всяких повинностей», указывал на отрицательные последствия заготовки леса и осуществления других работ «казенными средствами», т.е. силами наряда матросов и солдат линейных батальонов⁹. Приморский губернатор настойчиво просил цент-

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 96. Д. 9. Л. 45 (письмо Б.К. Кукеля к М.С. Корсакову от 19 дек. 1862 г.).

⁶ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6, 1864 г. Д. 119. Л. 73–73об.

⁷ Там же. Ф. 1281. Оп. 7, 1866 г. Д. 84. Л. 63–64об.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

⁹ РГИА. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 14. Л. 23 об.–24, 14–16.

¹ ЦИАМ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 24. Л. 460.

² РГИА. Ф. 1265. Оп. 6, 1864 г. Д. 119. Л. 21об.–22.

³ Там же. Л. 20.

ральные власти разрешить свободное переселение крестьян Воронежской и Самарской губерний, подавших ему прошения, доказывал преимущества добровольных переселенцев: «Люди эти, идя по собственному желанию, с большею энергиею займутся хозяйством... и при встреченных трудностях не будут никого упрекать»¹⁰. Много раз и довольно резко высказывался Казакевич против переселения казаков из штрафных солдат¹¹. Однако Петербург решительно отказывался идти на предложения Казакевича и Муравьева.

Интерес и сочувствие Корсакова и большинства губернаторов вызвала правительственная политика по развитию народного просвещения.

Весьма своеобразными являлись позиции забайкальского губернатора Е.М. Жуковского и енисейского – П.Н. Замятнина. Оба они были рекомендованы из Петербурга благодаря своим высокопоставленным братьям – С.М. Жуковский занимал важный пост управляющего делами Главного комитета по крестьянскому делу, Д.Н. Замятнин являлся министром юстиции. Оба эти сановника были близки к группировке «либеральной бюрократии». Сами губернаторы также высказывались соответствующим образом. Зло, но убедительно писал о Е.М. Жуковском Б.К. Кукель:

Это человек умный, образованный, у которого прогресс с языка не сходит, заботящийся о народном образовании, о разных богоугодных делах, – но вместе с тем не забывающий каждое подобное дело... отравить, помертвить ядом какой-то особенной злости, какого-то особенного злого недоверия ко всему человечеству¹².

В «Обзрении Енисейской губернии», составленном, как и полагалось, вскоре после вступления в должность губернатора, П.Н. Замятнин доказывал необходимость и пользу создания «народных школ» и предлагал «предоставить свободу сельскому населению» в выборе форм обучения и даже учителей, «лишь бы приохотить и привлечь» его в школы. На деле он предлагал увеличить налоги примерно на 15 коп. с души в год на нужды создаваемых школ¹³. То же сочетание прогрессивных и либеральных идей и дополнительных налогов на их осуществление встречаем и у Е.М. Жуковского. Он не раз заявлял о решающей роли просвещения народа и развития в нем потребности в знаниях и предлагал «ассигновать на содержание народных училищ средства из общественного сбора, для чего увеличить подати»¹⁴. Число сельских и казачьих школ в области за время его управления увеличилось очень значительно, но учителями были люди едва грамотные и даже невежественные, причем сразу после его отставки учащихся стало меньше почти на тысячу

человек¹⁵. Другим излюбленным детищем Жуковского стало издание книг для народных школ. Но офицер для особых поручений Н.Г. Шульман писал Корсакову: «Жаль только, что продажа этих книг принимает немного вид обязательной для покупателей»¹⁶.

Более последовательным в стремлении содействовать просвещению был П.В. Казакевич. Среди его заслуг в этой сфере – создание библиотеки, типографии, начало издания газеты «Восточное Поморье», открытие школы для мальчиков из числа аборигенов, школы грамотности для матросов, Николаевского мореходного училища, ремесленного училища при Николаевском механическом заводе и женской гимназии.

Самой обсуждаемой и нашумевшей частью курса реформ стала политика гласности. Именно в этой сфере наиболее отчетливо проявлялись различия во взглядах деятелей администрации, так как они могли не только высказывать свои мнения в частной переписке или в официальных документах, направлявшихся в соответствующие инстанции, но и реализовывать их на практике. С 1857 г. в Сибири начали издаваться губернские ведомости, в 1860 г. появилась первая частная газета «Амур», в 1862 г. – еще одна, «Кяхтинский листок», и здесь полномочия местной власти были достаточно велики [9]. В литературе не раз отмечалась сравнительно либеральная позиция Н.Н. Муравьева и ряда его сотрудников в отношении периодической печати [10, с. 75; 11]. Он одним из первых русских государственных деятелей своего времени понял возможности периодической печати и начал их использовать для пропаганды успехов своих начинаний и новых проектов. Однако и в «Иркутских губернских ведомостях», и в «Амуре» при нем допускалось появление обличительных статей и даже открытая полемика, за что следовали выговоры из Петербурга.

Служившие тогда в Восточной Сибири чиновники и офицеры по-разному оценивали эту политику. Родственник Н.Н. Муравьева полковник Н.П. фон Моллер, командир 3-й конной бригады Забайкальского казачьего войска, с возмущением писал М.С. Корсакову:

Как ни полезна гласность, но на все же есть мера. А у нас в России уже стали печатно смеяться над нашими законами... Не мешало бы немного придержать господ учителей России, а то они доберутся и до издателей законов¹⁷.

Совершенно иной была позиция кяхтинского градоначальника А.И. Деспот-Зеновича. Некогда попав в Сибирь в качестве политического ссыльного и дослужившись в конце концов до губернаторского места благодаря своим способностям, родственным связям и покровительству Н.Н. Муравьева-Амурского, он неизменно и твердо отстаивал либеральные принципы. Будучи цензором созданного по его инициативе «Кях-

¹⁰ Там же. Ф.1265. Оп. 12. Д. 137. Л. 87 об.

¹¹ Там же. Оп. 6, 1864 г. Д. 117. Л. 43 об.–44.

¹² ОР РГБ. Ф.137. Карт. 96. Д. 9. Л. 35. Письмо Б.К. Кукеля М.С. Корсакову от 29 октября 1862 г.

¹³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3025. Л. 786 об., 807, 809.

¹⁴ Там же. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 197. Л. 44, 44 об.

¹⁵ Там же. Ф. 1281. Оп. 6, 1863 г. Д. 99. Л. 40 об.–41.

¹⁶ РГБ. Ф. 137. Карт. 127. Д. 20. Л. 45 об.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 23. Л. 412 об. Письмо от 7 января 1860 г.

тинского листка», Деспот-Зенович пропустил ряд статей, вызвавших гнев и раздражение Жуковского, замещавшего генерал-губернатора. Защищаясь, Деспот-Зенович ссылаясь в письме к Корсакову на то, что лишь продолжает дело, начало которому было положено Муравьевым-Амурским, и указывал, что в столичной печати публикуются гораздо более резкие статьи. Он подчеркивал: публикации могли оскорбить лишь «зрение и слух, еще не свыкнувшиеся с свободным словом»; «если существует эта свобода заявления мнений там, где зорко следят за человеческою мыслию (т.е. в Петербурге. – Н.М.) – по особым на то причинам, то чем можно оправдать стеснение этой свободы в такой стране, как Сибирь, в которой человеческая деятельность не сжата рабскими условиями, не тронута политическими страстями и может расширяться и возвышать благосостояние края именно при свободе слова»¹⁸.

Самым важным для восточносибирской администрации являлся вопрос о распространении реформ на Сибирь. Позиция Корсакова была заявлена недвусмысленно. В отчете за 1863 г. говорилось:

Применение к Восточной Сибири тех преобразований в делах общественного управления, хозяйства и суда, которые по воле Вашего Императорского Величества предположены и отчасти утверждены уже для внутренних областей империи, должно неминуемо сопровождаться развитием гражданской деятельности и экономическими успехами в среде верноподданных обывателей отдаленной окраины¹⁹.

Через два года, в отчете за 1865 г. Корсаков вновь ходатайствовал «о даровании наравне с другими губерниями нашего отечества и Восточной Сибири... важных и благодетельных реформ», причем снова подчеркивал, что это должно иметь «несомненное благотворное влияние на успехи ее благосостояния»²⁰. Взгляды представителей «сибирской общественности» на проблему распространения реформ на Сибирь рассматривались в коллективной монографии иркутских историков [12, с. 152–171] и в работах М.В. Шиловского [13].

Общий курс высшей администрации края на распространение реформ на Сибирь был связан и с вопросом о месте Сибири в составе империи, обсуждавшимся в это же время. На заседании Политико-экономического комитета ИРГО 22 марта 1861 г. начавшаяся было дискуссия прекратила слова великого князя Константина Николаевича: «Сибирь – та же Русь»; это было понято в Иркутске как обещание, что Сибири будут «дарованы те же благие учреждения», что и всей России [14].

Вместе с тем высшее местное начальство явно считало, что Сибирь должна управляться на особых условиях. Муравьев и его последователи стремились к усилению власти генерал-губернатора на отдаленной

окраине и регулярно выступали против законного вмешательства министров в его деятельность. В одном из писем члена Главного управления Восточной Сибири В.Д. Карпова к Корсакову имеются слова, которые, вероятно, отражали позицию не только этого высокопоставленного чиновника. Сообщая своему патрону о том, что ряд проектов преобразований в регионе приобщен к соответствующим общеимперским и отложен, он заключал:

Пора бы господам петербургским сановникам понять, что Сибирь представляет совершенно особый мир, управление которым нисколько не зависит от тех мест, которые могут быть приняты для той или другой местности в России Европейской²¹.

В этом вопросе сибирская администрация решительно расходилась с либеральными бюрократами, которые само существование генерал-губернаторств рассматривали как атрибут старой крепостнической системы.

Еще серьезнее было расхождение в ключевом для властей Восточной Сибири вопросе о колонизации Приамурья. Это было объективное противоречие интересов, вытекавшее из региональной политики упомянутой влиятельной петербургской группировки. Стремясь к коренным социально-экономическим преобразованиям, она отнюдь не была расположена соглашаться на расходование сил и средств государства на нужды далекой окраины. Корсаков возмущался несправедливостью отношения центра к Сибири: Восточная Сибирь дает более 7 млн руб. дохода, а имеет расходу до 3400 тыс. Неужели в крайнем ее положении (наводнения и неурожай) правительство не поможет ей одновременно какими-нибудь 400 тыс. руб.?²² Характерен зафиксированный А.В. Ремневым применительно к 1870–1880-м гг. факт сотрудничества генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова с идеологом областничества Н.М. Ядринцевым [15, с. 62]. Отмеченное этим же историком некоторое сближение сибирской администрации с сибирскими областниками могло объясняться именно откровенно колониальной политикой центра по отношению к Сибири.

Трагедией либерально настроенной администрации Восточной Сибири было отсутствие у нее союзников в обеих противоборствующих сторонах в центре. Противники реформ предлагали только насильственное военно-административное заселение и резко возражали против добровольной колонизации, которую (при возможности выбора) предпочли бы восточносибирские власти. Петербургские либеральные бюрократы – сторонники реформ – считали вообще продвижение на восток несвоевременным и отвергали всякую колонизацию, настаивая на экономии средств.

²¹ ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 94. Д. 30. Л. 8 об. Письмо от 8 марта 1861 г.

²² ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3475. Л. 56 об. Письмо М.С. Корсакова к Н.П. Игнатьеву, 15 окт. 1863 г.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 88. Д. 26. Л. 13, 20.

¹⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6, 1864 г. Д. 119. Л. 94 об.–95.

²⁰ Там же. Ф. 1281. Оп. 7, 1866 г. Д. 84. Л. 101–101 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–167.
2. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.
3. Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: Материалы к биографии: в 2 кн. М., 1891. Кн. 2.
4. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
5. Ремнев А.В. Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель // Изв. Омск. историко-краеведческого музея. 1996. № 4.
6. Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля / пер. с франц. // Русский архив. 1885. Кн. 3, № 10.
7. Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899). Томск, 1979.
8. Топчий А.Т. Политика Кабинета и местной администрации в отношении поземельного устройства мастеровых Нерчинского горного округа по положениям реформы 1861 г. // Некоторые вопросы истории Сибири. Томск, 1972.
9. Морозова Н.Н. Пресса как инструмент управления на губернском уровне накануне и в годы Великих реформ // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3.
10. Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862). («Полярная звезда», «Голоса из России», «Колокол» и «Под суд!» в Сибири). Иркутск, 1958.
11. Кубалов Б.Г. Первенец частной сибирской печати газета «Амур» (1860–1862 гг.) // Зап. Иркутск. обл. краевед. музея. Иркутск, 1961. Вып. II. С. 55–87.
12. Гиммельштейн А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Даниленко А.В. Региональная власть и общественность Сибири (XIX – нач. XX в.). Иркутск, 2007.
13. Шиловский М.В. Оценка сибирскими областниками реформ 1860–1870-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3.
14. Амур. 1861. № 84.
15. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2.

УДК 94(47)

М.В. ШИЛОВСКИЙ

ОЦЕНКА СИБИРСКИМИ ОБЛАСТНИКАМИ РЕФОРМ 1860–1870-х гг.

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

В статье анализируется непосредственная реакция сибирских областников Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, С.С. Шашкова, Н.И. Наумова и других на реформы 1860–1870-х гг., прослеживается эволюция их оценок рассматриваемого события.

Ключевые слова: реформы 1860–1870-х гг., областничество, Сибирь, крепостное право, общественно-политическая жизнь, правительствo, общество.

Как известно, Великие реформы 1860–1870-х гг. только частично и с большим запозданием (например, судебная) коснулись Сибири. Из-за отсутствия в регионе частных периодических изданий местная интеллигенция не оставила нам свидетельств непосредственной реакции на предпринятые правительством Александра II преобразования. Тем большую ценность представляют воспоминания и оценочные суждения областников (А.П. Шапов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков, Н.С. Щукин, Н.И. Наумов и др.) – участников сибирского земляческого кружка в Петербурге (1859–1863 гг.), вернувшихся потом на родину и арестованных летом 1865 г. по делу об отделении Сибири от России. Уникальность источников личного происхождения, вышедших из-под их пера, а также публицистических и литературных произведений сторонников упомянутого выше течения отечественной общественно-политической мысли и движения опре-

деляется непосредственной «включенностью» их авторов в кипящую атмосферу первой российской «оттепели» XIX в.

«Я помню, – подчеркивал Н.М. Ядринцев, – мы приехали в столицу в половине 1860 года. Это было время радостных надежд и упований перед освобождением крестьян... Акт нашего самосознания совпал с великим актом пробуждения русской жизни. Мы помним это время и не можем не отметить его... Трудно передать этот момент русской жизни и состояние русского общества, оно скорее запечатлено в чувствах, в смутных грезах и образах, чем поддается сознанию и определенным воспоминаниям. Прежде всего, как-то особенно чувствовалось все по-весеннему, везде была весна: и в воздухе, и в сердце; какой-то гул шел по Руси, слышался повсюду живой, открытый, неестественный говор, точно сразу люди были выпущены откуда-то и заговорили от полноты души, и торопились высказать все, что

наболело на душе, что скрывалось, но чувствовалось. Чего-то все ждали. Всех охватывал этот трепет ожидания чего-то хорошего, счастливого. Переживалось нечто необыкновенное, что не переживалось ни до, ни после этого. Не было кругом давящего кошмара, не было ощущения робости и рабского трепета, почти панического страха, воспитанного с детства, который проникал прежде до глубины русского человека, сжимал душу и вечно заставлял скрывать собственные помыслы. Каждый вдруг стал говорить: “могу”, “хочу”, и все почувствовали, что холодный трепет более не охватывает организма, ничто не сжимает горла. Всем дозволено было жить, и мыслить, и говорить, как чувствуется» [1, с. 181–282].

В оценках, выводах, общей тональности областнических сочинений можно выделить два этапа, рубежом между которыми стали студенческие волнения в Петербурге осенью 1861 г. На первом – происходило погружение молодых сибиряков в атмосферу повседневной жизни российского общества и его столицы. По признанию Г.Н. Потанина, несмотря на семилетний стаж службы казачьим офицером, в Европейской России он впервые воочию столкнулся с помещичьим бытом, известным ранее только по произведениям Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева, посетив во время летней экскурсии 1860 г. в Рязанскую губернию имение своего дяди В.Ф. Трунина и его жены, урожденной Ляпуновой, в селе Верейкино. Его прежде всего поразила обстановка крестьянского дома, состоявшего из одной комнаты. «Я был озадачен, – признается Григорий Николаевич. – Изба, посреди которой я стоял, имела земляной пол; тут же вместе с детьми спали и телята». Почувствовал он и настроения дворян-землевладельцев, выступавших против отмены крепостного права, и настроения, витавшие в обществе:

Тогда вопрос об освобождении крепостных крестьян волновал всю Россию. На железных дорогах пассажиры третьего класса, крестьяне, вели открыто неумолкавшие разговоры об освобождении. То же самое было и на собраниях интеллигентных людей, в театрах и ресторанах. Помещики со страхом ждали, когда и как разрешится надвинувшаяся на них туча, и молились богу: «Пронеси, господи, тучу мороком!» [2, с. 127, 129].

Уже к моменту приезда в Петербург у молодых сибиряков оформились радикально-демократические воззрения. За время пребывания в университете они приобретают четкую направленность.

«...Три года, проведенные нами в Петербурге перед отъездом в Сибирь, имели для нас воспитательное значение, – признается Г.Н. Потанин. – Это был самый разгар шестидесятых годов, совершенно исключительное время. Новые идеи, новые течения обильно сыпались на наши головы» [2, с. 158].

Большое воздействие на общественно-политические взгляды моих героев оказала атмосфера Петербургского университета того времени. В 1888 г. Н.М. Ядринцев свидетельствовал:

Петербургский университет тогда представлял учреждение, какое другим поколениям уже не суждено видеть... Достаточно вспомнить даровитые лекции покойного Н.И. Костомарова, на которые стекался весь Петербург, чтобы понять то влечение и обаяние, которое имел тогда университет для общества и студентов. Нам не забыть никогда публичного чтения Н.И. Костомарова, когда университетская зала была наполнена 2500 человеками и все это гудело от восторга и экстаза, не забыть публичных диспутов с Погодиным, когда Н.И. Костомарова студенты выносили на своих руках. И это было не одно торжество университета: ликовало общество, общество просвещенных людей Петербурга, вся интеллигенция, мало того, даже аристократические салоны были прикованы и увлечены жизнью университета. «Студенты» были почетное имя, и они гордо подняли голову [1, с. 282].

В рамках такой этой возвышенно-радикальной атмосферы 1859–1860 гг. потрясающее впечатление на студенчество произвели лекции по отечественной истории профессора-сибиряка А.П. Щапова в Казанском университете.

«Скажу наперед, – начал он первую из них 11 ноября 1860 г., – не с мыслью о государственности, не с идеей централизации, а с идеей народности и областности вступаю я на кафедру русской истории... Идея единодержавности не заключается в понятии народности».

Отечественная история развивалась в борьбе народности и областности с централизацией и государственностью. Она сопровождалась расколом, бунтами С. Разина и Е. Пугачева, «прогрессивными стремлениями и действиями лучших людей» XIX в. (А.Н. Радищев, К.Ф. Рылеев, А.Н. Гоголь, Искандер (А.И. Герцен)). Идея народности, по мнению А.П. Щапова, породила неотвратимость реформ и освобождение крепостных. Она вызвала к жизни тайные общества и «торжественно заявила в истории свое право 14 декабря» [3, с. 12, 17, 37].

Ощущение праздника начало исчезать в мироощущениях моих героев после обнародования Манифеста 19 февраля 1861 г. и расстрела 12 апреля 1861 г. крестьян с. Бездна Спасского уезда Казанской губернии, пытавшихся в свою пользу трактовать текст «Положения». Первой реакцией на это была ставшая знаменитой Куртинская панихида в Казани 16 апреля 1861 г., подготовленная при активном участии студентов-сибиряков С.С. Шашкова и А.Х. Христофорова. С яркой речью на ней выступил А.П. Щапов, в частности, заявивший в отношении жертв расправы:

Вы первые нарушили сон, разрушили своей инициативой наше несправедливое сомнение, будто народ наш неспособен к инициативе политических движений. Вы громче царя и благороднее дворянина сказали народу: ныне отпускаешь раба твоего. Земля, которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла Вас мучениками в свои недра, – эта земля воззовет народ к восстанию и свободе. Мир праху Вашему и вечная историческая память

Вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция! [4, с. 91–92].

Розовый флер ожиданий окончательно рассеялся после студенческих волнений осенью 1861 г., вызванных резким сокращением квоты на бесплатное слушание лекций: многие молодые сибиряки лишались возможности продолжить обучение. Активное участие в протестных действиях приняли «отставной сотник войскового управления Сибирского казачьего войска Григорий Потанин» и ряд его земляков. Уже в январе 1862 г. Григорий Николаевич пишет своему постоянному корреспонденту Н.С. Щукину в Иркутск: «Ваша программа как будто написана еще в 1856 году, во время возрождения наук, [когда] правительство и общество пошли путем реформ. А на самом-то деле ни правительство, ни общество не пошли по этой дороге, правительство надувает, а общество спит» [5, с. 59].

В последующем негативная характеристика реформ, прежде всего связанных с ликвидацией крепостного состояния, была закреплена в рукописной прокламации «Патриотам Сибири», написанной, по моему мнению [6, с. 98–110], в первой половине 1863 г. в Петербурге Н.М. Ядринцевым и С.С. Шашковым на основе составленной С.С. Поповым прокламации «Сибирским патриотам» [7, с. 37]. В ней вопрошается:

Чем увенчались его [правительства] реформы? Рядом с освобождением крестьян мы видим невинно пролитую кровь, крестьянскую кровь и отдачу необходимой крестьянам части земли помещикам. Рядом с облегчением, под громким именем освобождения [от] телесного наказания, мы видим ссылку и каторгу, мученья и казни лучших граждан, осмелившихся говорить в защиту народа [8, с. 93].

По мере осуществления реформ областники начинают выступать за их распространение на Сибирь. Первым пробным камнем стала земская реформа 1864 г., которая не коснулась региона. И давая показания следственной комиссии в Омске 21 июля 1865 г., С.С. Шашков на вопрос об актуальных проблемах сибирской жизни в качестве таковых обозначил: развитие образования и открытие университета, введение гласного судопроизводства и земских учреждений, распродажа «земли в частные руки»¹.

Следует заметить, что даже в среде, близкой к сторонникам движения, не все разделяли их радикальные взгляды и критическое отношение к проводимым реформам. Показательно в этом отношении мнение вольнослушателя Петербургского университета, выпускника Томской гимназии, «из мещан, знавшего и переписавшегося с Потаниным и Ядринцевым в Санкт-Петербурге» И.А. Лукина от 26, 27, 28 января 1866 г. Прежде всего, он подверг критике идею отделения Сибири от России:

«Познакомившись с новейшими европейскими революциями по тем книгам, которые изданы на русском языке, – свидетельствовал единомышленник областников, – и

прийдя к тому заключению, что подобные перевороты ни к чему не ведут. Винават, ведут к огромной напрасной трате экономических (рабочих) сил государства, я стал направлять свои мысли на решение подобного вопроса мирным путем. И теперь, относительно этого вопроса, я думаю так: с Сибирью в отдаленном будущем (примерно 400 или 500 лет) может случиться что-нибудь подобное Американским Штатам. А приводить подобную идею в исполнение в настоящее время чистая химера. Каждый разумный человек, прежде чем достигать политической независимости, будет стремиться к независимости экономической. А где же фабрики и заводы в Сибири? Их нет».

Отсюда необходим мирный, реформаторский подход посредством устройства фабрик и заводов, технической модернизации. «Поэтому каждый благоразумный человек вместо того, чтобы толковать о несбыточных надеждах, лучше бы посоветовал, хоть мужику купить ткацкий станок, да и сам бы немного помог. Имя такого человека я выставлю всегда выше химеристам подобных Потанину. Себя я назову экономическим сепаратистом и буду стремиться к экономической независимости от московских фабрикантов, купцов и тому подобных эксплуататоров. Не Россия приносит вред Сибири, а московские купцы». Поэтому, «я предлагаю идти по совершенно другой дороге, нисколько не вредя правительству, а даже пользуясь с благодарностью его благами реформами, то общего с Потаниным ничего не имею и участия в его замыслах никакого не принимал»².

Областники продолжали критику проводимых реформ. Прежде всего одну из коренных причин явной неэффективности преобразований они видели в коррумпированности чиновничества. «Твердя о реформах, – утверждалось в прокламации «Патриотам Сибири, – оно [правительство] не дает народу заботиться о своих нуждах чрез выборных и вверяет судьбу его, по прежнему, подлому чиновничеству, столько лет сосавшему народную кровь» [8, с. 93]. Попытки улучшить положение поступлением на государственную службу положительного эффекта не давали. Подводя итоги своей чиновничьей карьеры в Сибири, Н.И. Наумов в расказе «Загора» (1881) вынужден был признать:

Но в это время я был еще молодым и смотрел на службу как вообще смотрели на нее молодые идеалисты шестидесятых годов. Эти люди не ограничивались только формальным исполнением предписаний. Они смотрели на службу не как на средство существования. Приняв на себя служебную миссию, они стремились приносить народу осязаемую помощь, изучать их нужды, защищать его интересы, преследовать всеми зависящими средствами зло, разъедающее жизнь народа, а по возможности указывать на те средства, которые вернее всего могли бы уврачевать язвы, сложившиеся веками на его организме. Большинство этих людей, столкнувшись с неодолимыми препятствиями, потерпели полное разочарование, и многие из них, обвиненные в политической неблагонадежности единственно потому,

ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 13. Л. 156.

² Там же. Д. 15. Л. 109–110.

что не брали взяток и мешали брать их другим, покинули навсегда служебное поприще [9, с. 628].

Н.М. Ядринцев в 1884 г. следующим образом оценил период реформ с точки зрения воздействия на своих единомышленников:

Время перелома, критики старых начал мы пережили живо, отдаваясь ему. Наши земляки, как я замечал, были весьма восприимчивы к новым теориям, к новаторству, из них выходили самые ревностные прозелиты новых направлений. Я могу объяснить это разве тем, что сибиряки вообще не имеют традиций, предрассудков, у них нет ничего позади, и взор их устремлен вечно в будущее. Точно так же они не были лишены твердости и мужества в преследовании своих убеждений. Я почти не знаю из наших товарищей ренегатов и отступивших впоследствии от лучших традиций своей юности, и несчастный, полупомешанный Щукин составлял исключение. Наше поколение в общих теориях осталось на грани между 60-ми и 70-ми годами. Не восприняв крайности последних, унаследовав самые светлые и лучшие верования первых, писатели моего времени перенесли эти лучшие надежды на свою родину и взлелеяли их. Теория 70-х и 80-х годов только отвлекла сибиряков от их родины и почти не дала заметных деятелей на поприще литературы [10, с. 313].

Исходя из этих позиций, в 1891 г. незадолго до смерти в памфлете «Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад» Николай Михайлович сформулировал интегральную оценку реформ Александра II и Александра III:

В действительности после освобождения крестьян «община сильно изменила свой склад, выдвинулось кулачество, появились обезземеленные крестьяне и в России обнаружился тот же аграрный вопрос и безземелье, которое считалось только язвой Запада. Община на экономическом пути не сделала прогресса, она дальше от ассоциации, чем европейский крестьянский мир. Крестьянство так же отстало в культуре, как 100 лет назад, бедно, как было при крепостном праве». Николаевская Россия «исчезла вместе с обаянием силы. Александровская обновленная Россия также исчезает и стирается... Мы видим, что это эпоха застоя, разложения и внутреннего и внешнего бессилия». «Нет проявлений общественной жизни». «Открещивание от западничества и конституционных идей, парламентаризма и общечеловеческих прав, внесенных реформами царствования Александра II, породило тьму, создало особую атмосферу, которая уже дает себя чувствовать» [11, с. 210–211, 211–212, 217, 220].

Таким образом, в «Иллюзии величия...» Н.М. Ядринцев, во-первых, пытается подтолкнуть правительство к продолжению европеизации страны, взять его на «испуг», предсказывая очередное военное поражение; во-вторых, констатирует крах народнических иллюзий об особом пути развития России: «Идеалисты начали разочаровываться в общине, и вместо общинников появились марксисты» [11, с. 211].

Переживший своих друзей и единомышленников Г.Н. Потанин в начале XX в. в своих мемуарах (1913–1915 гг.) уже с умеренно-либеральных позиций оце-

нивает 1860–1870-е гг., сравнивая их с ситуацией накануне и в период Первой русской революции:

Счастливым тогда было время. То была весна русской жизни, вроде так называемой «весны Святополк-Мирского», но лучше ее. Та старая весна вспоминается с более приятным чувством, чем позднейшая; дело в том, что весна шестидесятых годов обвеена надеждами. Тогда реформы следовали одна за другой; одна реформа опубликована, а в печати уже намечается другая, а за ней и третья и четвертая; целая перспектива реформ. И общество было уверено, что эти обещания не обман, потому что, действительно, реформы следовали за реформами. Общество было настроено празднично, и даже голос оппозиции, в лице Герцена, звучал доверием и оптимизмом. В 1905 году была объявлена «реформа», а не «реформы», дана конституция, и все-таки будущее представлялось серым, а настоящее самими скучными буднями. Обществу предоставлено ожидать реформ, которые должен дать русский парламент, но когда это будет, совершенно неизвестно [2, с. 163].

Таким образом, на примере творчества Г.Н. Потанина четко отслеживается эволюция взглядов части областного актива в отношении оценки реформ 1860–1870-х гг. – от сдержанно-отрицательной до эмоционально-положительной.

Весна шестидесятых годов была настоящая весна, – уверяет Григорий Николаевич, – то была пасхальная неделя. Царские врата раскрыты настежь, пение клиросов и благоуханно, на душе отраднo, и прежде всего отраднo потому, что в ней затихли враждебные чувства к политическим противникам. Затихла обязательная для честного гражданина злоба против «тупой морды», стоящей «поперек прогресса», которая так бесила Щедрина [2, с. 163].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядринцев Н.М. Воспоминания о Томской гимназии (1888) // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4.
2. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Томск, 1983. Т. 6.
3. Шапов А.П. Общий взгляд на историю великорусского народа // Изв. Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1926. Т. 33, вып. 2–3.
4. Маджаров А.С. Афанасий Шапов. Иркутск, 1992.
5. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1.
6. Шиловский М.В. Об авторстве и времени написания прокламаций «Патриотам Сибири» и «Сибирским патриотам» // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987.
7. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008.
8. Дело об отделении Сибири от России. Томск, 2002.
9. Наумов Н.И. Избр. произв. Новосибирск, 1951.
10. Ядринцев Н.М. Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4.
11. Ядринцев Н.М. Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4.

УДК 94(470.4)''18''

А.Н. БИКТАШЕВА

**ГУБЕРНАТОРЫ О РЕФОРМЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ
НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА**

канд. ист. наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет
e-mail: biktashi@mail.ru

Статья посвящена изучению реформаторской деятельности российских губернаторов. Предметом анализа выступают должностные записки начальников губерний «о мерах реорганизации местного управления», составленные по поручению министра внутренних дел накануне отмены крепостного права в Российской империи.

Ключевые слова: губернатор, служебная инициатива, отмена крепостного права, реформирование местного управления.

Проблема организации эффективного управления отдаленными от центра регионами актуальна для России во все времена. Она напрямую связана с вопросами институционализации административного аппарата, рационализации его функций. В настоящее время в нашей стране воспроизведена губернаторская модель государственного управления. Казалось бы, такая реконструкция базируется на привлекательности и знании исторического опыта. Однако изучение исследовательской литературы и высказываний на эту тему современных политиков убеждает в том, что российское интеллектуальное сообщество слабо «владеет» данной темой. У нас до сих пор нет аналитического обобщения российского опыта губернского управления. Ощущается дефицит знания о характере взаимодействия губернаторов с центральной властью по вопросам реформирования местного управления. В данной статье исследуются губернаторские инициативы периода подготовки отмены крепостного права.

С внедрением в 1802 г. министерского управления служебные инициативы начальников губерний стали приобретать внутриведомственный, массовый характер. Свидетельством тому могут служить делопроизводственные материалы Министерства внутренних дел (губернаторские отчеты, служебные записки, полуофициальные письма), в которых фиксировался «персональный голос» губернатора. Фронтальное изучение документов «нисходящей» и «восходящей» коммуникаций в пределах даже одной губернии позволяет уловить изменения в направленности диалога властей, появление новых форм их взаимодействия.

К примеру, в решении крестьянского вопроса реформа государственной деревни подвела верховную власть к поиску новых идей. Их аккумуляция уже традиционно происходила в секретных комитетах [1, с. 34–122]. «Писать во власть» получили возможность и отдельные начальники губерний. Николай I своими

личными обращениями стимулировал поток их восходящих инициатив. Известно, что в 1848 г. в Секретный комитет был подан проект «приведения состояния крепостных людей в правильное положение» бывшего казанского военного губернатора С.П. Шипова. В нем предлагалось упорядочить повинности крестьян, «дать хорошее, во всем удовлетворительное, устройство властям местного управления», «установить правила перехода поселян из имения одного помещика к другому и причисление их в другие состояния», но при сохранении дворянского землевладения [2]. И впоследствии отставной генерал поддержал отмену крепостного права, безвозмездно передав бывшим своим крестьянам около 2,5 тыс. дес. земли.

В личном архиве еще одного казанского военного губернатора И.А. Боратынского (брат известного поэта Е.А. Боратынского) мною была обнаружена копия проекта освобождения крепостных крестьян. Он был адресован наследнику престола в 1849 г.¹ Документ начинался словами: «Вашему Императорскому Высочеству благоугодно было приказать мне изложить письменно некоторые мысли мои о возможности постепенного изъятия помещичьих крестьян из крепостного состояния». Проект И.А. Боратынского писался в поддержку «намерений правительства изменить образ отношений крепостных крестьян к их владельцам или даже совершенно изъять крестьян из крепостного владения помещиков». Автор выступал за постепенное разрешение крестьянского вопроса «без потрясений» и без нарушения прав «высочайше дарованных дворянству», предлагался поэтапный путь отмены крепостного права во избежание беспорядков. В проекте утверждалась априорность экономических интересов дворянства. Подробно проговаривался механизм отпуска крестьян за выкуп, но без земли. По мнению

¹ РГАДА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–8.

автора, отмена крепостного права должна была происходить добровольно и без участия государства в решении земельного вопроса. Думается, что подобные поручения могли выполнять лишь избранные губернские начальники. И то, что сразу два казанских губернатора были задействованы в работе Секретного комитета по обсуждению крестьянского вопроса под председательством цесаревича Александра Николаевича, может свидетельствовать об их принадлежности к доверенному кругу лиц царской семьи.

На этапе подготовки реформ 1860–1870 гг. губернаторские предложения по поводу предстоящих преобразований приобретали массовый характер. Важным шагом для отмены крепостного права следует считать секретное предписание министра внутренних дел С.С. Ланского от 20 октября 1856 г. «О расширении власти начальников губерний»². Первоначально это предписание соответствовало мерам реорганизации местного управления, начало которым было положено созданием комитета о сокращении делопроизводства при МВД (действовал с 1853 по 1861 г.). Служебные записки губернаторов в ответ на это предписание должны были отражать общественный настрой накануне «эмансипации», региональную специфику, готовность губернаторов к посредничеству в проведении Великих реформ. В моем распоряжении имеются две такие записки: И. А. Боратынского о «содействии успешному ходу управления», которая была направлена на имя С.С. Ланского в феврале 1857 г.³ и калужского губернатора В.А. Арцимовича «о причинах упадка губернаторской власти», поданная в июне 1858 г.⁴ Судя по датам этих конфиденциальных посланий, они поступали министру внутренних дел на протяжении значительного промежутка времени.

Записка И.А. Боратынского была структурирована в соответствии с разделами «Наказа гражданским губернаторам» 1837 г., что должно было придать «расширению полномочий» губернатора правовой контекст, не сужая значение составленной служебной записки до частных рекомендаций. Текст был разбит на пять разделов: 1) По отношению к службе по определению от правительства и по выборам; 2) По охране дарованных законом прав и общественного благоустройства и благочиния; 3) По обеспечению народного продовольствия и общественного хозяйства; 4) По участию в делах Казенного управления; 5) По общеполицейскому управлению. Разделы в свою очередь разделялись на части, в каждом из них содержались обильные отсылки и рассуждения относительно действующего законодательства, касающегося губернских учреждений. Перечисленные объекты губернаторской деятельности, требующие, по мнению Боратынского, своего «расширения», служат еще одним наглядным подтверждением приоритета административно-полицейских полномочий губернатора.

² НА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1205. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 4–48 об.

⁴ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 79. Л. 1–12.

«Расширение власти губернатора» казанский губернатор видел, прежде всего, в распространении утвержденных 28 января 1852 г. правил назначения и удаления чиновников, подведомственных губернскому правлению, и на уездных землемеров (подчиненных непосредственно Сенату и директору Межевого корпуса), и на «лиц, служащих по выборам дворянства, занимающих полицейские должности» (земские исправники, заседатели земских судов). Мотивацией этому предложению выступали частые злоупотребления перечисленных должностных лиц. Выход виделся в наделении начальников губерний правом предания их суду. На уездном же уровне казанский губернатор просил освободить главу губернии от излишней опеки городского самоуправления, придав ему большую самостоятельность «в общественных делах и нуждах».

Для сокращения «бесполезной переписки» предлагалось подвергнуть местную полицию реструктуризации. Для этого нужно было отказаться от выборной «полиции» крестьян (тысяцких, сотских и десятских) и, соответственно, от десятичной системы деления уезда. Он полагал более целесообразным поделить уезд на 4–8 полицейских участков, «смотря по местности или обширности уезда» и определить в эти участки полицейских надзирателей, подчиненных, в свою очередь, становым приставам. Становых же приставов следовало, по его мнению, сосредоточить в уездных городах.

С этим же предложением Боратынский обратился к императору, будучи еще ярославским губернатором, в 1845 г. [3, с. 207–208]. В своем ежегодном отчете он писал:

Я осмеливаюсь Всеподданейше донести Вашему Императорскому Величеству, что для пользы службы необходимо преобразование земских полиций с предоставлением лучших и удовольственных способов этой части важнейшего государственного управления...⁵.

На полях отчета была сделана помета:

Совершенно справедливо, ибо все распоряжения правительства, сколь ни благодетельны и мудры, остаются без успеха, потому что исполнение их лежит на полициях, которые ныне в самом жалком положении.

Получается, что по прошествии 12 лет местная полиция так и не подвергалась дальнейшему реформированию.

Составитель записки останавливался и на проблемах управления казенной деревней. К примеру, для прекращения затруднений в следственных делах в результате «болезненных и обременительных сношений с Палатой государственных имуществ» он предлагал подчинить окружные, волостные и сельские правления государственных имуществ начальникам губернии в той же мере, в какой находилась уездная полиция. Особое внимание уделялось возможностям губернатора изменять смету расходов земских повин-

⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 59. Л. 15–15 об.

ностей, принимаемую один раз в три года. В случае же появления экстренных расходов просил разрешения производить расход из остатков земского сбора.

В записке И.А. Боратынского много места было уделено вопросам реализации градостроительных программ. Начальник Казанской губернии выступал за увеличение самостоятельности губернатора в решении строительных задач. Предлагал предоставить право местным властям разрешать ремонт и постройку хлебных магазинов на суммы от 90 руб., производить строительные работы по утвержденным проектам и сметам на суммы свыше 300 руб. (не ожидая разрешения МВД), допускать ремонт и исправление зданий, а особенно мостов, повреждаемых паводком. Просил увеличить сумму, выделяемую для этих целей начальнику губернии от 150 до 1000 руб. и т.д.

Последняя часть документа касалась «праздношатающихся», «воров из мещан» и «ябедников». Об этой категории людей стоит сказать специально, поскольку Казань «славилась» своими «сочинителями просьб». В записке предлагалось официально учредить в губернских и уездных городах особые конторы, в которых было бы разрешено работать опытным чиновникам, поскольку поверенные большей частью сделали «из сего звания ремесло наживать на счет благосостояния верителей и чести судей». Иначе говоря, еще до введения судебных уставов (20 ноября 1864 г.) казанский губернатор просил легализовать адвокатские конторы и поставить их под контроль государства. Содержание и форма спускаемой МВД должностной записки для губернаторов были произвольными, поэтому ее предназначение каждый начальник губернии осознавал по-своему. Не трудно заметить, что казанский правитель сосредоточился на текущих административных проблемах, требующих своего разрешения, не вдаваясь в порождавшие их причины.

Записка калужского [4; 5], а в прошлом тобольского губернатора В.А. Арцимовича отличалась уже по громкому заглавию. Она была написана иначе. Начинаясь словами «Давно уже намечается у нас упадок значения Начальников губерний. Нет сомнения, что в архивах министерства хранится много рассуждений и проектов, касающихся расширения власти Губернаторов». Автор называет министра внутренних дел зачинателем изменения «в ныне существующем порядке управления губерниями». Для него очевидна польза практических замечаний, которые могли бы повлиять на изменение и дополнение законов, «определяющих круг и пределы власти губернаторов». Вместе с тем Арцимович убежден, что «губернатор как представитель высшей в губернии власти не может достигнуть полной самостоятельности и высокого значения, пока все учреждения не достигнут возможно лучшего устройства и правительство не освободится от узко-бюрократического элемента и не успеет искоренить к подкупам и казнокрадству. Настоящие причины упадка власти губернаторов глубоко лежат в недостатках нашего общественного быта и устройства»⁶. По мне-

нию ее составителя, причина «упадка власти» губернатора кроется в кризисном состоянии всей системы имперского управления. Вся последующая его аргументация основывалась на этой идее.

Виктор Антонович был убежден, «что возвышение власти начальников губерний зависит... от многих важных и существенных перемен, а именно от прекращения излишней централизации, усовершенствования органов местного управления, преобразования откупной системы и стремления к уничтожению сословных предрассудков». Он полагал, что

власть начальника губернии тогда будет иметь законную силу и важное значение, когда, с одной стороны, она будет поставлена в невозможность перейти в произвол и своеволие, а с другой, получит все средства и способы делать добро и пользу управляемым лицам, не стесняясь пустыми, замедляющими дел формальностями»; «при возвышении достоинства губернатора следует заботиться, чтобы оно не оставалось понятием отвлеченным»; «необходимо назначать на эту должность людей, коих репутация основана не на рутине, понятиях отставных или выслуге в военном звании, а на таких прочных убеждениях...»; «...придать действиям губернаторов некоторую известность и гласность, печатая во всеобщее обозрение сведения отчета их по управлению губернию... Благонамеренные начальники не могут опасаться гласности, ибо таинственность есть плод учения взяточников и казнокрадов»⁷.

Таковы были убеждения либерально мыслящего российского губернатора относительно необходимости радикальных перемен всей системы губернского управления.

Сравнивая приведенные документы, невольно осознаешь разницу между этими двумя губернаторскими записками. Она заключена и в подходах, и в стиле изложения. Очевидна разница авторских замыслов. Объяснением тому могут служить сроки подачи этих записок в МВД. Так, записка В.А. Арцимовича была написана летом 1858 г., на этапе публичного обсуждения предстоящих реформ. В ней ощущается масштабность политического мышления ее составителя. Ее содержание соответствовало духу предстоящих радикальных перемен.

Итак, к середине XIX в. административные инициативы российских губернаторов вышли за пределы отдельной губернии. Их интеграция стала осознаваться в верхах как самостоятельная сила. Свидетельством тому могут служить многочисленные должностные записки, на которые следовало реагировать. Инициированное Министерством внутренних дел посредничество начальника губернии между обществом и властью позволило некоторым из них стать проводниками отмены крепостного права в России, ощутить свое соучастие в политике правительства, проявить свою гражданскую позицию, стать субъектом политических решений.

⁶ Там же. Л. 3 об.

⁷ Там же. Л. 9–12.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005.
2. Долгов Е. «Строитель по призванию»: (казанский губернатор С. П. Шипов) // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2003. № 1/2. С. 135–142.
3. Матханова Н.П. Губернаторские отчеты и жандармские донесения как источник по истории российского провинциально-

го чиновничества середины XIX века // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 204–236.

4. Арцимович В.А. «Близкое познание Сибири ныне необходимо»: доклад. 1852 г. / публ. подгот. Н.Н. Александрова // Исторический архив. 1996. № 5/6. С. 192–214.

5. Гриценко Н.В. Организация управления Тобольской губернией в конце XVIII – первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005.

УДК 94(47).082

Н.Н. МОРОЗОВА

ПРЕССА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ НА ГУБЕРНСКОМ УРОВНЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ*

канд. ист. наук

Новосибирский государственный технический университет

e-mail: nathalie-nik@yandex.ru

В статье охарактеризована роль «Губернских ведомостей» в управлении губернии в первые годы правления Александра II. На материалах Томской и Тобольской губерний рассматривается, какие административные задачи решали местные чиновники с помощью официальной прессы.

Ключевые слова: губернская администрация, официальная пресса, «Губернские ведомости», реформы 1860-х гг.

Середина XIX в. была для России временем значительных перемен. Задуманные реформы отличались комплексностью и масштабностью, что требовало особого подхода к их проведению. Правительство всегда стремилось контролировать ситуацию в стране, но теперь оно, как никогда, нуждалось в оперативном поступлении и распространении информации. В качестве одного из основных каналов для получения сведений и распространения своих взглядов во время подготовки и проведения преобразований реформаторы выбрали прессу. Новые методы управления и влияния требовались и на местах. Подходящие условия для этого в большинстве губерний имелись. Самыми распространенными периодическими изданиями в провинции были официальные газеты «Губернские ведомости», подчиненные губернатору. Но оставались регионы, в которых они на момент подготовки реформ отсутствовали. Реалии времени требовали ввести этот инструмент управления везде, где это было возможно.

Работа правительства при Александре II с общественным мнением с помощью центральной прессы давно привлекла внимание исследователей. Начиная с XIX в. изучаются изменения в цензурной политике, действия власти в отношении периодических изданий различной общественно-политической направленности

[1; 2; 3, с. 175; 4]. Меньше исследованы действия местных администраций и правительства в отношении региональной прессы.

В работах историков, краеведов неоднократно предпринимались попытки изучить деятельность региональных властей с использованием материалов официальной печати. В ряде работ внимание обращалось на взаимосвязь между успешным существованием этих газет и личной заинтересованностью губернаторов в такого рода изданиях. Изучается организация выпуска периодических изданий в сибирском регионе и участие местных властей в этой деятельности, причем более подробно рассмотрена ситуация в Восточной Сибири. Отмечается, что развитие печатного дела в регионе во многом зависело от действий администрации [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14].

Накануне и в годы реформ в регионах самым распространенным типом газет являлись «Губернские ведомости». Впервые пресса стала использоваться в управлении на местном уровне при Николае I. «Ведомости» задумывались правительством как официальный печатный орган на местах, который являлся бы частью административного аппарата и был предназначен для решения управленческих задач. Имперская власть, создавая в XIX в. сеть местных официальных изданий, руководствовалась необходимостью распространять официальные сведения, данные о торгах, ярмарках и стремлением собирать информацию о регионе. Но по прошествии нескольких десятилетий в усло-

* Работа подготовлена в рамках гранта на поддержку ведущих научных школ, № НШ-3942.2010.6.

виях происходящих реформ могли появиться новые приоритеты.

Свидетельством того, что «Губернские ведомости» при Александре II не утратили своей актуальности в управленческой сфере, может служить факт, что именно в предреформенный период они начинают издаваться в ряде сибирских губерний. Для этого правительство изменяет штатные расписания и идет на дополнительные затраты. Проявляют готовность к вложениям в издательское дело и на местах¹. Условия существования газетного стола, правила издания и распространения, назначение редакторов и цензоров, структура газеты, допустимость различных жанров в «Ведомостях» регламентировались законом².

Как известно, в «Губернских ведомостях» согласно закону должны были существовать два отдела, один из которых делился на «часть официальную» и «часть неофициальную». Изначально предполагалось, что губернаторы смогут использовать эти газеты как для распространения официальной информации среди административных подразделений и населения, так и для других целей менее формального характера. Для решения первой задачи предполагалось ввести первый и второй официальные отделы, для второй – «неофициальную часть».

Анализ содержания «официальных частей» «Губернских ведомостей» Иркутска, Тобольска, Томска, Архангельска, Орла и Олонца показал, что большой объем в них был занят объявлениями от различных губернских структур – от губернатора, правления, суда, других учреждений (например, Приказа общественного призрения). Как правило, в газете они печатались в одном или двух разделах, в которых они формировались в группы по источнику поступления материалов – присутственных мест, центральных властей и губернского правления. Затем их распределяли по тематике. Кроме объявлений и извещений, в официальной части печатались постановления, распоряжения, приказы. Группировались они чаще всего по тому же принципу. Указанный подход противоречил закону, но применялся с некоторыми вариациями во всех газетах. Этому можно найти объяснение. Выпуск официальной части в соответствии с установленной центральными властями структурой был связан с дополнительными трудностями: сотрудникам газетного стола пришлось бы сортировать материалы, поступающие от присутственных мест, центральных властей и губернского правления, а именно: на предназначенные к оглашению только по губернии и на те, что распространялись по всей империи. Губернские чиновники предпочитали упростить процесс подготовки номера. Возможно, разрабатанная ими структура была удобной для рабо-

ты с газетой как официальных инстанций, обязанных получать «Губернские ведомости», так и губернских обывателей, которые могли обращаться к печатному органу за информацией, например, о судебных решениях и т.п.

Официальная часть «Губернских ведомостей» отражала специфику губернии. Так, в тобольской газете преобладают документы, касавшиеся ссылки и промыслов, в томской – горных заводов, золотых приисков. Кроме того, в «Тобольских губернских ведомостях» объявления о благодарности чиновникам выносятся на первое место, каждому виду поощрения соответствует собственный раздел, тогда как в томской газете такое разделение отсутствует. Это можно объяснить тем, что в период становления газеты губернатором в Тобольске являлся В.А. Арцимович. Будучи либералом, он считал, что чиновники служат обществу, и общество должно знать, кто из них работает добросовестно, а служащие должны видеть признание своих заслуг.

Таким образом, изучение структуры официальной части позволяет судить об использовании газеты администрацией в управленческой практике. Губернским правлениям удалось добиться массового распространения документов, достаточно оперативного доведения официальной информации до нижестоящих служащих и населения. В каждой губернии выделялись свои направления, которые нуждались в особом освещении.

Местные власти использовали в своих целях и «неофициальную часть». Мы уже обращали внимание на то, что с помощью губернской газеты сибирские чиновники пытались решить две задачи: сбора сведений о регионе и распространения среди населения информации просветительского характера [15, с. 24]. Но в этих целях «Губернские ведомости» использовались и ранее. Период подготовки и проведения реформ отличался спецификой работы администрации с прессой: теперь губернаторы, как и правительство, пытаются работать с общественным мнением, используя средства массовой информации.

Реализация этой цели могла осуществляться такими приемами, как прямое вмешательство – публикация обращений, программ газеты, или скрытое вмешательство – помещение статей «нужного» содержания, официальные комментарии к публикуемым материалам. Как правило, программы газет соответствовали закону, но редакция позволяла себе упустить пункты, не актуальные для губернии, по ее мнению, тем самым концентрируя свое внимание именно на нужных для себя сюжетах³. Тобольская администрация открыто использовала газету, в частности, для популяризации воскресных школ⁴.

³ Объявления // Томские губернские ведомости. 1857. № 12. С. 1; От редакции «Губернских ведомостей» // Там же. № 10. Часть неофиц.

⁴ Положение о воскресной школе в городе Тобольске // Там же. 1860. № 44. С. 409–410.

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 7.

² Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. I, ч. II. Ст. 1368; Т. 2, ч. I: Общее губернское учреждение. Ст. 728, 763, 863, 876–880; и др.

«Тобольские губернские ведомости» часто становились средством разъяснения населению позиции местных и центральных властей. Делались такие внушения как в завуалированной форме (публикация статей с поощрительной тональностью о благотворительности в пользу бедных или назидательных о необходимости поддерживать образование), так и более откровенно. В 1861 г. по поводу пожарных команд газета писала, что общество не поняло намерений правительства о преобразовании пожарной команды в общественную, посчитав, что платить за нее будут только городские сословия, а чиновники и разночинцы останутся в стороне и такое положение вещей приведет к повышению платежей. Далее следовало разъяснение, что платить будут все⁵. Здесь подтекстом присутствует недоверие общества к властям. Видно, что, хотя газета не может или не решается открыто говорить о недоверии общества к чиновникам, сам этот факт хорошо известен обеим сторонам, и администрация стремится снять напряжение.

Своеобразной визитной карточкой редакции «Тобольских губернских ведомостей» стало скрытое использование полемики по общественным проблемам в интересах власти. Так, в 1863 г. Н.М. Чукмалдин обращается к газете с попыткой отстаивать интересы городского общества. Он предаст гласности конфликт мещан и купцов г. Тюмени. О необычности подобного шага для общественного сознания уездного города свидетельствует то, что под статьей «Купцы и мещане г. Тюмени» стоит псевдоним «Тюменец», хотя другие его работы даны с его фамилией⁶. Редакция газеты сочла необходимым, в соответствии с законом, поместить примечание о том, что конфликт урегулирован благодаря решению губернатора⁷. Некоторые из тюменцев осудили Н.М. Чукмалдина, и он напишет об этом позже: «По поводу статей моих, напечатанных в апреле месяце прошедшего года, мне раз усиленно доказывал один тюменский обыватель, что я, напечатав о порядке в нашей городской думе, об антагонизме между купечеством и мещанством, – поступил не только не хорошо, а даже не честно. “Сора из избы у порядочных людей не выносят”, – сказал он мне наставительно в заключение»⁸.

Но Н.М. Чукмалдина такое отношение не смущало, он развивает тему и говорит о том, что общество «ходит на помочах» и действует только по приказу сверху; оно не в состоянии повлиять даже на городскую думу и т.д.⁹ Идея о том, что общество должно проявлять большую активность, развивается не только Н.М. Чукмалдиным, его поддерживает житель Тю-

мени Е. Воронцов, который утверждает, что жители городов должны научиться контролировать действия городских дум¹⁰.

Следует отметить, что, отстаивая свою позицию, оба автора чувствовали поддержку со стороны губернских властей. Еще после первой статьи редакция опубликовала следующую заметку: «Помещая с особым удовольствием статьи г. Тюменца на страницах нашей газеты, мы считаем обязанностью благодарить его за гласное заявление некоторых нужд городского и сельского населения губернии и злоупотреблений, из которых некоторые, может быть, укрывались от самого зоркого взгляда и от самого добросовестного наблюдателя...»¹¹. На этом примере видно, что, какие бы острые проблемы ни поднимались, о каких бы ошутимых нарушениях ни говорилось на страницах «Губернских ведомостей», эти издания обслуживали в первую очередь нужды губернской власти, и губернаторы при желании пользовались этим. Видимо, публикации «на злобу дня» появлялись, скорее всего, с их санкции; так, в случае с «Тобольскими губернскими ведомостями» в 1863 г. – с согласия А.И. Деспот-Зеновича.

Конечно, авторы присылали свои статьи, обычно не подозревая, что им суждено стать инструментом давления губернатора на низшие эшелоны чиновничества, влияния на общественное мнение. Сам факт появления таких материалов свидетельствует о том, что в Сибири начинает зарождаться самостоятельная общественная активность, силы, готовые защищать частные интересы человека перед лицом администрации. Но на страницах «Тобольских губернских ведомостей» такие работы публиковались только с разрешения губернской власти и использовались в первую очередь для ее же целей. Газета служила источником информации о жизни губернии, освещая те процессы и настроения, о которых губернатор, скорее всего, не мог узнать из официальных донесений, а тем более оценить степень их злободневности. В умелых руках такая информация могла использоваться и при принятии управленческих решений, и в целях укрепления авторитета власти в глазах населения.

В «Томских губернских ведомостях» мы не обнаруживаем столь яркой целенаправленной работы с общественным мнением. Но это не означает, что она не велась. Свидетельством того, что администрация Томска стремилась «направлять» общественную жизнь с помощью газеты, может служить сотрудничество областников в газете. Местные власти осознавали некоторые проблемы, поднимаемые областниками: о том, что ссылка наносит вред краю; чиновничий аппарат работает неэффективно; регион нуждается в собственных специалистах, следовательно, необходимо орга-

⁵ Местные известия // Там же. 1861. № 38. С. 314.

⁶ Тюменец. Купцы и мещане г. Тюмени // Там же. 1863. № 15. С. 105.

⁷ Там же.

⁸ Чукмалдин Н. Из Тюмени // Там же. 1864. № 47. С. 403.

⁹ Там же С. 404–408.

¹⁰ Воронцов Е. Уклончивость одних и недоразумение других // Там же. 1865. № 5. С. 36.

¹¹ От редакции // Там же. 1863. № 18. С. 146.

низовать высшие учебные заведения в Сибири. Обо всем этом начальники губерний и генерал-губернаторы доносили центральным властям, но проблемы не решались [14, с. 54].

На этом фоне нет ничего удивительного, что в Томске не увидели крамолы в публикации статьи с анализом доходов и расходов Томской губернии, из которой было видно, что наибольшая часть средств тратится не на местные нужды, а на содержание ссылки, армии и других структур, привнесенных в Сибирь центром¹². Для чиновников Томского губернского правления такое положение вещей было очевидно и вряд ли устраивало. При этом они осознавали, что ждать помощи от центра в решении насущных проблем Сибири не приходится, собственными же ресурсами они не располагали. Поэтому возможность воспользоваться общественной активностью для решения хотя бы некоторых проблем была для них привлекательной. Идеи областников в том виде, в каком они излагались на страницах «Томских губернских ведомостей», были понятны и приемлемы для ряда местных управленцев, поскольку во многих из них звучал упрек сибирякам в косности, пассивности, нежелании навести порядок в собственных городах¹³. Того факта, что тональность статей была отнюдь не безобидна, как казалось на первый взгляд, они не заметили.

Таким образом, в условиях подготовки и проведения реформ в руках администрации некоторых сибирских губерний появился новый инструмент управления. Созданный правительством Николая I в начале XIX в. специально для нужд местных властей, он при Александре II не только не потерял своей актуальности, но сфера его применения оказалась гораздо шире. Традиционно «Губернские ведомости» использовались для распространения официальной информации среди присутственных мест губернии и населения, публикации сведений о регионе, но довольно быстро администраторы Томска и Тобольска научились «работать» с общественным мнением с помощью официальной газеты. Насколько эффективными оказались предпринимаемые действия – вопрос открытый, но сама попытка действовать новыми методами свидетельствует о том, что управление в регионе вышло на новый уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лемке М.К. Эпоха цензурных реформ: 1859–1865 годы. СПб., 1904.
2. Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати: 60-е – 70-е годы XIX в. Л., 1989.
3. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX в. СПб., 2001.
4. Воскресенский Н.В. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей»: Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников. Воронеж, 1888. Т. 1.
5. Улащик Н.Н. «Минские губернские ведомости» как исторический источник // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 4. С. 112–149.
6. Дейч Г.М. Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. IX. С. 245–246.
7. Бурмистрова Л.П. Провинциальная газета в эпоху русских просветителей («Губернские ведомости» Поволжья и Урала 1840–1850 гг.). Казань, 1985.
8. Матханова Н.П. Сотрудничество политических ссыльных и общественных деятелей Восточной Сибири в «Иркутских губернских ведомостях» // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1980. С. 205–223.
9. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. Журналистика и историографическая традиция в 30–70-х гг. XIX в. М., 1999. Кн. 2.
10. Прокофьева В.Ю. Из истории оренбургской периодики // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования. Оренбург, 2001. Вып. 1. С. 52–61.
11. Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири. Первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002.
12. Блохин В.Ф. Провинциальная газета: Государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). Брянск, 2009.
13. Лепилкина О.И. Губернские ведомости как тип издания XIX века // Вестн. Ставропол. гос. ун-та. 2005. Вып. 41. С. 170–179.
14. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997.
15. Морозова Н.Н. Взаимоотношения власти и общества в издании «Губернских ведомостей» Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3.

¹² Доходы и расходы в Томской губернии в 1863 г. // Томские губернские ведомости. 1865. № 4. Часть неофиц. С. 4–7; № 5. С. 4–5; № 6. С. 3–6; № 7–8. С. 4–7.

¹³ Кузнецов Д.Л. Томск, 13 сентября // Там же. 1863. № 36. С. 224; Он же. Томск, 24 января // Там же. 1864. № 4. С. 21–23; Он же. Томск, 15 мая // Там же. № 19. С. 119.

УДК 94(47).081

В.И. БАЯНДИН

ВСЕОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ КАК ЧАСТЬ ВОЕННЫХ РЕФОРМ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

канд. ист. наук

Новосибирский государственный педагогический университет

e-mail: p.bayandin@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о принятии в России в январе 1874 г. Закона о всеобщей воинской повинности. Проводится сравнение закона 1874 г. с Рекрутскими уставами 1827 и 1831 гг. Прослеживается процесс подготовки и проведения рекрутских наборов в стране и особенности их проведения в Сибири. Оценивается значение принятого закона в плане повышения боеспособности русской армии и увеличения ее численности в условиях быстрого роста военного потенциала ряда ведущих европейских стран. Анализируется отношение разных слоев российского общества к появлению Закона о всеобщей воинской повинности в стране.

Ключевые слова: Рекрутские уставы, рекрутские наборы, рекрутские квитанции, денежный выкуп, всеобщая воинская повинность, Манифест 1874 г., сибирские «инородцы», призывной возраст, русская императорская армия.

Поражение в Крымской войне болезненно отозвалось в разных слоях российского общества. Император Николай I, который, как известно, видел в военной деятельности основную обязанность императора, в конце своего правления оказался у разбитого корыта. Русская императорская армия, несмотря на героизм и мужество своих нижних чинов, проявленное ими в ходе войны, потерпела жестокое и унижительное поражение на своей собственной территории от военной коалиции иностранных государств. Необходимость проведения кардинальной военной реформы в стране, которую и прежде видели в широких слоях российского общества, наконец-то осознали и в высших государственных сферах. О военных преобразованиях и военных реформах в России 1870–1880-е гг. немало писали известные исследователи истории русской армии: Л.Г. Бескровный, П.А. Зайончковский, А.Е. Разин, А.В. Федоров и др. Особое место в этих преобразованиях занимает Манифест 1874 г., который устанавливал в стране всеобщую воинскую повинность.

В годы правления императора Николая I были приняты два рекрутских устава: в августе 1827 г. – «Устав рекрутской повинности и военной службы евреев» (в дальнейшем – Устав 1827 г. – В.Б.) и в июне 1831 г. – «Устав Рекрутский» (в дальнейшем – Устав 1831 г. – Б.В.). Эти уставы устанавливали порядок проведения набора молодых людей на военную службу в русскую армию: а) указывался возраст, рост, физическое состояние рекрутов, перечислялись условия освобождения от военной службы и для жителей разных местностей, и для разных слоев населения; б) очерчивались границы ответственности городских и сельских обществ, а также должностных лиц за ненадлежащее исполнение рекрутской повинности. В именном указе, данном Сенату 26 августа 1827 г. по поводу воен-

ной повинности евреев, император Николай I определил значение военной службы для этой категории населения следующим образом: «Мы уверены, что образование и способности, кои приобретут они в военной службе, после выслуги узаконенных лет, сообщатся их семействам, для вящей пользы и лучшего успеха в них оседлости и домашнем хозяйстве <...>»¹. Принятие Рекрутского устава в 1831 г. ставило задачу «определить четкий и понятный порядок рекрутских очередей в податных сословиях и сократить поток жалоб и заявлений, поступающих в ходе проведения рекрутских компаний»².

В последующие годы ряд положений упомянутых уставов частично менялся и дополнялся, но Уставы продолжали действовать на протяжении нескольких десятков лет, вплоть до перехода русской армии к всеобщей воинской повинности в 1874 г.

В России до принятия Манифеста 1874 г. некоторые слои населения, как тогда говорили, были «изъяты от данной повинности». В Уставах 1827 г. и 1831 г. приводился довольно значительный перечень лиц податных сословий, которые не подлежали рекрутской повинности ни в натуральной, ни в денежной формах. Приведем в качестве примера фрагмент из § 10 Устава 1831 г.:

Купцы всех трех гильдий, казенные крестьяне, беспорочно прослужившие по выборам своих обществ три трехлетия в земских или других судах, казенные крестьяне, вошедшие в состав военных поселений, лица, коим <...> пожалованы медали для ношения на шее, разного рода коло-

¹ ПСЗ РИ (Полное собрание законов Российской империи). Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. II. 1827 год. С. 727.

² ПСЗ РИ. Собр. 2-е. СПб., 1832. Т. VI. Отд. 1. 1831 год. С. 501.

нисты, лица, приписанные к Морскому ведомству в качестве лоцманов, <...> сибирские киргизы и сибирские инородцы <...> русские жители некоторых округов сибирских губерний и областей <...>»³. Кроме того, на определенный срок, то есть временно, освобождались от принятия в рекруты «<...> родившиеся в податном сословии после ревизии <...> казенные крестьяне, переселившиеся по распоряжению правительства из одной губернии в другую губернию, военнопленные, учинившие присягу на подданство и записанные в мещане, ссыльнопоселенцы в Сибири <...>»⁴.

В Уставе 1827 г. также назывались те, кто освобождался от призыва на военную службу совсем либо на время. В § 58 говорилось: «Сверх купцов, по общим законам от рекрутской повинности освобождаемых, подобное право даруется раббинам, но не распространяется на его семейство». А в § 63 отмечалось: «Евреи, имеющие звание мастеров с надлежащими свидетельствами на оное, увольняются от рекрутской повинности лично». Следующие § 64 и § 65 предоставляли право евреям и их детям, занимающимся хлебопашеством, временное освобождение – на 25 или 50 лет – от рекрутства⁵.

Население некоторых губерний империи освобождалось от выставления рекрутов с заменой натуральной повинности денежным платежом. Так, в феврале 1831 г. император Николай I утвердил решение Комитета министров «О дозволении населению Архангельской губернии вносить в казну, для зачета за рекрутов в будущие наборы по 1000 рублей за человека»⁶. Эта льгота населению названной губернии была сохранена и в Уставе 1831 г.

Объявляя в январе 1874 г. о принятии манифеста «О введении всеобщей воинской повинности», император Александр II подчеркивал:

В постоянной заботливости о благе нашей империи и даровании ей лучших учреждений мы не могли не обратить внимание на существовавший до сего времени порядок отправления воинской повинности. <...> Наше доблестное дворянство и другие не подлежащие рекрутству сословия, в многократных заявлениях выразили нам радостное желание разделить с остальным народом тягости обязательной военной службы.<...> Мы не ищем, как и не искали до сих пор блеска военной славы и лучшим жребием <...> почитаем вести Россию к величию путем мирного преуспевания и всестороннего внутреннего развития...⁷.

Таким образом, рекрутская повинность, которую прежде возлагали лишь на сословия мещан и крестьян, отныне в качестве воинской повинности должна распространяться на все сословия российского общества. Однако повинность, заявленная как всеобщая, на

самом деле таковой в полной мере не являлась, и это подчеркивают многие исследователи.

Традиционная формула вступительной части указанного манифеста (с тем, что закон принимается в интересах различных слоев населения и по их настойчивым просьбам и обращениям) не должна вводить читателя в заблуждение. Известно, что современники далеко не разделяли радостной уверенности своего монарха в грядущей популярности новой повинности. Особенно это касается тех слоев населения, которые прежде были от нее избавлены. По разным причинам отрицательно был встречен новый закон и частью дворянства, промышленников и купцов. Об этом подробно пишет в своей монографии, посвященной русской армии, А.В. Федоров [1, с. 226, 228, 229, 258]. Недовольство новым законом выражали также некоторые представители высших слоев гражданской и военной власти. Они видели в нем угрозу либерализации и демократизации состава российской армии, что в конечном итоге должно было негативно отразиться на лояльности и преданности армии российскому самодержавию. Об этих опасениях некоторых высших сановников упомянул император Александр II в беседе с военным министром Д.А. Милютиним [2, с. 108].

Манифест 1874 г. изменял систему комплектования русской армии. Прежде всего, новый закон отменял существовавшую ранее возможность денежного взноса вместо службы или выставления на службу «заместителя», т.е. человека, которого ранее можно было нанять вместо себя для несения военной службы. Так, в § 303 Устава 1831 г. говорится: «При исполнении рекрутской повинности допускаются следующие замены: 1) наем; 2) взнос деньгами вместо поставки рекрут натурою и обратно; 3) разного рода зачеты; 4) перемена отданного в рекруты другим лицом или посредством представления зачетной квитанции»⁸. Последняя из предлагаемых замен выглядела весьма интересно: закон разрешал вернуть обратно с военной службы взятого ранее рекрута, отправив вместо него найденного добровольца или предоставив соответствующую зачетную квитанцию.

Однако, если быть более точным, возможность откупиться от военной службы для новобранцев (так теперь в документах часто будут именовать прежних рекрутов) и после принятия Манифеста 1874 г. о всеобщей повинности еще некоторое время сохранялась: на руках у населения империи еще находились так называемые зачетные и рекрутские квитанции, которые были введены в обращение в предшествующие годы. Эти квитанции могли предъявлять члены семьи или родственники новобранца во время проведения очередного набора на военную службу; разрешалось засчитывать эти квитанции вместо людей. Но приобрести такую квитанцию и отчитаться ею при наборе могли позволить себе немногие: ее стоимость устанавливалась центральными властями и составляла несколько сотен рублей. Нередко это была далеко не оконча-

³ Там же. С. 503.

⁴ Там же. С. 504.

⁵ ПСЗ РИ. Т. II. С. 731.

⁶ ПСЗ РИ. Т. VI. Отд. 1. С. 158.

⁷ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. СПб., 1876. Т. XLIX. Отд. 1. 1874 год. С. 1.

⁸ ПСЗ РИ. Т. VI. Отд. 1. С. 536.

тельная цена рекрутской квитанции. А.В. Федоров приводит примеры скупки таких квитанций у сибирского населения по цене от 600 до 2000 руб. для последующей перепродажи «нуждающимся» в Европейской России по цене до 3000 руб. [1, с. 261].

Рекрут, особенно в первой половине XIX в., уходил на военную службу на длительный срок – на 22–25 лет. Поэтому в глазах населения рекрутская повинность считалась не почетной обязанностью, а тяжелой повинностью, почти наказанием для молодого человека, взятого в рекруты. Такое представление о военной службе формировало у населения империи и сами Уставы. В Уставе 1827 г., в § 34, отмечалось: «Общество по своему приговору может отдавать в рекруты всякого еврея во всякое время, за неисправность в податях, за бродяжничество, и другие беспорядки нетерпимые в оном»⁹.

В Уставе 1831 г. поясняется регламент отдачи на военную службу в качестве наказания. Так, в § 324 указано:

Общества мещан, крестьян казенных, крестьян удельных и свободных хлебопашцев могут <...> отдавать в рекруты в зачет будущих наборов следующих людей <...>

- 1) обличенных по суду в буйстве, малоценных кражах и других проступках уголовному наказанию подлежащих;
- 2) пойманных в бродяжничестве и возвращенных в общество полицией;
- 3) оказавшихся за всеми исправительными мерами, к платежу податей неблагонадежными по нерадению или по беспутной жизни, а не по какому-либо несчастию;
- 4) сверх того, по Удельному ведомству людей непокорных власти.

А § 327 перечисляет, каким образом могли быть отданы в рекруты «мещане за дурное поведение»¹⁰. Этот же Устав разрешал помещикам отдавать крепостных людей в рекруты по своему усмотрению. Отсюда становится понятным, как воспринимали рекрутскую службу многие современники.

Однако имелись и определенные ограничения в отдельных Уставах, которые сегодня могут показаться весьма странными. Так, при направлении наказанных лиц на военную службу Устав 1831 г. требует учитывать, что «запрещается обществам и помещикам представлять, а Рекрутским присутствиям принимать в рекруты людей, наказанных за преступления рукою палача. Но наказанные при полиции, чрез ее служителей, с возвратом на прежнее жительство могут быть предоставлены в рекруты»¹¹.

Население некоторых губерний и областей европейской части страны, согласно Уставам 1827 и 1831 гг., вместо военной службы вносившее денежный выкуп, по Манифесту 1874 г. должно было исполнять воинскую повинность в натуральном виде. При этом прямой денежный выкуп от службы был отныне запрещен.

Льготы сибирским «иногородцам», которые Уставами 1827 г. и 1831 г. освобождались от призыва на военную службу, были сохранены и в Манифесте 1874 г.

Кроме того, Устав 1831 г. освобождал от рекрутской повинности и часть русского населения, проживавшего в некоторых отдаленных местностях Сибири, в том числе в Камчатском и Охотском приморских управлениях, Киренском (Иркутской губ.), Березовском (Тобольской губ.) округах; в Тогурском (Томской губ.) и Туруханском (Енисейской губ.) отделениях и во всей Якутской области¹². Ко времени принятия Закона о всеобщей воинской повинности Россия уже присоединила территорию Дальнего Востока, все население которого также освобождалось от воинской повинности.

Манифест 1874 г. относительно русского населения Сибири фиксировал некоторые существенные изменения. Если в Уставе 1831 г. от рекрутской службы было освобождено все русское население Якутской области, то теперь это право распространялось лишь на население Среднеколымского, Верхоянского и Вилюйского округов. В Енисейской губернии к жителям Туруханского отделения, ранее освобожденным от этой повинности, добавилось население Богучарского отделения. Манифест 1874 г. сохранял эту льготу для русского населения Тогурского отделения Томской губернии, а в Тобольской губернии такое право, кроме жителей Березовского округа, получили еще и русские жители Сургутского округа. Однако население Киренского округа Иркутской губернии прежних льгот по исполнению воинской повинности отныне было лишено. Следовательно, Манифест 1874 г. распространял действие Закона о всеобщей воинской повинности на более обширную территорию Сибири и заметно увеличивал количество сибиряков, призываемых отныне на военную службу.

Манифест 1874 г. существенно изменил и возрастные границы для лиц, призываемых на военную службу:

	<i>Возраст</i>
Устав 1827 г.	с 12 до 25 лет*
Устав 1831 г.	с 20 до 35 лет
Манифест 1874 г.	20 лет**

* Действительная военная служба для евреев начиналась и считалась с 18 лет; малолетних евреев сначала отправляли в специальные учреждения, которые должны были, как отмечалось в документах, «подготовить их к исполнению военной службы».

** Призывали молодых людей, которым к 1 января года призыва на военную службу исполнилось 20 лет.

Как видим, возрастной состав призываемых на военную службу становится более однородным, и абсолютное большинство новобранцев отныне поступает на военную службу в возрасте 20–21 года, что, несомненно, положительным образом отразилось на физическом состоянии русской армии. При этом с принятием Манифеста 1874 г. количество призываемых на

⁹ ПСЗ РИ. Т. II. С. 730.

¹⁰ Там же. Т. VI. Отд. I. С. 539, 540.

¹¹ Там же. С. 524.

¹² Там же. С. 503.

военную службу, по сравнению с прежними рекрутскими наборами, возрастает.

Обычно рекрутские наборы проводились осенью, за исключением военного времени. Причем за несколько месяцев до очередного рекрутского набора от имени императора издавался манифест, в котором отмечались основные условия объявленного набора. Затем принимались распоряжения, оговаривавшие особые требования к рекрутам предстоящего набора; они могли касаться возраста, роста, физических данных рекрутов, а также сроков проведения набора, его географических особенностей и т. п.

В качестве примера обратимся к распоряжениям и законам, которые были приняты в первой половине 1831 г. 28 января 1831 г. император Николай I подписал манифест «О сборе с 500 душ по 3 рекрута», в котором население страны извещалось о проведении весной текущего года очередного, 96-го, рекрутского набора. В тот же день появился именной императорский указ, данный Сенату – «О правилах для произведения рекрутского набора», а 31 января последовало распоряжение Сената «О требованиях от поступающих на службу людей свидетелей из метрических книг о времени рождения». 3 февраля был принят императорский именной указ «О убавлении цены за рекрутскую одежду для рекрут 96 набора», 10 февраля появляется утвержденное царем мнение Государственного совета «О способах к облегчению в отправлении рекрутской повинности по предстоящему 96 набору». 14 февраля император утвердил положение Комитета министров «О дозволении населению Архангельской губернии вносить в казну, для зачета за рекрутов в будущие наборы по 1000 рублей за человека». 16 марта издано распоряжение Сената «О порядке принятия финляндских уроженцев в рекруты за российских мещан и крестьян», а 11 мая появляется новое распоряжение Сената «О принятии рекрутских квитанций к зачету во всех губерниях...»¹³. И, как уже отмечалось, 28 июня 1831 г. был принят Устав рекрутский.

Итак, манифест об очередном рекрутском наборе, как правило, сопровождался многочисленными дополнительными постановлениями, указами, распоряжениями, официальными мнениями различных государственных учреждений по данному вопросу. После принятия Рекрутского устава 1831 г., в котором подробно говорилось о процедуре проведения рекрутских наборов, существенно уменьшилась необходимость принятия дополнительных указов и распоряжений. С появлением Манифеста 1874 г., в котором достаточно подробно были расписаны практически все процедуры, связанные с набором на военную службу, число сопутствующих распоряжений еще сократилось.

По Уставу 1831 г. за рекрутов, до того как их сдавали на военную службу, отвечало общество и «отдатчик» – лицо, назначенное сельским обществом для доставки молодых людей в рекрутское присутствие.

¹³ ПСЗ РИ. Т. II. С. 728; Т. VI. Отд. 1. С. 524; Т. XLIX. Отд. 1. С. 4.

¹⁴ ПСЗ РИ. Т. VI. Отд. 1. С. 63, 116, 125, 138, 158, 240, 363.

С принятием Манифеста 1874 г. ответственность (вместо прежней коллективной) становилась теперь персональной: за уклонение от военной службы, бегство с мест приема наказанию подвергался сам провинившийся. Прежде сельские и городские общества, выставляя молодых людей в рекруты, были обязаны также собрать установленную законом сумму денег, которая предназначалась для изготовления мундирной одежды рекруту, его питания в течение нескольких месяцев и наградных денег. По свидетельству документов, центральные власти стремились в 1840–1850-е гг. снизить финансовые расходы населения при поставке рекрут, но эти расходы были все же весьма значительными. Эти денежные сборы, естественно, являлись тяжелой ношей для населения страны. При этом, если в Европейской России время нахождения в пути к рекрутскому присутствию составляло максимум несколько дней, то в Сибири, в связи с обширностью ее территории, – иногда недели. Следует учитывать, что по Уставу 1831 г. в рекрутские присутствия помимо самих рекрутов отправлялись еще и так называемые «подставные», т.е. молодые люди, готовые заменить рекрутов, и это также увеличивало финансовые расходы сельских обществ.

Манифест 1874 г. отменил многие прежние денежные расходы местных обществ, частично отнес их на счет государства. К тому же, согласно этому закону, было увеличено количество мест приема новобранцев на военную службу, что для населения Сибири играло весьма существенную роль.

Как отмечалось выше, Манифест 1874 г. вновь подтвердил, что коренное население Сибири и Дальнего Востока освобождено от воинской повинности, как отмечали центральные власти, «до особых на то распоряжений и узаконений». На самом деле российская монархия так и не решила столь важный вопрос вплоть до своего падения в 1917 г., хотя вопрос о военной службе сибирских «инородцев» неоднократно обсуждался на самых разных уровнях.

Несомненно, принятие Манифеста о всеобщей воинской повинности в январе 1874 г. внесло значительный вклад в совершенствование и реорганизацию военного устройства Российской империи.

Проведение первого призыва по Закону о всеобщей воинской повинности должно было стать серьезным экзаменом не только для центральных и местных властей, но и для всего населения империи. Вопрос о том, как в Сибири осенью 1874 г. был проведен первый набор на военную службу молодых людей по новому закону, рассматривался нами ранее в одной из статей [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров А.В. Русская армия в 50–70 гг. XIX в. Л., 1959.
2. Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875 гг. М., 1947. Т. I.
3. Баяндин В.И. Первый в Сибири набор по закону о всеобщей воинской повинности // Сибирь мой край... Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 183–199.

УДК 947 (571) + 340.01 (09)

И.Г. АДОНЬЕВА

**ДИСКУССИИ О МЕСТНОЙ ЮСТИЦИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.
В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ ЮРИСТОВ РЕГИОНА**

канд. ист. наук
Новосибирский государственный технический университет
e-mail: adoinessa@yandex.ru

В статье особенности профессионального правового сознания западносибирских юристов рассматриваются в контексте восприятия ими организации и функционирования местной юстиции. На мнения юристов оказывали влияние их профессиональное образование и особенности судебной системы региона. В итоге это приводило к идеализации мировых судов по образцу Судебных уставов и ожиданию проведения полной судебной реформы.

Ключевые слова: профессиональное правосознание, местная юстиция, мировой суд, окружной суд, идеализация права.

Осмысление российской модернизации второй половины XIX в. невозможно без учета ее региональных особенностей. Применительно к восточной окраине империи специфические черты провинции наплавились на неоднозначное отношение правительства к Сибири. Это порождало своеобразные формы, в которых воплощалась реализация Великих реформ. Одним из примеров является преобразование сферы юстиции 1864 г., продолжавшееся в Сибири 30 лет.

Судебная реформа Александра II, по признанию отечественных и зарубежных исследователей, стала мощным стимулом для трансформации правового сознания широких социальных слоев. Этот процесс коснулся, прежде всего, правосознания самих носителей юридической профессии. Несмотря на ряд особенностей, сопровождавших реализацию судебной реформы в Сибири и, как следствие, становление в регионе сообщества юристов, иной по сравнению с Европейской Россией спектр обсуждаемых проблем, можно все же говорить о сходных тенденциях в мировоззренческих установках и профессиональной деятельности слуг Фемиды в центре страны и на окраинах.

Внимание к избранной проблеме обусловлено следующими обстоятельствами. Профессиональное правосознание юристов представляет собой специфический тип правосознания, который формируется целенаправленно и предназначен для реализации в деятельности, направленной на охрану закона и восстановление справедливости. Правосознание, особенно профессиональное, является одним из источников права, что делает его изучение важным при исследовании государственно-правовой системы Российской импе-

рии. Юристы как его носители являлись органичной частью западносибирской городской интеллигенции, принимали участие в местной общественной деятельности, поэтому рассмотрение их взглядов на состояние юстиции в крае позволит дополнить имеющиеся в науке представления об общественной жизни региона периода модернизации.

Профессиональное правосознание юриста – это научно обоснованная стройная система правовых знаний, убеждений и чувств, которыми он руководствуется в своей деятельности. Оно относится к теоретическому сознанию, формируется в процессе познания правовой системы общества, сущности и роли права, изучения различных юридических дисциплин, в ходе практической деятельности по реализации права. Для профессионального правосознания характерно усвоение правовых знаний как системы, понимание взаимосвязей различных правовых норм, представление о воздействии права на общественные отношения, на мотивы поведения личности в правовой среде [1, с. 584].

В систему местного суда входили окружной (до реформы 1896 г.) и мировой (с 1897 г.) суды, призванные решать мелкие гражданские и уголовные дела. В ходе дискуссий, связанных с преобразованием судебной власти в Сибири, именно ему уделялось максимальное внимание, поскольку основная цель местного суда – разрешение маловажных гражданских и уголовных конфликтов, возникавших между обывателями в повседневной жизни. С такого суда начинается взаимодействие людей с государством, появляется возможность диалога власти и общества. Поэтому юристы придавали ему большое значение, видя в

продуктивном взаимодействии залог стабильности и взаимного уважения.

Влияние судебной реформы 1864 г. на правовое поведение и сознание россиян второй половины XIX в. привлекало внимание современников, а в дальнейшем этот аспект превратился в историографическую традицию. В большинстве случаев историки и юристы отмечают повышение правового сознания обывателей, указывая на большую роль в этом мировых судов и одновременно эволюцию в отношении к новым институтам судебной власти, их неоднозначное восприятие [2; 3; 4; 5]. Продолжают оставаться востребованными сюжеты, связанные с правовыми взглядами политической и юридической элиты Российской империи [6; 7; 8]. По мнению практически всех исследователей, в правовом сознании русских юристов присутствовали православные идеалы соборности и западная либеральная традиция.

На современном этапе историки реконструировали социокультурный облик сибирских юристов, в том числе и особенности их мировоззрения. В работах О.Г. Бузмаковой и Е.А. Крестьянникова представлены сведения о материальном положении местных слуг Фемиды и условиях их повседневной жизни, которые нередко побуждали их обратиться к публицистической деятельности. Исследования М.В. Шиловского, Е.А. Дегальцевой и О.А. Харусь представляют местных юристов как часть интеллигенции, осознающей созидательную роль своей профессиональной и общественной деятельности.

Одним из наиболее репрезентативных источников для изучения особенностей правового сознания западносибирских юристов второй половины XIX – начала XX в. является региональная печать. Юридическая публицистика существовала в информационном, аналитическом и художественном жанрах. Причем в рамках одной публикации часто сочетались черты разных жанров, которые использовал автор, отстаивая свою точку зрения. Статьи, заметки, фельетоны, посвященные судебно-правовой проблематике, появлялись практически во всех неофициальных изданиях. Наиболее часто они печатались в «Восточном обозрении», «Сибирской жизни», «Сибирских вопросах», «Сибирских отголосках» («Сибирском слове», «Сибирском наблюдателе»), «Сибирском вестнике», т.е. там, где активное участие принимали юристы. В юридической публицистике не всегда разделялись западно- и восточносибирские сюжеты. Зачастую события западносибирской жизни проникали в восточносибирскую периодику (в частности, в газету «Восточное обозрение»). Тема местного суда во второй половине XIX – начале XX в. составляла в публикациях, посвященных организации отправления правосудия в регионе, по подсчетам автора, около 60–70 %. Внимание юристов привлекали также вопросы организации адвокатуры, введения в регионе суда присяжных, вопросы процессуального законодательства.

Источниками для рассмотрения поставленной проблемы являются служебная переписка и личные дела западносибирских судебных деятелей, где имелись суждения об организации мировой юстиции в регионе. Востребованные документы сохранились главным образом в архивах Тобольска¹ и Омска². «Труды» особого отдела Комиссии, созданной для обсуждения вопроса о применимости к Сибири общих принципов планировавшейся тогда в России судебной реформы, позволяют выявить мнения относительно местной юстиции, высказываемые в 1860-е гг.³

В суждениях на профессиональные темы наиболее рельефно проявлялся уровень правосознания местных юристов. Следует иметь в виду, что активное участие в дискуссиях на тему организации судебной власти в регионе принимали главным образом правovedы с либеральными общественно-политическими идеалами. Однако среди сибирских юристов находились также сторонники и леворадикального, и консервативного направлений.

Объект суждений местных правovedов – местная юстиция региона – не был статичным на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. До введения в Сибири законом 13 мая 1896 г. Судебных уставов статус местного имел окружной суд (в котором действовала та же форма судопроизводства, как и в губернском – т.е. сложная и громоздкая, неадекватная тяжести и важности рассматриваемых дел). С 1897 г. был установлен мировой суд, причем судья помимо отправления правосудия являлся и следователем по особо важным делам, и нотариусом.

При обсуждении вопроса о реорганизации местной юстиции в 1860-е гг. судебные чиновники решили, что из-за отсутствия в регионе земельной собственности и недостатка образованных лиц трудно будет ввести мировой суд по Судебным уставам [8, с. 3–4]. Судьи, прокуроры, стряпчие Томска и Тобольска полагали, что первыми мировыми судьями в регионе должны быть лица, назначенные правительством, с юридическим образованием и опытом работы. Их сомнения в возможности эффективно осуществлять правосудие полуграмотными окружными судьями были вполне очевидны. Признавая развитость сибирского русского населения, служащие сферы юстиции не считали возможным избирать на должность мировых судей выходцев из купеческого, мещанского или крестьянского сословий. Новые судебные учреждения воспринимались как нечто близкое к идеалу, к чему нельзя допускать лиц, «сохраняющих

¹ ГАТ (Государственный архив в г. Тобольске). Ф. 152, 376.

² ИА ОО. Ф. 25.

³ Труды особого отдела Комиссии, высочайше утвержденной для работ по преобразованию судебной части, по вопросу о применении к Сибири высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. Основных положений преобразования судебной части. [Б.м. Б.г.].

старый взгляд на службу». Таким образом, в 1860-е гг. западносибирские судебные деятели, принявшие участие в обсуждении перспективы реформирования правосудия в регионе, обнаружили свое стремление не столько адаптировать Судебные уставы к Сибири (например, понизить образовательный ценз или оставить определяющим условием опыт работы), сколько привнести в регион установленные в Европейской России порядки, даже искусственно. Такие суждения находятся на грани с идеализацией права, т.е. абсолютизации правовых механизмов регулирования жизни общества.

Однако преобразование не состоялось, и до реформы 1896 г. окружной суд фактически являлся и обвинителем, и защитником подсудимого, решение принималось на основании чтения доклада, содержащего обстоятельства дела, а судебного следствия, как правило, не проводилось. Обычно заранее подготовленная резолюция подписывалась всеми членами суда. Фактически в печати юристы вели речь о том, что Сибирь на деле лишена правосудия, поскольку состояние местной юстиции не вызывает желания у профессионалов в ней работать, а у обывателей – использовать как инструмент для разрешения противоречий⁴. Юридический обозреватель «Сибирской газеты» Ф.М. Тыжнов отстаивал идею введения в регионе мирового суда, который пользовался бы уважением населения, что позволило бы снизить количество самосудов и уменьшить уровень преступности⁵. В это время юристы предлагали в качестве рационального решения модель мирового суда Степного края, где мировые судьи несли также обязанности судебных следователей. Тогда это соединение должностей не представлялось местным правоведам неудобным и обременительным⁶.

В «Сибирском вестнике» В.П. Картамышев рассматривал организацию местного суда. Сначала он выступал за введение мировой юстиции в «классическом» варианте, так как упрощенная процедура судопроизводства вызвала бы у местных жителей уважение к закону и чувство ответственности, а быстрое решение гражданских бесспорных дел значительно бы разгрузило канцелярию судей⁷. В дальнейшем он стал считать, что для сельской местности можно соединить в одном лице мирового судью и чиновника по крестьянским делам, поскольку при разрешении «мелких правонарушений и грошевых споров» необязательно придерживаясь принципа разделения властей. Кро-

ме того, на этих чиновников можно было бы возложить и нотариальные обязанности⁸. По его мнению, это «сблизит крестьянских начальников с населением района, еще больше поднимет их нравственный авторитет и влияние, еще сильнее укрепит их положение как “посредников” между жизнью и законом»⁹. Предложенное разрешение вопроса могло бы стать мерой, отчасти компенсирующей недостаток квалифицированных юристов в регионе.

В начале 1890-х гг. изменения в жизни сибирской провинции, связанные со строительством Транссибирской магистрали, вызвали необходимость в принципиальных преобразованиях в сфере отправления правосудия. Наплыв огромного количества людей из Европейской России, многочисленные трудовые и гражданско-правовые споры, коллизии, связанные с несоответствием правовых систем, многочисленные недостатки судопроизводства выдвигали потребность в значительных изменениях судебной сферы на одно из первых мест в череде сибирских вопросов.

На этапе обсуждения проекта реформы участники дискуссии – председатель Тобольского окружного суда Г.В. Юркевич, томский губернский прокурор А.В. Витте, тобольский губернский прокурор С.Г. Ковалевский – считали возможным соединить в одном лице должности мирового судьи и следователя по особо важным делам¹⁰.

Однако тобольский прокурор К.Б. Газенвинкель и председатель Тобольского губернского суда З.Н. Герашеневский считали, что «как ни симпатична идея о соединении в одном лице обязанностей мирового судьи и следователя, но едва ли на практике эта идея приведет к желаемым результатам. Мировой судья не будет в состоянии разбирать дела и проводить следствия одновременно» [9, с. 113–115].

На этапе предварительного сбора материала и обсуждения организации мировой юстиции в Сибири мнения местных юристов отличались разнообразием, а идея совмещения в одном лице нескольких должностей не представлялась неоправданной и бесперспективной. Это происходило на фоне общей неудовлетворенности существующими порядками, любое изменение представлялось тогда благом в сравнении с предшествующей судебной системой. Когда же стало известно о том, в каком виде мировой институт будет функционировать в Сибири, суждения по данному поводу разделились¹¹. В начале 1900-х гг. размышления юристов стали более глубокими, основанными на анализе собственной работы или деятельности коллег.

⁴ Корреспонденция. Тюмень // Сибирская газета. 1885. 24 нояб.

⁵ Томск, 1 января 1886 г. // Сибирская газета. 1886. 1 янв.; Томск, 20 апреля // Там же. 20 апр.; Гордские известия // Там же. 17 мая.

⁶ Томск, 20 апреля // Сибирская газета. 1886. 20 апр.; Томск, 28 декабря // Там же. 28 дек.

⁷ Судебные преобразования в Сибири // Сибирский вестник. 1885. 1 марта; Томск, 22 февраля // Там же. 1886. 23 февр.

⁸ Томск, 28 февраля // Сибирский вестник. 1889. 1 марта.

⁹ Томск, 9 мая // Там же. 1887. 10 мая.

¹⁰ ГАТ. Ф. 376. Оп.1. Д. 566. Л. 5; К вопросу о введении в Сибири мирового института // Сибирский вестник. 1894. 21 окт.

¹¹ П-в Е. По поводу судебной реформы в Сибири // Восточное обозрение. 1896. 31 мая; Иркутск, 12 мая // Там же. 1896. 12 мая.

Один из ярких примеров таких обобщений – цикл статей В.Н. Анучина в журнале «Сибирские вопросы» [10]. Автор полагал, что специфика края при проведении реформы не учитывалась (в частности, расстояния), а соединение в одном лице обязанностей судьи, следователя и нотариуса привело к тому, что один человек физически не справлялся с возложенными на него делами. В результате страдало качество работы: истекли сроки давности, в памяти свидетелей стирались обстоятельства дел и пр., а в сознании сибиряков неотвратимость наказания приобретала эфемерный характер. В. Анучин пришел к заключению, что деятельность мирового судьи в регионе превратилась в нарушение прав сибиряков, правосудие сюда опаздывало или не доходило вовсе. Судья, загнанный в непосильные для себя бесконечные рамки обязанностей, постепенно превращался в преступника перед обществом и государством.

Присяжный поверенный Р.Л. Вейсман вел речь о крахе института мировых судов в регионе, поскольку данный институт не справился с «проснувшейся у населения борьбой за свое право» в силу опять же сложных обстоятельств, в которые был поставлен судья, принужденный порой находиться в трех местах одновременно [11, с. 40–41]. Адвокат отмечал, что, вероятно, у государства имеются более серьезные потребности, чем правосудие. Но присяжный поверенный усмотрел один положительный момент в организации мирового суда в Сибири – отдельный институт крестьянских начальников и отделение третьей ветви власти от административной на низшем уровне¹². При этом практически все юристы, активно участвовавшие в обсуждении проблем организации местной юстиции, подчеркивали, что разрешить возникшие проблемы может только верховная власть.

В профессиональном сознании западносибирских юристов тесно переплетались и сочетались такие элементы, как стремление подчеркнуть особенности региона и вместе с тем унифицировать его судоустройство с Центральной Россией, абсолютизировать роль права и распоряжений «сверху» при построении гражданского общества. Прежде всего, постоянная апелляция к верховной власти вполне понятна – внесение изменений в судебную систему было возможно только на уровне распоряжений Министерства юстиции и именных императорских указов. Кроме того, получившие профессиональное образование в Европейской России юристы готовились работать в условиях, пре-

дусмотренных Судебными уставами, а отличия от них вызывали реакции от недоуменных до негативных¹³. Вынужденные трудиться в условиях устаревших или не соответствовавших их представлениям правовых норм юристы склонялись к идеализации Судебных уставов 1864 г. Не видя их недостатков, замечаемых коллегами из Центральной России, местные правове-ды полагали, что все проблемы сибирской юстиции будут решены при проведении в регионе полной судебной реформы. Данное обстоятельство свидетельствует также и об элементах патернализма в правовом сознании юристов – поборников либеральной правовой доктрины.

Таким образом, профессиональное правосознание западносибирских юристов являлось достаточно аморфным. Несмотря на вполне четко обозначившуюся тенденцию, направленную на созидательную деятельность в сфере судебной власти, правове-ды ожидали сопоставимых шагов и от государства, полагая, что залогом стабильности является сотрудничество власти и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 2000.
2. Джанишев Г.А. Из эпохи Великих реформ. М., 1894.
3. Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2006.
4. Фролов В.В. Судебная реформа 1864 г. и ее отражение в правосознании российского общества второй половины XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004.
5. Фролов С.А. Отношение казанского общества к судебной реформе 1864 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000.
6. Величко А.М. Государственно-правовые идеалы России и Запада: соотношение правовых культур: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000.
7. Козлов Ю.А. Юриспруденция как фактор политико-правового развития России: Историко-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
8. Сальников П.С. Правовые идеалы судебной реформы в правовом сознании российского общества второй половины XIX – начала XX вв.: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.
9. Крестьянников Е.А. Судебная реформа 1864 г. в Сибири. Тюмень, 2009.
10. Анучин В. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909. № 46/47–48/49.
11. Вейсман Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 3/4.

¹² Вейсман Р.Л. Индивидуализация окраинного права и местный суд в Сибири // Право. 1909. 29 марта.

¹³ ИА ОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 340; Д. 353. Л. 2–3.

УДК 94(47).082+083

Е.А. КРЕСТЬЯННИКОВ

**УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ СУДЕЙ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.***Тюменский государственный университет
e-mail: krest_e_a@mail.ru

В статье рассматриваются будни судебных чиновников мировой юстиции в Западной Сибири в дореволюционный период. Специфика этого судебного института в крае и сибирские условия порождали трудности, которые приходилось преодолевать местным мировым судьям. По сравнению с другими служащими ведомства Министерства юстиции они были более обременены делами, испытывали недостаток материальных средств и переживали бытовую неустроенность; все это негативным образом сказывалось на качестве их труда. Повседневная судебная деятельность демонстрировала несостоятельность попыток столичных чинов учесть региональную специфику, и мировая система правосудия находилась в перманентном кризисе.

Ключевые слова: судебная реформа, Западная Сибирь, мировые суды.

В 1897 г. в ходе реформы юстиции на основе Судебных уставов Александра II в Сибири учреждался мировой суд. Он отличался уникальной организацией: не предусматривались съезды мировых судей, ущемлялась их независимость, не соблюдалась их и несменяемость, более того, они не выбирались, а назначались. На практике выполняли обязанности и судебных следователей, а в некоторых местностях и нотариусов; были чрезвычайно расширены пределы компетенции мировых установлений, а количественный состав судей вводился в заведомо ограниченном виде. По мнению чиновников Министерства юстиции и самого министра юстиции Н.В. Муравьева, создание мирового суда в таком виде было вызвано необходимостью приблизить местный суд к населению и уменьшить его стоимость¹.

Особенностями устройства и судебной системы, и самого края определялись условия быта и деятельности мировых судей в западносибирском регионе. После реформы 1897 г. они оказались в чрезвычайно трудном положении, на грани катастрофы. Недаром сибирский адвокат Р.Л. Вейсман писал, что «крах мирового суда последовал немедленно» после его учреждения в Сибири [1, с. 41].

В первые же месяцы функционирования новой местной юстиции выяснилось, что количество возникавших дел мировой подсудности намного превышало все нормы допустимой нагрузки, судам приходилось работать в условиях чрезвычайных пере-

грузок. Так, в некоторых участках Тобольской губернии во втором полугодии 1897 г. возникло дел больше, чем мировые судьи должны были рассмотреть за год². По подсчету председателя Томского окружного суда Ф.Ф. Демпа, в начале 1898 г. в мировые установления Томской губернии поступало дел мировой подсудности в 3 раза больше допустимого количества, а следственных дел – в 2 раза³. Это неизбежно порождало волокиту. На 1900 г. в производстве у мировых судей Томской губернии оставалось примерно 14 тыс. нерешенных судебных дел, на 1901 г. – около 15 тыс., а на 1902 г. – уже более 17 тыс.⁴ В течение первого десятилетия XX в. основные показатели деятельности мировой юстиции Западной Сибири постоянно ухудшались. К 1909 г. в Томской губернии остались нерешенными 24 015 уголовных дел мировой подсудности, в Тобольской – 9729. Западносибирский мировой суд прочно занимал первое место по волоките среди таких же учреждений многочисленных регионов, где не были учреждены съезды мировых судей⁵.

Причины волокиты коренились, кроме прочего, в нерациональной организации деятельности служителей Фемиды, в дефиците материального обеспечения судебной службы, в недостаточном обустройстве судейского быта. Соединение в руках мировых судей судебных и следовательских обязанностей оказалось трудно совместимым. По следственным делам судья

² Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 80–81.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 79 об., 80 об.–81.

⁴ ИА ОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 11–14, 17–20.

⁵ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. СПб., 1911. Вып. 25. С. 226–230.

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, контракт № П661 от 10.08.2009.

¹ Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895–1896 гг. СПб., 1896. С. 506.

вынужден был разезжать по участку, тогда как интересы суда требовали от него постоянного присутствия на посту. Такое объединение функций Р.Л. Вейсман называл «несчастливым браком, требующим немедленного развода» [1, с. 41]. Как указывал другой современник, сибирскому мировому судье была уготована роль «вечно спешащих следователей и никогда не успевающих судей» [2, с. 45].

Частые разъезды, связанные со следствием, нарушали режим работы мировых судей, а если при этом возникали какие-нибудь непредвиденные обстоятельства, судебная деятельность была практически парализована [3; 4]. Мировой судья с девятилетним стажем В.Н. Анучин утверждал, что судьи пребывали в поездках по участку по 60 часов в месяц, проезжая при этом по 500–600 верст [5, с. 28]. Например, по два-три месяца в поездках по следственным делам проводили ежегодно мировые судьи в Барнаульском уезде в 1905–1908 гг.⁶

Особенно трудно приходилось судьям из огромных по площади участков. Так, во 2-й участок Томского уезда входил обширный Нарымский край. На поездке в Нарым мировой судья тратил, как минимум, по две недели (этот населенный пункт находился в 475 верстах от Томска, где располагалась камера судьи), причем часто его поездки оканчивались безрезультатно. В июне 1903 г. вследствие недельного опоздания парохода судья прибыл в Нарым позже назначенных для разбирательств сроков, и вызванные на них не явились⁷. В начале лета 1908 г. мировой судья этого участка на месяц выключился из графика работы в связи с очередной неудачной поездкой в Нарымский край. Выехав туда 29 мая, он вернулся в Томск 22 июня, не решив назначенных там к разбору дел из-за невозможности в условиях распутицы собрать необходимых для следствия лиц. В те же сроки мировой судья 1-го участка Кузнецкого уезда выехал для производства следствий в одно из сел, но вынужден был вернуться с полдороги в Кузнецк, не выполнив намеченных дел, – из-за обильных осадков бурные потоки таежных рек снесли все мосты⁸.

Драмой закончилась поездка мирового судьи 4-го участка Змеиногорского уезда Н.С. Титова в одно из сел. 4 ноября 1907 г. он на час оставил без присмотра свою повозку, в которой вез 47 уголовных, 12 гражданских, 7 следственных дел и 3 поручения окружного суда. Вернувшись, он обнаружил, что лошади с повозкой исчезли. В течение года Н.С. Титову приходилось восстанавливать утраченные дела⁹.

Очевидно, что нагрузка мировых судей не соотносилась с их физическими силами. На этих судей, как говорил с трибуны Государственной думы сибирский депутат А.И. Шило, «наваливают столько работы, сколько неразумный извозчик валит на ломовую ло-

шадь»¹⁰. «Самым страшным» для чиновников, писал В.Н. Анучин, было заведование несколькими участками [5, с. 38]. Когда в 1908–1909 гг. судебное начальство Томской губернии решило выяснить причины «малоуспешной деятельности» мировой юстиции Томского округа, выяснилось, что некоторые судьи обслуживали по два участка, и, естественно, не могли справиться со всеми делами¹¹.

Кроме перегруженности имелись и другие трудности. На обустройство камер мировых судей долгое время после реформы 1897 г. не выделялось никаких средств. Эти помещения описывал в популярной столичной газете «Право» товарищ прокурора Томского окружного суда в 1905–1906 гг. М. Войтенков:

Мировые судьи принуждены зачастую ютиться в ужасных избах при убогой обстановке. Камеры мировых судей представляют из себя такое же убожество и решительно не соответствуют своему назначению. Убожество камер, ютящихся в отвратительных избах, объясняется еще и тем, что на устройство камер были отпущены в каждом участке весьма скудные средства, и лишь один раз – при проведении реформы в Сибири. С течением же времени камерное имущество, и без того незавидное, переходя от одного судьи к другому, пришло в ветхость и совершенную негодность, благодаря чему во многих камерах нет скамей для публики, нет даже стола и стула для судьи, нет такой роскоши, как сукно для стола, а если имеется, то представляет из себя в большинстве случаев удивительно грязные лохмотья. О таких же непрременных принадлежностях, как свидетельская комната, помещение для архива или хранения вещественных доказательств, и говорить не приходится, ибо таковых нигде нет» [3].

Явно недостаточными были суммы, выделяемые на покрытие канцелярских расходов, и некоторые мировые судьи считали главным препятствием своей деятельности «крайне недостаточный размер канцелярских средств»¹². К примеру, в 1913 г. в округе Барнаульского окружного суда на эти цели было получено 18 596 руб., тогда как мировыми судьями фактически было потрачено 26 062 руб.¹³ Вообще, у судей зачастую отсутствовали средства на наем камер, сторожей, письмоводителей, оплату освещения и отопления судебных помещений, покупку самых необходимых для работы вещей – сейфов, мебели. На все это они тратили собственные деньги, залезая в долги. В 1908 г. мировые судьи Томска решили создать специальную комиссию, целью которой являлось определение размера сумм, необходимых на нормальное обеспечение их жизни и деятельности. Они собрали сведения о ценах в губернском городе, и оказалось, что на содержание камеры с канцелярией фактически тратилось 2800 руб. в год, тогда как на эти нужды казна отпуска-

⁶ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 63. Л. 32–33.

⁷ Там же. Д. 67. Л. 14–16.

⁸ Там же. Д. 133. Л. 7, 10, 17.

⁹ Там же. Д. 73. Л. 6–6 об., 26–26 об.

¹⁰ Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сиб. вопросы. 1909. № 45.

¹¹ ГАТО. Ф-10 Оп. 1. Д. 133. Л. 9, 14–15, 26.

¹² РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 115.

¹³ ИА ОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 261. Л. 184 об.

ла лишь 1200 руб. Поэтому мировые судьи нанимали под камеры тесные, неблагоустроенные, холодные в зимнее время помещения, в качестве служебного персонала использовали случайных и неблагонадежных людей¹⁴.

В особенно тяжелых условиях приходилось работать судьям, камеры которых располагались в самых далеких сибирских селениях. Трагичность положения таких служащих показана в представлении мирового судьи 4-го участка Барнаульского уезда Томской губернии (камера в с. Карасук) С.В. Дианина в Томский окружной от 27 января 1909 г. Он писал:

Деятельность мировых судей вообще довольно трудная по количеству работы, тяжесть эта усугубляется еще и тем, что резиденции участков некоторых мировых судей заброшены в такие углы Сибири, что эти мировые судьи обречены на совершенную изолированность от остального культурного мира, к числу таких участков надо отнести 4-й следственно-мировой участок Барнаульского уезда с резиденцией в с. Карасук. Карасук расположен от железной дороги в 170 верстах, от ближайшего города (Каинска) в 200 верстах, от уездного (Барнаула) в 400 верстах. Понятно, что при таком географическом положении Карасука мировой судья обречен почти на безвыездное пребывание в глухом селе. Интеллигенции в селе почти нет, был крестьянский начальник и ветеринарный врач, да эти предпочли жить в с. Ярком в 100 верстах от Карасука ... Карасук расположен в неприглядной степи с постоянными ветрами летом и выюгами зимой, ощущается постоянный недостаток дров, получить дрова совершенно невозможно, сколько стоит трудов и напрасной потери времени, не говоря уже о денежных затратах, чтобы купить сажень гнилых дров. Проживая почти без выезда в Карасуке 2 года, я по справедливости могу подтвердить нелестный для Карасука отзыв на судейском языке, что это "место добровольной ссылки для молодых и принудительной для старых юристов". Жизни общественной в Карасуке почти нет никакой, если же к тому мировой судья не успел обзавестись семьей, то он обречен на полнейшее одиночество; единственно, что может удовлетворить и заставить забыть себя – это работа и работа ... всякий человек чувствует себя в Карасуке временным гостем и живет надеждой получить более лучшее для него место. Прожить в Карасуке 2 года уже вполне достаточно, чтобы всеми фибрами своей души рваться отсюда, куда-нибудь уехать и больше не возвращаться!»¹⁵

Отсутствие съездов мировых судей «вместо предполагавшихся удобств, породило только неудобства», – считал В.Н. Анучин [5]. Чиновники лишались возможности обмениваться опытом, больше всего пострадала судейская молодежь. Невозможность «для заброшенного в захолустье судьи посоветоваться со знающим человеком», по мнению старшего председателя Омской судебной палаты В.В. Едличко, стала одной из основных причин недостатков в деятель-

ности мировой юстиции¹⁶. В.Н. Анучин писал: «Беспрепятственно встречаются юридические вопросы, над которыми должен подумать даже опытный юрист, не то что "начинающий карьеру" молодой человек ... Сосед-судья – самое меньшее за 75 верст, а разрешать вопрос нужно скорее. И судья разрешает его наугад, под страхом личной ответственности в случае ошибки» [5, с. 35–36].

Случай, произошедший с мировым судьей 3-го участка Барнаульского уезда Г.В. Топор-Робчинским, характеризует не только положение молодого судебного чиновника в отдаленных районах, но и постановку дела правосудия в Сибири в целом. Судебная палата обвинила судью в неправильных действиях, несоблюдении процессуальных норм, «крайней медленности» по следственному производству о братьях П. и Н. Собачкиных, начатому 16 августа 1907 г. Г.В. Топор-Робчинский допросить братьев смог лишь 19 сентября, поскольку они находились под арестом в 90 верстах от его резиденции, а он был чрезвычайно занят текущими делами. Но, главное, судья, проработавший в должности всего три месяца и не знавший способов, которые обычно практиковались по такому роду дел местными следователями, добросовестно вел дело в «порядке публичного обвинения», а не так, как было необходимо, «по частным жалобам»¹⁷.

Следствие неверно проводилось почти полгода и затягивалось в связи с обычными для сибирских условий обстоятельствами (например, посланные судьей за месяц повестки не доходили до адреса). Г.В. Топор-Робчинский узнал случайно, что проводит расследование с ошибками лишь 16 февраля 1908 г. от проезжавшего через его резиденцию мирового судьи соседнего участка. Дело в порядке «по частным жалобам» приобрело иной поворот. Частный обвинитель отказался от обвинения, и судья освободил находившегося по ошибке под арестом в течение пяти месяцев Н. Собачкина (П. Собачкин был отпущен раньше за отсутствием улик). Неправильное ведение следствия Г.В. Топор-Робчинский объяснял своей молодостью и неопытностью, а медленность производства связывал с занятостью, вызванной «той массой дел, которая имела в участке». Судебное начальство оправдало работавшего в таких условиях судью¹⁸.

Все перечисленное делало службу мировых судей в Сибири малопривлекательной, не престижной и просто невыносимой. Р.Л. Вейсман в свойственной ему манере говорил, что «если предстоит писать жития святых, то надо было бы составить описание жизни мировых судей в Сибири и их самоотвержение и муки положения, создалась бы ужасная картина судебного илотства. И на их могильных плитах следовало бы начертать: "Здесь преждевременно почил раб божий NN, павший жертвой скупости сокращенных штатов, вследствие недостатка средств, необходимых для бо-

¹⁴ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 139. Л. 1–23; Д. 186. Л. 433 об., 461–462.

¹⁵ Там же. Д. 183. Л. 13–14 об.

¹⁶ ИА ОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 350. Л. 3.

¹⁷ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 147. Л. 3–5 об.

¹⁸ Там же. Л. 4–6, 12–12 об.

лее важных потребностей государства, чем правосудие» [1, с. 43].

Поступление огромного количества дел, исполнение всех обязанностей требовало от мировых судей большого напряжения сил. Они зачастую работали по выходным дням [6, с. 14], а некоторые из них, как писал Р.Л. Вейсман, «буквально сходили с ума» [1, с. 41]. И действительно сами судьи иногда оправдывали свои неправильные действия помутнением рассудка из-за перенапряжения. Так, мировой судья 5-го участка Змеиногорского уезда Томской губернии А.И. Покровский неправильно применил статью Устава о наказаниях по одному из дел и объяснил это «случайным мимолетным затмением или потемнением памяти», связанным с «переутомлением нервной системы, вызванным чрезвычайно напряженной деятельностью»¹⁹. «Захворав», мировые судьи, как отмечал В.Н. Анучин, «перемогались и работали, пока не сваливались» [5, с. 38], либо осмеливались ходатайствовать у начальства назначения в другую, более комфортную для здоровья местность. Например, в 1909 г. судья 1-го участка Мариинского уезда К.Е. Стеблин-Каменский, заболев малярией, просил перевести его в участок одного из крупных городов²⁰.

Судебное руководство, хотя неявно, признавало вредность судейской службы в сибирских условиях. Так, в решении Омской судебной палаты о строительстве санатория (1914 г.) записано, что санаторий предназначался для помощи «переутомившимся или временно потерявшим здоровье на тяжелом поприще служения государю и отчизне в рядах судебных деятелей»²¹.

Негативные последствия нерационального устройства института мировых судей начали проявляться еще до его введения в крае. Некоторые судебные деятели, ссылаясь на трудности в исполнении многих обязанностей, отказывались ехать в Сибирь²². После проведения реформы в 1897 г. мировые судьи начали бросать свою службу и уезжать обратно в Европейскую Россию²³ или искать себе применение в других судебных учреждениях, в адвокатуре [1, с. 41]. Мотивировать отказ от работы в мировой юстиции им не представляло труда. Один из таких чиновников писал: «Работать в должности мирового судьи мне пришлось при таком огромном числе дел и при столь незначительных окладах квартирных и канцелярских денег, что в первый же год этой службы я и здоровье свое расстроил, и личного денежного долга для поддержания необходимого порядка в своей канцелярии сделал больше 1200 рублей»²⁴.

Чтобы справиться с возрастающим потоком дел, мировые судьи вынуждены были прибегать к всякого рода противозаконным способам. Соккрытие след-

ственных дел под судебными и наоборот [7, с. 249], игнорирование требований закона, обязывающих рассматривать дела в селениях, ближайших к местам их возникновения [5, с. 30], стали обычными для деятельности сибирских мировых судей явлениями. Некоторые из них, уличенные в служебных преступлениях или в медленном рассмотрении дел, часто оправдывали свои действия или бездействие тем, что выполнять все возложенные на них обязанности, строго следуя предписанным правилам, невозможно. Множеством возникающих дел и потерей большого количества времени на выезды в качестве следователей объясняли накопление дел в своих участках мировые судьи Ялуторовского уезда²⁵, один из которых вовсе перестал производить предварительные следствия²⁶.

В отдельных случаях не расследовались даже убийства. Тобольский губернатор Д.Ф. фон Гагман докладывал императору об известных ему фактах «окарауливания» населением трупов с признаками насильственной смерти. В одном из сел такой мертвец без обследования пролежал 106 дней²⁷. В письме из Тюкалинского уезда в редакцию журнала «Сибирские вопросы» сообщалось о покойниках, лежавших в деревнях повсеместно без вскрытия по два–три месяца. Следствия по фактам убийств, по мнению корреспондента, велись лишь тогда, когда останки накапливались и «лежали чуть ли не в каждой деревне»²⁸. Правда, отнюдь не вся вина за волокиту по такого рода делам лежала на юстиции. В некоторых районах отсутствовали врачи, вскрывать трупы было некому²⁹.

Особенности сибирских условий и многочисленные отступления в устройстве института мировых судей ставили перед западносибирскими судьями сложные задачи, а недофинансирование со стороны государства делало порой невозможным их решение. Работа мирового суда не подкреплялась материальными, людскими и денежными ресурсами: казенный интерес при организации судебной службы преобладал над потребностями общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейсман Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда // Сиб. вопросы. 1908. № 3/4.
2. А.Х. Мировой судья в Сибири // Сиб. вопросы. 1911. № 5/6.
3. Войтенков М. Мировой судья в Сибири и Забайкалье // Право. 1911. 30 янв.
4. Анучин В.Н. К десятилетию судебной реформы в Сибири // Сиб. жизнь. 1907. 1 июля.
5. Анучин В.Н. Пасынки Фемиды // Сиб. вопросы. 1909. № 49/50.
6. Томская хроника // Сиб. отголоски. 1906. № 12.
7. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905.

¹⁹ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 142. Л. 7–8.

²⁰ Там же. Д. 183. Л. 24.

²¹ ИА ОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 279. Л. 2–3.

²² Восточное обозрение. 1897. 23 июля.

²³ Хроника внутренней жизни // Рус. богатство. 1898. № 8. С. 170

²⁴ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–12.

²⁵ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 31–32.

²⁶ Там же. Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 45.

²⁷ РГИА. Коллекция печатных записок № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1909 г. С. 13.

²⁸ Хроника // Сиб. вопросы. 1911. № 2/3.

²⁹ ГАТО. Ф. Ф-10. Оп. 1. Д. 133. Л. 4–5.

УДК 947(571)+347.965

С.Л. ШАХЕРОВА

**ПРИСЯЖНАЯ АДВОКАТУРА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ:
ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ
(1885 – ФЕВРАЛЬ 1917 г.)**

канд. ист. наук

Восточно-Сибирская государственная академия образования, г. Иркутск

e-mail: svetlanashakh@rambler.ru

В статье освещаются этапы формирования присяжной адвокатуры Восточной Сибири как профессиональной группы. Подробно изучены особенности состава и территориального распределения адвокатуры, выявлены факторы, повлиявшие на распределение присяжных поверенных, установлена взаимосвязь между территориальным размещением представителей присяжной адвокатуры и доступностью юридической помощи населению Восточной Сибири.

Ключевые слова: адвокатура, присяжный поверенный, помощник присяжного поверенного, частный поверенный, судебная реформа, Восточная Сибирь.

В России 60–70-е гг. XIX в. ознаменовались проведением комплекса преобразований, одним из которых была судебная реформа, установившая новую структуру суда, суд присяжных, гласный, состязательный процесс. Важным элементом нового судопроизводства стала адвокатура. Однако судебная реформа 1864 г. не была проведена на окраинах, в том числе и в Сибири. Правительственный взгляд на место и роль региона в развитии страны, установившееся мнение о необходимости сохранения особого управления определили отказ от данной реформы.

Александр III в условиях проведения контрреформ ограничился системой полумер по улучшению судебной части в регионе. Только с приходом к власти Николая II в Сибири вводятся Судебные уставы 1864 г. с ограничениями и изъятиями, сделанными в 70–80-е гг. XIX в.

Процесс становления присяжной адвокатуры Восточной Сибири, в отличие от европейской части страны, был более длительным. Деятельность первых присяжных поверенных в Сибири началась с введения «Временных правил» 1885 г., по которым допускалось участие правозащитника при судебном разбирательстве дел, связанных с лишением прав и имущества¹. По данным периодической печати, число присяжных поверенных было небольшим. Такое положение объяснялось, во-первых, отсутствием законодательно регламентированного механизма создания адвокатуры в регионе; во-вторых, отрицательным отношением правительства и местных судебных чи-

нов к присяжным поверенным, их участию в судебном разбирательстве.

Большое значение как в губернских, так и в уездных городах имели дореформенные ходатаи. Основная их часть не обладала каким-либо юридическим образованием, за исключением губернских городов, где определенную долю ходатаев составляли бывшие и действующие судебные чины. В небольших городах и сельской местности юридические услуги населению оказывали политические ссыльные, к которым активно обращались местные жители как к людям более грамотным.

После введения «Временных правил» 1885 г. в Иркутск и Томск приехала небольшая группа присяжных поверенных. Приехали в основном люди, не сумевшие реализовать себя в профессиональном плане в европейской части страны. Многие судебные округа Европейской России, например, Петербургский, Московский, были переполнены адвокатами, и молодые присяжные поверенные не выдерживали конкуренции с мэтрами адвокатуры. Введение в Сибири «Временных правил» дало иллюзорную надежду найти богатую практику, хорошо заработать, а самое главное – сделать имя. Однако сибирская действительность быстро отрезвила новоприбывших: не было крупных уголовных дел, в судах предпочитали назначать для защиты чиновников. Кроме того, местное население отнеслось к новичкам подозрительно, предпочитая обращаться за юридической помощью к местным ходатаям, чья репутация и опыт были хорошо известны. Часть поверенных вернулась обратно, другая осталась, но была вынуждена обратиться к дополнительному виду деятельности – репетиторству или препода-

¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. Временные правила 1885 г. Иркутск, 1885. С. 3.

даванию. Лишь отдельные их представители, имевшие связи среди крупных коммерсантов, сумели найти хорошую практику, как, например иркутский присяжный поверенный П.И. Звонников².

Характерной чертой рассматриваемого периода явилось отсутствие в общественном сознании различия между старыми ходатаями и появившимися присяжными поверенными, низкий уровень правовой культуры жителей региона еще не позволял провести четкую грань между профессионалом и дилетантом. Наметилась специализация среди представителей адвокатуры, одни поверенные вели преимущественно гражданские дела (П.И. Звонников, А.В. Тарасов), другие – уголовные (А.В. Митрохин, Р.Д. Любавский). Как и в Центральной России, крупные дела вели наиболее популярные адвокаты.

Существенные изменения в правовом положении, составе, территориальном распределении присяжной адвокатуры были связаны с проведением судебной реформы в регионе. Согласно «Временным правилам о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири» 1896 г. здесь были созданы три группы адвокатуры: присяжные поверенные (правозаступники в уголовных делах и судебные представители в гражданских), помощники присяжных поверенных (адвокаты-стажеры) и частные поверенные, в компетенцию которых входило исключительно судебное представительство.

Кандидат на звание присяжного поверенного должен был соответствовать ряду предъявляемых законом требований: наличие высшего юридического образования, пятилетний стаж работы в судебном ведомстве или в качестве помощника присяжного поверенного, возраст не менее 25 лет, обязательным условием было российское гражданство. Из-за отсутствия подготовленных юридических кадров, на момент открытия новых судебных установлений в 1897 г., основная часть присяжных поверенных и их помощников была приезжей. В отличие от европейской части страны при проведении судебной реформы в регионе не были смягчены условия вступления в присяжную адвокатуру. Единственное исключение было сделано для Читинского окружного суда, куда желающих поехать не нашлось: пункт об обязательном высшем образовании был временно отменен. Состав читинской присяжной адвокатуры сформировали за счет местных судебных чинов. Приехавшие поверенные занимались ранее практикой при Виленской, Саратовской, Киевской, Казанской, Московской и Одесской судебных палатах³.

С 1905–1907 гг. происходит смена состава присяжной адвокатуры региона, основную часть присяжных поверенных образуют сибиряки. Среди причин, вызвавших изменение, можно выделить рост смертности (с 1905 по 1912 г. умерло 9 присяжных пове-

ренных), отход от адвокатской практики, возвращение в европейскую часть страны старших представителей адвокатуры, рост интереса среди представителей сибирского населения к профессии адвоката.

Что касается возраста присяжных поверенных, то в 1905 г. он колебался от 27 до 53 лет, а помощников – от 22 до 30 лет⁴.

Присяжные поверенные Восточной Сибири являлись выпускниками преимущественно Петербургского и Московского университетов, а также Демидовского юридического лицея⁵; как правило, они пришли в адвокатуру из «магистратуры», дослужились до таких чинов, как титулярный, статский и надворный советники, коллежский асессор⁶.

По социальному составу адвокатура региона была разнородной, включала дворян, потомственных почетных граждан, мещан. В силу сложившейся в стране системы образования представители крестьянства в адвокатуру не попадали. По вероисповеданию большая часть присяжных поверенных являлась православной, незначительное количество, обычно по два-три человека при окружных судах, были католического или лютеранского вероисповедания⁷. Правительственная политика по отношению к лицам иудейского вероисповедания препятствовала их поступлению в присяжные поверенные, а после циркуляра министра юстиции от 1912 г. – и в помощники присяжных поверенных⁸.

На Красноярский, Читинский и Иркутский окружные суды приходилось в 1898 г. 20 присяжных поверенных и 10 помощников присяжных поверенных, в 1901 г. – соответственно 27 и 18, в 1908 г. – 39 и 20, в 1913 г. – 43 и 48⁹. Особое положение занимали Якутский и Канский окружные суды, в которых на момент создания адвокатуры насчитывалось по одному присяжному поверенному и по одному помощнику [2, с. 216–219; 3, с. 4–6]. С начала XX в. представителей адвокатуры в этих судах не имелось. Среди факторов, определивших особенности территориального распределения присяжной адвокатуры в регионе, помимо широкого спектра приложения труда, можно выделить следующие: высокие цены на продукты питания и аренду жилья, слабо развитая транспортная связь, низкий уровень культурного развития города, в котором находился окружной суд, а также суровый климат.

Наибольшее число присяжных поверенных и их помощников приходилось на города пребывания окружных судов и судебных палат, т.е. Иркутск, Красноярск и Читу, где сфера приложения труда была наи-

⁴ ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 325. Л.10–11.

⁵ Там же. Д. 107. Л. 8–9.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Ф. 245. Оп. 1. Д. 848. Л. 21.

⁹ Сборники статистических сведений о составе и деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России. СПб., 1898; 1899; 1902. Вып. 13; 14; 17.

² ГАИО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 259. Л. 15.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 98. Д. 3350. Л.109; там же. Д. 3351. Л. 93.

более полной. Отдельные представители этой профессии жили в Енисейске и Верхнеудинске. Лидером являлся Иркутск, в котором проживало 50–60 % присяжных поверенных. В 1898 г. в Иркутске насчитывалось 14 присяжных поверенных и 8 помощников, в 1908 г. – соответственно 27 и 14, в 1913 г. – 28 и 22. Доля присяжной адвокатуры региона составляла менее 1,3% от общероссийских показателей¹⁰.

Неравномерное распределение адвокатуры по округу демонстрирует соотношение количества жителей и количества присяжных поверенных, способных удовлетворить их потребности в юридических услугах. На одного адвоката Иркутского судебного округа приходилось 27,8 тыс. жителей. В Иркутске, месте нахождения судебной палаты, на адвоката приходилось 13,7 тыс. жителей, при окружных судах – 38,1 тыс. чел. Для сравнения обратимся к следующим данным: в наиболее многочисленном по количеству присяжных поверенных Московском округе на одного представителя адвокатуры приходилось 10,4 тыс. жителей, в Москве – 1,6 тыс., в остальных городах – 55 тыс. жителей [1, с. 49–52]. Однако следует отметить, что в отличие от Московской губернии, жителям уездных городов или сельской местности вследствие огромных расстояний приехать в Иркутск, Красноярск или Читту за квалифицированной юридической помощью было весьма затруднительно.

Картина неравномерного распределения не изменится, если сравнивать количество судебных дел, приходившихся на одного адвоката. По данным за 1910 г., на одного адвоката округа Иркутской судебной палаты в среднем приходилось (гражданских и уголовных) 208,8 дела в год, на одного иркутского поверенного – 138,1 дела в год, на красноярского или читинского – 250,1 дела [1, с. 51].

Нехватка присяжных в округе отчасти компенсировалась сравнительно большой долей частных поверенных при окружных судах, где процент присяжной адвокатуры был низок. В Иркутском округе 45,2 % частных поверенных приходилось на города с окружными судами, 38,2 % – на остальные места, 16,6 % – на Иркутск [1, с. 53]. Серьезной проблемой для региона являлось наличие подпольной адвокатуры, особенно в уездных городах, где юридические услуги оказывали просто грамотные люди, умевшие составлять бумаги. Таким образом, оказание всесторонней квалифицированной юридической помощи населению региона было возможным исключительно в губернских центрах, выездные сессии окружных судов с участием представителей адвокатуры ситуацию кардинально не меняли.

Материальное положение представителей адвокатуры во многом зависело от круга деятельности, таланта и, безусловно, места жительства. Наличие богатых клиентов, определенного количества предпри-

ятий, компаний, контор, судебных учреждений напрямую зависело от статуса города. В среднем цена одного дела колебалась от 50 до 200 руб. Доход от юрисконсультства составлял 2–2,5 тыс. руб. в год. Достаточно высокая оплата труда поверенного сделала недоступной квалифицированную юридическую помощь для малообеспеченных слоев населения, что создало возможность для расцвета подпольной адвокатуры. Тем не менее материальное положение представителей адвокатуры было неоднородным, в 1910 г. представители иркутской адвокатуры обсуждали предложение о создании кассы взаимопомощи для нуждающихся коллег. При этом отдельные присяжные поверенные имели высокодоходную недвижимость¹¹.

Что касается профессиональной деятельности присяжных поверенных, первое место занимало судебное представительство, часто присяжные поверенные состояли юрисконсультантами городских управ, банков, акционерных компаний. Доходным было и ведение исков «по увечным делам». Представители присяжной адвокатуры активно участвовали в различных конкурсных управлениях, на протяжении 1897–1905 гг. практически все присяжные поверенные Иркутска состояли попечителями имущества несостоятельных должников. Доля уголовной защиты в деятельности присяжного поверенного значительно уступала судебному представительству. В начале XX в. выделилась группа наиболее талантливых защитников, таких как А.В. Митрохин, М.С. Стравинский, В.А. Харламов, Г.Б. Патушинский.

Профессиональная деятельность помощников присяжных поверенных по существу не отличалась от деятельности их патронов. В условиях острого недостатка присяжных поверенных председатели окружных судов активно привлекали помощников к уголовной защите, особенно на выездных сессиях.

Введение адвокатуры в Сибири имело и свои особенности: присяжным поверенным не разрешалось создавать орган корпоративного самоуправления – совет присяжных поверенных. Его функции возлагались на окружные суды, которые осуществляли прием в присяжную и частную адвокатуру, контроль над ее профессиональной деятельностью. Общий контроль был возложен на органы прокурорского надзора. Таким образом, если в ряде судебных округов европейской части страны адвокатура была независима от суда, то в Сибири она была поставлена под полный его контроль. В 1904 г. адвокатура Сибири получила право создавать советы присяжных поверенных, первый Иркутский совет был открыт в 1905 г.

В заключение следует отметить, что присяжные поверенные Восточной Сибири были одной из самых малочисленных групп адвокатуры России. По своим профессиональным качествам адвокатура Восточной Сибири отвечала предъявляемым судебными

¹⁰ Сборники статистических сведений о составе и деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России. СПб., 1898; 1899; 1902. Вып. 13; 14; 17.

¹¹ ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 613. Л. 37, 113.

уставами требованиям. Особенности территориального распределения адвокатуры, высокая стоимость юридических услуг сделала квалифицированную юридическую помощь недоступной для жителей уездных городов, сельской местности, малообеспеченных слоев населения.

УДК 94(571.56)

А.А. ПАВЛОВ¹, С.Е. НИКИТИНА²

ГУБЕРНАТОР В СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ: К 150-ЛЕТИЮ ГУБЕРНАТОРА И.И. КРАФТА

ЛИТЕРАТУРА

1. История русской адвокатуры. СПб., 1916. Т. 2.
2. Отчет совета присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты (23.02. 1907 – 1.03. 1908 гг.). Иркутск, 1909.
3. Отчет совета присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты за 1913 г. Иркутск, 1914.

¹канд. ист. наук

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск;

²канд. ист. наук

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Якутский край в 30-х гг. XVII в. вошел в состав Русского государства. С 1 января 1852 г. была образована самостоятельная Якутская область на правах губернии. Во главе области был назначен гражданский губернатор, подчиненный иркутскому генерал-губернатору. Из всех начальников области наиболее колоритной фигурой являлся губернатор И.И. Крафт. В годы управления И.И. Крафта Якутской областью (1907–1913 гг.) произошли значительные социокультурные изменения: построены колесные дороги, ускорился ход почты, установлено регулярное речное почтово-пассажирское сообщение, повседневно стали телеграф, телефоны, электричество, кино, широкое распространение получила общественно-политическая печать. И.И. Крафт был особенно внимателен к просветительству и здравоохранению, оснащению сельского хозяйства передовыми технологиями.

Ключевые слова: губернатор Якутской области, социокультурные процессы, научное изучение региона, народное образование, здравоохранение, агрономическая культура, просветительские организации, периодическая печать.

С 1632 г. Якутия стала неотъемлемой частью российского государства. Установлено, что за это время областью правили более 100 чел.: воеводы, коменданты, городничие, областные начальники, губернаторы. Среди них отмечены личности разных взглядов, стремлений, характеров и, как заметил профессор Ф.Г. Сафронов, «нельзя поставить в один ряд воевод XVII–XVIII вв. и областных начальников и губернаторов XIX – начала XX вв.» [1, с. 23]. Кто-то из них оставил свой след убийствами, грабежами, воровством и взяточничеством. Но были и те, кто оставил о себе добрую память. Так, воевода, начальник I Ясачной комиссии Мирон Мартынович Черкашенинов провел ясачную реформу, заложил основу для законного сбора ясака, прекратил грабежи чиновников; областной начальник Николай Иванович Мягков способствовал осуществлению административной реформы М. Сперанского, созданию Степной думы – органа самоуправления народа саха; губернатор Владимир Николаевич Скрипицын попытался совершенствовать систему землевладения.

Из всех начальников области наиболее колоритной фигурой являлся губернатор, действительный статский советник Иван Иванович Крафт. Для Якутии, по мнению Г.Н. Потанина, Крафт был «маленьким

Сперанским»¹. И.И. Крафт родился в Витебске в 1861 г. в семье польского дворянина. Его детские годы прошли в Забайкалье среди бурят, он выучил бурятский язык, интересовался культурой этого народа. Свою трудовую деятельность начал с должности помощника сельского писаря. В то время должность забайкальского военного губернатора занимал Я.Ф. Барабаш. После перевода в Тургайский край, заселенный киргизами, Барабаш взял с собой на новое место службы И.И. Крафта. Здесь Крафт как советник занимался вопросами народного образования, здравоохранения, социальными проблемами [2, с. 18]. В 1898 г. по рекомендации тургайского губернатора Я.Ф. Барабаша Крафт был зачислен в аппарат Министерства внутренних дел старшим помощником делопроизводителя земского отдела, экспертом по вопросам инородческого быта. Реформа якутского губернатора В.Н. Скрипицына была обусловлена курсом российского правительства на унификацию управления в отдаленных национальных окраинах империи. В 1899 г. В.Н. Скрипицыну был направлен проект «О преобразовании управления оседлыми и кочевыми инородца-

¹ Потанин Г.К. Памяти Крафта // Сибирская жизнь. 1914. 14 дек.

ми губерний Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской», составленный делопроизводителем земского отдела, надворным советником И.И. Крафтом. Было рекомендовано обсудить проект с окружными исправниками, близко знакомыми с бытом и хозяйственным устройством местного населения. Необходимость проведения реформы доказывалась тем, что «существующие порядки устарели, задерживают естественный процесс обрусения, их умственного, нравственного и экономического преуспеяния и не обеспечивают государственных интересов вследствие неисправного поступления в некоторых местностях податных платежей, зависящего не от тяжести податного обложения, а от несовершенства взимания платежей» [3, с. 144].

Скоро при министерстве был организован стол по инородческим делам, начальником которого назначен Крафт. В 1906 г. его выдвигают на должность советника по особым поручениям, он курирует вопросы сельского хозяйства. В декабре 1906 г. статский советник И.И. Крафт становится губернатором Якутской области. На должность он был утвержден именным указом от 28 мая 1907 г. Еще будучи в Петербурге в январе 1907 г., он начал набрасывать проект «О колонизации Якутской области».

И.И. Крафт энергично взялся за модернизацию экономики области. Прежде всего, он выяснил причины, тормозящие развитие животноводства и земледелия. Для этой цели лично исследовал 2220 хозяйств во всех улусах области. Собранные материалы были отосланы в Центральный статистический центр [4, с. 8]. Крафт поддержал учреждение ветеринарных и агрономических обществ, которые должны были дать научное обоснование развитию сельского хозяйства. В 1911 г. был открыт сельскохозяйственный склад, поставляющий сельскохозяйственную технику, семена и зерно русским и якутским крестьянам на льготных условиях. По его же ходатайству были привезены из центральных губерний несколько голов племенного крупного рогатого скота для разведения. С целью улучшения якутской породы лошадей в 1908 г. через Главное управление коннозаводства из Томской конюшни были привезены 7 жеребцов, из них 2 рысистых, 2 тяжеловоза Брабансона и 3 лошади рабочей породы [5]. В сентябре 1912 г. впервые в Якутске состоялась сельскохозяйственная выставка, где были представлены наилучшие породы крупного рогатого скота, лошадей, свиней и кур, образцы сельскохозяйственной техники, в том числе сепараторы «Альфа Нобель». Выставку посетило около 3 тыс. чел. Победители были награждены медалями и денежными призами. По распоряжению Крафта в 1911 г. открываются сельскохозяйственные курсы, где обучались 50 чел. По окончании курсанты получили звания младшего агронома и младшего ветеринара². С 1 января 1913 г. во всех школах было введено преподавание основ сельскохозяйственных знаний. С 1912 г. начал издаваться жур-

нал «Якутское хозяйство» под редакцией ответственного агронома М.П. Складченко. И.И. Крафт способствовал открытию ветеринарных пунктов во всех округах области и введению обязательного прививания скота. В Якутске открыли хорошо оборудованную бактериологическую лабораторию, для этой цели было ассигновано 5 тыс. руб. [4, с. 70]. Благодаря деятельности губернатора по повышению рентабельности сельского хозяйства ежегодно правительство увеличивало кредит области, отпускаемый на сельское хозяйство.

С учетом перспектив промышленной разработки природных богатств и вывоза сельскохозяйственной продукции Крафт настойчиво ставил вопрос о присоединении Якутии к Транссибирской железнодорожной магистрали. Подчеркивая актуальность задач колонизации области и обороны северо-востока страны, в письме премьер-министру П.А. Столыпину «О необходимости осуществления мер по укреплению Российского влияния на Дальнем Востоке и прибрежных местностях Охотского моря и Ледовитого океана» он писал: «...при отсутствии у нас восточного флота все указанные побережья... совершенно беззащитны». Крафт предлагал создать в г. Якутске и г. Среднеколымске военные базы с гарнизонами, складами и госпиталями, а также ускорить строительство железной дороги до Якутска³. По его распоряжению было проведено снижение цен на товары первой необходимости, огнестрельное оружие и предметы рыболовства и охоты. Эти меры позволили снизить отток пушнины за рубеж, особенно в США. Пристальное внимание уделял губернатор улучшению коммуникационного сообщения, в годы его управления в области обустроились колесные дороги, были открыты новые почтовые станции, возросло число почтово-пассажирских паровозных рейсов по Лене и ее притокам, увеличилась телеграфная линия в три раза, телеграфный тариф при этом понизился.

По замыслу правительства, губернатор должен был подготовить область для приема около 2 млн переселенцев из Центральной России. И.И. Крафт отмечал, что дальнейшая колонизация области без продуманного подхода может привести к катастрофическим последствиям, как для переселенцев, так для местных жителей⁴. Губернатор предлагал правительству строить специальные поселения для ссыльных и тем самым привлечь их к производительному труду [6, с. 58]. Областному управлению удалось убедить центральные власти в том, что область может принять не более 600–700 чел. на общую площадь в 10,423 дес. земли [4, с. 72]. Первые переселенцы – 124 чел. – прибыли летом 1907 г., всего за 1907–1908 гг. в область было сослано 330 душ.

В рассматриваемый период население Якутии усиленно вовлекалось в рыночные отношения. Этому способствовал рост добычи россыпного золота в вер-

² Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). Ф. 12-и. Оп. 6. Д. 1576. Л. 7.

³ Там же. Оп. 2. Д. 4537. Л. 151 об.

⁴ Там же. Д. 4067. Л. 5.

ховьях Лены, Олёкмы, Алдана, Вилюя, а также свинца в Верхоянье, соли на Западном Вилюе. Поставка на прииски сельскохозяйственной продукции, строительного леса, сена, подряды на доставку грузов являлись важными статьями доходов, особенно для жителей Олёкминского и Вилюйского округов. Кроме того, через русских купцов якуты поставляли на мировой рынок пушнину и мамонтовые клыки. Только в 1894 г. на Витимо-Олёкминские прииски было вывезено из Якутской области товаров на сумму более 1 млн руб., в том числе 150 тыс. пуд. мяса.

В годы правления Крафта возникли десятки торговых компаний. С 1912 г. почти в каждом улусном и в некоторых наследных центрах были открыты потребительские общества, кооперативы, сберегательные кассы. В 1910 г. создается первый кооператив. Это небольшое потребительское общество имело капитал в размере 2275 руб. Членами кооператива стали жители г. Якутска и пригородного с. Марха. В 1913 г. общество было преобразовано в кооператив «Экономия». Благодаря Крафту с 1910 по 1916 г. возникло 43 потребительских общества. В начале XX в. Якутская область еще не имела развитой промышленности, существовало несколько кустарных предприятий по переработке древесины, кожи. По ходатайству губернатора троих якутов отправили для обучения резьбе по мамонтовой кости в Сергиев Посад, в мастерскую Хрусталева, а из Среднеколымска была отправлена Евдокия Токарева, освоившая профессию кожевника.

Благодаря Крафту было создано Якутское отделение ИРГО. Организованные его силами многочисленные экспедиции собрали ценный материал о природных богатствах, флоре и фауне Якутии; кроме того, продолжалось статистико-географическое и геологическое изучение края. Были открыты месторождения мрамора, золотых россыпей, железной руды, каменного угля, строительных материалов, расширилась разработка соляных месторождений в Западной Якутии. С целью сохранения ценных видов зверей и птиц были введены сроки охоты, а на охоту соболя был наложен трехлетний мораторий⁵. Принимались меры по упорядочиванию рыболовства в низовьях реки Лены.

Годы управления областью Крафтом совпали со стихийными бедствиями. С 1908 по 1916 г. свирепствовала засуха, нанеся большой урон экономике области. Из-за недостатка корма происходил падеж скота. Возник голод. Для борьбы с голодом были созданы 228 хлебных, 41 рыбных магазинов, на севере удалось оборудовать 10 общественных подвалов. И.И. Крафт организовал доставку продуктов и предметов первой необходимости из Владивостока через Берингов пролив в низовье Колымы, в 1912 г. был совершен пробный пароходный рейс в Нижнеколымск. По его ходатайству Министерство внутренних дел списало области продовольственные долги; кроме того, был отменен сбор руги в пользу церкви. В 1911 г. для голодающих Якутской области было выделено

12 268 пуд. хлеба и 257 тыс. руб. из имперского капитала. А в 1912 г. область получила 362 тыс. пуд. ржаной муки, 72 тыс. пуд. крупчатки, т.е. в 2,2 раза больше, чем в предыдущие годы. Так благодаря энергичным действиям Крафта удалось предотвратить массовую гибель людей от голода.

И.И. Крафт был особенно внимателен к просвещению и здравоохранению. За годы его управления число начальных училищ увеличилось в 1,5 раза, а в сельской местности – почти в 2 раза. На севере были открыты «кочевые» школы, в городах – пансионы, были построены каменное здание реального училища, деревянное – женской гимназии. Губернатором были учреждены 26 казенных и частных стипендий для обучения в высших и средних учебных заведениях страны [7], большая часть этих стипендий предназначалась для детей бедных якутов. Кроме того, выделялись стипендии из 3 тыс. руб. для тех детей, которые приезжали учиться в реальное училище и в женскую гимназию г. Якутска. Иркутская учительская семинария ежегодно выделяла по 10 бесплатных мест для Якутской области⁶. Открывались и профессиональные школы, а на базе Хатын-Аринской школы было создано токарное училище. В те же годы в г. Якутске был построен больничный комплекс стоимостью 41 415 р. 50 к. и число больничных коек увеличено до 80 мест⁷. В 1914 г. по сравнению с 1906 г. количество больниц увеличилось на 63 %, врачей – на 73, а фельдшеров – почти в 3 раза⁸. По просьбе губернатора в области несколько лет подряд работал отряд глазных врачей. Крафт постоянно обращал внимание на антисанитарное состояние в домах якутов, предложил отделить коровники от жилых помещений, разработал модель якутской печки и представил свой проект на рассмотрение областного правления⁹. По его предложению была построена водонапорная станция.

По воспоминаниям современников, в деятельности И.И. Крафта особенно поражало то, что для него отсутствие материальных средств для осуществления какого-либо начинания не являлось препятствием. На пожертвования населения было построено здание музея-библиотеки, которое стало культурным центром для жителей Якутска, были введены в эксплуатацию здания женской гимназии, мужской гимназии, а через год после его отъезда – реального училища, здание окружного суда (ныне Академия наук РС(Я)) (их проекты были разработаны Крафтом). Были открыты два банка, в сельской местности – отделения Сбербанка России. Осуществлена перестройка тюремного здания, улучшились условия содержания заключенных. Якутск, как отмечали современники, преобразился благодаря самоотверженным трудам губернатора И.И. Крафта и

⁶ Там же. Оп. 6. Д. 603. Л. 53.

⁷ Там же. Ф. 288. Оп. 1. Д. 408. Л. 4, 6, 7, 16.

⁸ Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (ЯНЦ СО РАН). Ф. 5. Оп. 1. Д. 195. Л. 107.

⁹ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 6. Д. 2036. Л. 164–165.

⁵ Там же. Д. 4650. Л. 126, 126 об.

городского головы П.А. Юшманова: построено здание почтово-телеграфной конторы, казначейства, заложен фундамент архиерейского покоя (ныне Национальный Государственный краеведческий музей им. Ем. Ярославского), на главных улицах города проложен тротуар для пешеходов, каждому хозяину дома было дано указание озеленить свой участок. В 1908 г. по его инициативе был разбит сквер с фонтаном, где проводились народные гулянья, организован первый духовой оркестр, во время торжеств устраивались фейерверки. И.И. Крафт активно поддерживал внедрение усовершенствований: повседневностью стали телеграф, телефон, электричество, якутяне впервые увидели кино.

И.И. Крафт добивался увеличения зарплаты учителям, медикам и чиновникам, повышения жалования духовным чинам, пожарным, казакам. Защищая социальные интересы трудового населения, губернатор установил твердые тарифы для наемных рабочих: столяров, кузнецов, прислуги, извозчиков, водовозов. Активные меры он принимал по отмене уголовной ссылки в Якутию, по улучшению условий содержания ссыльных-поселенцев, увеличению пособия административным ссыльным. Мотивируя нехваткой кадров в области, разрешил ссыльным заниматься преподаванием, участвовать в научных экспедициях. Больные и немощные ссыльные пристраивались в Хатын-Аринской богадельне. Крафт обратил внимание и на улучшение условий воспитания детей ссыльных, их определяли в Мариинский и Ольгинский приюты. Для сирот и малоимущих открыли приют «Трудолюбец»¹⁰. В дни празднования Рождества и Нового года дети из малоимущих семей получали подарки от губернатора.

И.И. Крафт поддержал развитие печати и книгоиздания. С 19 июля 1907 г. начали выходить обще-

ственно-политическая и литературная газета «Якутский край» («Саха дойдута», позднее – «Якутская жизнь», «Якутская мысль» и «Якутская окраина») на русском и якутском языках – в ней сотрудничали политссылные и передовая якутская интеллигенция¹¹, журналы «Саха саната», «Ленские волны». Было издано несколько книг – художественных и общественно-политической направленности.

22 июля 1913 г. И.И. Крафт отбыл из г. Якутска к месту нового назначения в г. Красноярск. В день его отъезда были отслужены напутственные молебны в кафедральном соборе. Городская дума присвоила одной из улиц города имя губернатора Крафта. Было решено поместить его портрет в читальном зале городской библиотеки. В 1914 г. ему было присвоено звание «Почетный гражданин г. Якутска».

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафронов Ф.Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск, 1993.
2. Из сметы Министерства народного просвещения // Сибирские вопросы. 1910. № 36.
3. Никитина С.Е. Заметки В.В. Никифорова по поводу распространения «Крестьянского положения на оседлых инородцев Якутской области. 1899 г.» // В.В. Никифоров (Кулумнуур) – человек и личность. Якутск, 1997.
4. Отчет якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908 гг.). СПб., 1908.
5. Дмитриев С.Я. Заметки по якутскому скотоведению // Памятная книжка Якутской области на 1896 г. Якутск, 1896. Вып. 1.
6. Протоколы Якутского областного инородческого съезда, проходившего в г. Якутске с 25 августа по 2 сентября 1912 г. Якутск, 1912.
7. Обзор Якутской области за 1908 г. Якутск, 1908.

¹⁰ Якутская окраина. 1912. № 47.

¹¹ НАРС (Я). Ф. 12-и. Оп. 21. Д. 168. Л. 28.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 94(47)+930.2

И.В. ПОБЕРЕЖНИКОВ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ (XVIII – НАЧАЛО XX в.)*

канд. ист. наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург
e-mail: pobeg@r66.ru

В статье раскрываются возможности применения обновленной модернизационной парадигмы для изучения региональной истории России. Отмечается влияние на характер и динамику модернизации пограничного расположения страны между различными цивилизационными мирами, колоссального пространства России, разнообразия ее природно-климатических условий, богатства полезными ископаемыми. Обоснована возможность выделения особой фронтальной модели модернизации на материале восточных регионов страны.

Ключевые слова: модернизация, реконцептуализация, регион, вариативность, фронт, колонизация, освоение, анклавность, пространственная дифференциация.

Различные трактовки модернизации, т.е. перехода от традиционного к современному обществу, сопряжены с разными подходами к определению сущности и степени вариативности данного процесса. Согласно первому подходу (его можно определить как *эволюционистский*), получившему распространение в классических трудах представителей модернизационной парадигмы, акцент делается на эволюционный и прогрессивный характер модернизации, что предполагает всеобщее стадийное движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия в соответствии с универсальными закономерностями преимущественно эндогенного характера. В рамках такого подхода история страны трактуется как реализация общих закономерностей перехода от традиционного к индустриальному обществу. Данный подход создает предпосылки для сравнения различных вариантов перехода от традиционности к современности, выявления общего и особенного в про-

текании данных процессов [1; 2; 3; 4]. Но модель странового развития в рамках указанного подхода оценивается главным образом с точки зрения соответствия некоторому эталону, который обыкновенно воплощается в схеме модернизации стран атлантической цивилизации (Западной Европы и Северной Америки).

Следующий подход, намеченный в ранних работах американского экономического историка А. Гершенкрона, акцентирует внимание на зависимость механизмов модернизации от исторического момента, времени вступления страны в процесс модернизации [5]. Согласно А. Гершенкрону, со временем и в зависимости от места меняются сами механизмы модернизации, а сама модернизация подвергается трансформации (соответственно, данный подход можно определить как *трансформационистский*). Второй подход создает основы для трактовки модернизации как множественного вариативного процесса, разные проекции которого могут рассматриваться конкретно-исторически, как резюме сложных взаимодействий внутренних и внешних факторов.

Сторонники третьего подхода стоят на позициях исторического плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо одному магистральному направлению, настаивая на многовектор-

* Работа подготовлена в рамках проекта «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект» раздела 3 («Цивилизационные и геополитические особенности истории России») Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

ности и своеобразии модернизаций, протекающих в различных культурно-цивилизационных контекстах и опирающихся, соответственно, на различные социокультурные традиции (данный подход можно определить как *плюралистический*). Действительно, исторические и современные успехи целого ряда стран западной цивилизации (Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур и т.д.) свидетельствуют в пользу такого более широкого понимания модернизационного подхода, который оказался чувствительным к историческому опыту стран не только Западной Европы и Северной Америки, но и других частей света. Применение культурно-цивилизационного подхода позволяет переориентировать изучение модернизации с привычного институционально-экономического уровня на область культуры и цивилизации, где как раз и могут быть обнаружены ключевые факторы, которые выступают в качестве стимулов (или барьеров) к проведению преобразований, а также обеспечивают своеобразный облик последних.

Можно предложить еще одну трактовку модернизации. Ее контур намечен в публикациях сторонника цивилизационной парадигмы японского исследователя Ш. Ито [6]. По мнению этого ученого, представление об изолированном развитии цивилизаций является мифом. Напротив, настаивает ученый, многие цивилизации развиваются, оказывая влияние друг на друга. При этом внутренние ритмы цивилизаций подвергались трансформациям под воздействием других цивилизаций. Поскольку в рамках данной теоретической конструкции модернизация (как, вообще, любая «глобальная трансформация») осуществляется в процессе взаимодействия (своеобразных сплетений, фигураций) между культурно-историческими массивами, сопровождающихся диффузией идей, технологий, организационных моделей, обоюдными влияниями и трансформациями, такую трактовку, по отдаленной аналогии с фигурационной социологией процессов Н. Элиаса [7; 8], можно назвать *фигурационной*.

Использование плюралистического, культурно-цивилизационного подхода требует пересмотра устоявшихся концептуализаций модернизации. В свое время было предложено определение модернизации как всеобъемлющего процесса инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному, индустриальному обществу [9, с. 88], которое получило популярность в литературе. Такое определение, однако, спрямляет зигзаги реальных модернизационных процессов, не отражая всей сложности и противоречивости переходной эпохи.

Дело в том, что эпоха модернизации, как и любые переходные периоды, является гетерохронной, имеет множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых может существенно варьироваться. Так, шведский социолог и культуролог Й. Форнюс, опираясь на концепцию множественности исторического времени Ф. Броделя [10; 11; 12], выделяет в рамках эпохи модернизировать четыре типа темпоральности. Это, во-первых, устойчивые структуры; во-

вторых, быстрые, непредсказуемые случайные события; в-третьих, волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, в-четвертых, собственно направленные, векторные процессы модернизации. Все четыре типа сосуществуют в рамках эпохи модерна, и все они, по мнению Форнюса, в аналитических целях должны рассматриваться обособленно, хотя очевидно их взаимодействие в реальности [13, р. 25].

Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разностадиальных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические конstellляции, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям.

Учитывая сложную природу модернизационного перехода и вариативный характер протекания его в различных контекстах, можно предложить следующее определение модернизации – это сложный эндогенно-экзогенный направленно-циклический процесс взаимодействия структур (структурные условия, которые наследуются от прошлого, в модифицированном виде передаются наследникам и частично детерминируют действия людей) и деятельностей (нынешние действия акторов, субъектов истории, частично детерминирующие будущие структуры [14; 15, с. 231–389]), традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу, в свою очередь, осуществляющийся посредством механизмов и субпроцессов (структурной и функциональной дифференциации, рационализации, индустриализации, урбанизации, демографического перехода, бюрократизации, профессионализации, демократизации, становления современных мотивационных систем, образовательной и коммуникативной революций и т.д.), конфигурация и степень проявления которых варьируются в различных цивилизационно-культурных контекстах.

В принципе, возможно наряду с новым использованием и прежнего определения модернизации для обозначения «общей» абстрактной идеал-типической модернизации, конструируемой по «эталонным» образцам. Применение двух определений позволяет идентифицировать модернизацию «общую» и «специфическую» (по аналогии с неозволюционистским разведением общей и специфической эволюции [16]). Второе определение может использоваться для анализа конкретных способов адаптации модернизационных механизмов к средовым условиям (социокультурным, историческим, географическим). Следствием такого рода разведения становится возможность обсуждения проблемы модернизаций (не единой, монолитной, абсолютной модернизации) – временных, цивилизационных, страновых, региональных, субрегиональных, протекавших в различные исторические эпохи и в разных пространственных контекстах.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Применительно к российской истории пространственное измерение требует самого пристального внимания. Во-первых, пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. В связи с этим по-прежнему дискуссионным остается вопрос о цивилизационном статусе страны, ответ на который можно свести к следующим позициям: 1) Россия – часть (филиал) западной цивилизации; 2) Россия – восточная цивилизация; 3) Россия – своего рода мост, «фильтр» между Западом и Востоком, синтез восточной и западной цивилизаций; 4) Россия – Евразия, уникальная цивилизация, отличная от Европы и от Азии, от Запада и от Востока; 5) Россия – последовательность субцивилизаций в рамках единого цивилизационного феномена; 6) Россия – не самостоятельная цивилизация, а своеобразный ансамбль цивилизаций и этнокультурных анклавов, неоднородное, сегментарное общество (недоцивилизация) [17, с. 419–461; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25]. Специфика российского культурно-исторического массива, как нам кажется, может быть адекватно описана при помощи концепта «пограничной» цивилизации (считается, что подобная цивилизация характеризуется относительной молодостью, социокультурной гетерогенностью, симбиотичностью, наличием двух или нескольких культурно-ценностных «ядер», возможно, антиномичностью и социокультурными дивергенциями), который успешно разрабатывается Я.Г. Шемякиным [26; 27; 28, с. 192–344].

Во-вторых, колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезными ископаемыми имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее сфер. Указанные обстоятельства, способствовавшие складыванию обширного внутреннего рынка, объективно создавали предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркическое развитие. Россия представляла собой, по терминологии Ф. Броделя, мир-экономику, т.е. самодовлеющую структуру [12, с. 14]. Вследствие того, что Россия представляла собой мир-экономику со своим собственным институциональным порядком, ее взаимодействия с другими мирами-экономикой были чреваты для нее значительными транзакционными издержками, которых она, естественно, стремилась избежать.

В то же время огромные пространства затрудняли создание транспортной инфраструктуры для обеспечения налаженной и скорой связи потребителей с производителями, для нормального функционирования рынка. Недооценивать данное обстоятельство в контексте модернизационных процессов не следует, поскольку транспортный фактор имел решающее значение для становления современного индустриального общества.

Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Колонизация же тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологические уклады в центре страны, транслировала их на периферию, ослабляя таким образом целый ряд модернизационных по своей природе процессов – урбанизации, индустриализации и т.д.

Необходимо также учитывать, что доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от моря, а в плане торговли это приводило к росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда [29, с. 593].

Определенное воздействие на экономику и динамику социальных отношений оказывали суровые природно-климатические условия страны (холодный, засушливый континентальный климат), малоблагоприятные для ведения сельского хозяйства, сезонного и находившегося в сильной зависимости от климатических колебаний [30].

В-третьих, пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. С одной стороны, Россия характеризовалась меньшим разнообразием природно-климатических условий по сравнению с Западной Европой, четкой, широко скроенной сферой «флагообразного» расположения географических зон, «континентальностью», т.е. целостностью и неразбросанностью приобретенной территории. С другой же стороны, колоссальная территория России, ее природная вариативность, сложный исторический характер формирования странового пространства, существенная роль миграций, колонизации, смешения и чересполосного расселения народов в складывании этносоциальной структуры предопределили становление достаточно сложного территориального каркаса. Исторически складывавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения (наиболее важными из которых являлись северный, восточный и южный) регионы различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-словными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Неоднородность странового пространства обуславливает субстрановую вариативность модернизационных процессов. Необходимость исследования модернизации на региональном (субстрановом) уровне обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика).

Региональные и субрегиональные общности могут по-разному вести себя в общестрановом модернизационном контексте – выступать региональным фактором модернизации (например, Москва, Петербург, Урал в Российской империи XVIII в.) или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов (например, Юг в Италии или центральные и южные области в Испании XIX в.). Естественно, складывающиеся в ходе модернизации пространственные конфигурации не остаются неизменными. Тот же Урал, бывший территориальным фактором ранней protoиндустриальной модернизации, в значительной степени растерял ко второй половине XIX в. свой трансформационный потенциал, уступив лидерство в сфере металлургического производства более динамично развивавшемуся Югу (что не отрицает возможности начала в первых десятилетиях XX в. новой масштабной модернизации уральской металлургической промышленности [31, с. 447–502]).

Вообще, необходимо иметь в виду, что в тех ситуациях, когда модернизация исторически запаздывала, проводилась как вынужденная, она могла усилить фрагментарность общества, способствовать не нивелировке (социокультурной, региональной, хозяйственной – естественный модернизационный процесс), но, напротив, росту социальной асимметрии. На данное обстоятельство применительно к истории Российской империи обратил внимание историк Б.Н. Миронов [32]. Асимметрия может нарастать и в рамках субстратных регионов. С очевидностью подобный процесс можно наблюдать на примере Урала в XVIII–XIX вв. Импульсы модернизации Урал, как регион, ощутил с начала XVIII в. – времени активной промышленной колонизации края. Protoиндустриальная модернизация XVIII в. сопровождалась интенсивной диффузией западноевропейского опыта – организационно-технологического, культурного, даже буквальным переселением на Урал приглашавшихся для работы иноземных специалистов [33]. Конгломератный характер модернизации резюмировался созданием промышленных анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией [34]. Анклавно-конгломератность составляла суть самой модернизации, поскольку в ее процессе широко применялись традиционные институты и социальные технологии – в частности, внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные привилегии и монополии для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными ресурсами.

ФРОНТИРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Особый интерес для изучения представляют регионы, в которых модернизация осуществлялась в условиях незавершенного освоения. Такие ситуации были характерны для стран фронта, которые продолжали осваиваться в модерную эпоху. К их числу

можно отнести Россию, США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Сама концепция фронта, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр. Дж. Тёрнером, стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в истории которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток» [35; 36; 37; 38; 39; 40].

Восточные регионы России, Урал и Сибирь, в основном включенные в состав страны к концу XVII в., могут рассматриваться в качестве варианта фронтальной модернизации в XVIII – начале XX в. Они продолжали осваиваться в эпоху модернизации. Что касается Сибири, то в XVIII–XIX вв. продолжался процесс присоединения и закрепления территорий на юге региона, а также на Дальнем Востоке; продолжалась нарастающими темпами аграрная колонизация. Крупное заводское строительство (промышленная колонизация), развернувшееся на Урале, а затем и на юге Западной Сибири, на Алтае, в первой половине XVIII в., ускорило перемещение сюда новых контингентов населения с различных территорий.

Признаком фронтальности являлась заметная милитаризация восточных регионов, проявлявшаяся в размещении здесь фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований, в установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник).

Повышенная роль в контексте фронтальной модернизации принадлежит транспортному фактору. Хорошо известно, какое значение для индустриализации и интеграции стран имело железнодорожное строительство в США и Канаде в XIX в. Железные дороги также ускорили освоение Урала, Сибири и Дальнего Востока, стимулировали развитие промышленности, сельского хозяйства, рост городов [41; 42; 43].

Естественное следствие пограничности восточных регионов, продолжения на их территории освоенческих процессов, межэтнической миксации, а также множества социально-сословных, этноконфессиональных, профессиональных групп создавали конгломератный региональный ландшафт.

Итак, к числу особенностей развития восточных регионов России на протяжении XVIII–XIX вв. можно отнести большую подвижность населения, сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особую роль военного элемента. Включение еще недостаточно освоенных регионов в модернизационные процессы способствовало усилению их гетерогенности в социальном, экономическом и культурном отношениях, причудливому переплетению традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры.

Все сказанное означает, что процессы модернизации нельзя исследовать, абстрагируясь от простран-

ственных характеристик, исходя из гипотетического представления о гомогенности пространства. Напротив, следует учитывать территориальную неравномерность распространения волн модернизации, региональные особенности разворачивающихся модернизационных субпроцессов, таких как индустриализация, урбанизация, бюрократизация, профессионализация, складывание своеобразной региональной структуры модернизации, включающей пространственные центры и периферию развития, наконец, региональные взаимодействия в контексте модернизации, сопровождающиеся как модернизационными импульсами со стороны более продвинутых регионов, так и реакции периферии, способными адаптировать или гасить подобные импульсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y., 1975.
2. Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York; London, 1965.
3. Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966.
4. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
5. Gershenkron A. Economic backwardness in historical perspective. Cambridge, Mass., 1962.
6. Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Время мира. Альманах. Новосибирск, 2001. Вып. 2: Структуры истории. С. 345–354.
7. Элиас Н. О процессе цивилизации. М.; СПб., 2001. Т. 1–2.
8. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. М., 2002.
9. Региональное развитие в контексте модернизации / Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Екатеринбург; Лувен, 1997.
10. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115–142.
11. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. М., 2002, 2003, 2004.
12. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. М., 1992. Т. 3.
13. Fornas J. Cultural Theory and Late Modernity. L., 1995.
14. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры. М., 2003.
15. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
16. Побережников И.В. Эволюционизм, неэволюционизм и модернизационная парадигма // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: Материалы Всерос. науч. конф., посв. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 577–581.
17. Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002.
18. Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации: Историческо-философские очерки. М., 1997.
19. Ионов И.Н. Российская цивилизация и ее парадоксы // История России: Теоретические проблемы. М., 2002. Вып. 1. С. 139–150.
20. Ионов И.Н. Парадоксы российской цивилизации (По следам одной научной дискуссии) // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 115–116.
21. Рашковский Е. Целостность и многоединство российской цивилизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 63–70.
22. Семенкова Л.И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России: Теоретические проблемы. М., 2002. Вып. 1. С. 28–45.
23. Стрелецкий В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001. С. 10–38.
24. Флиер А. Цивилизация и субцивилизация в России // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 70–83.
25. Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопр. истории. 2005. № 7. С. 153–165.
26. Шемякин Я.Г. Типы междивизиационного взаимодействия в «пограничных» цивилизациях: Россия и Иberoамерика в сравнительно-исторической перспективе // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1. С. 191–221.
27. Шемякин Я.Г. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций (Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении) // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 96–114.
28. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.
29. Нольте Г.-Г. Западная и Восточная Европа перед лицом глобализации // Экономическая теория на пороге XXI века. – 7: Глобальная экономика. М., 2003. С. 589–611.
30. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М., 1998.
31. Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.
32. Миронов Б.Н. Россия и Запад в XVIII – начале XX в. // Нестор № 11: Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб, 2007. С. 25–29.
33. Алексеева Е.В. Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2009. С. 46–54.
34. Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000.
35. Кук Р. Граница и метрополия: опыт Канады. М., 1970.
36. Кушнер Г. Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. М., 1993. С. 136–151.
37. Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001.
38. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
39. Тёрнер Ф. Дж. Фронт в американской истории. М., 2009.
40. Шейд У. Дж. Не только граница: значение Фредерика Джексона Тернера для исследования ранней республики // Американский ежегодник, 2002. М., 2004. С. 9–32.
41. Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 66–73.
42. Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005.
43. Супоницкая И. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010.

УДК 94(57)

А.И. ТИМОШЕНКО

СОВЕТСКАЯ МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ*

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
timoshenkoai@ngs.ru

В статье показана значимость исторического изучения опыта мобилизационных решений в хозяйственном освоении Сибири в советский период. Рассматриваются возможные направления исследования, общее состояние изученности темы в отечественной и зарубежной историографии.

Ключевые слова: государственная политика, мобилизация, хозяйственное освоение.

Освоение Сибири россиянами, начиная с походов легендарного Ермака, носило мобилизационный характер. Оно, как правило, инициировалось государством, происходило по его заданию и согласию. Соответственно определялись цели и механизмы продвижения, рассматривались вопросы обеспечения ресурсами, которые концентрировались в рамках избранного стратегического направления. И мировой опыт показывает, что освоение новых территорий было результативным тогда, когда использовались мобилизационные методы.

Государство, начиная с конца XVI в., в процессе колонизации региона применяло преимущественно мобилизационные меры для решения своих проблем. Как считает академик В.В. Алексеев, на протяжении столетий менялись причины и следствия освоенческих процессов, а также средства и способы достижения целей, направления деятельности общества и власти по их реализации, но в то же время проявлялись некоторые общие закономерности, как позитивные, так и негативные. В целом освоение Сибири прошло трудный и долгий путь от промыслово-аграрного к преимущественно индустриальному типу развития. Этот опыт весьма поучителен, и его не следует забывать в современной и будущей социальной практике и не только в Сибири, но и в других вновь осваиваемых регионах мира [1, с. 231–232].

Модель хозяйственного освоения Сибири может служить примером мобилизационных решений государства в освоении новых территорий, которые наиболее ярко проявились в советский период. Потребность мобилизации совпала с необходимостью ускоренных модернизационных преобразований в регио-

не, главным содержанием которых были индустриализация и урбанизация. Исторический опыт в этом отношении имеет не только российскую, но и мировую значимость, определяющуюся необходимостью наиболее полного и объемного изучения проблем обживания новых территорий, особенно с точки зрения созидательной деятельности человека, его адаптации к непривычным условиям жизни и труда.

Под мобилизационной моделью хозяйственного освоения новой территории следует понимать некий план, стратегическую схему мероприятий, направленных к единой цели. Мобилизация в этом смысле может быть оценена как способ решения крупных социально-экономических и геополитических проблем на новых территориях, когда поставлена цель, определены механизмы и методы ее достижения, сконцентрированы ресурсы и усилия для обеспечения намеченных задач. Объективная оценка исторического опыта государственных мобилизационных решений и их результатов в хозяйственном освоении Сибири востребованы не только в плане пополнения научного знания, но и для потребностей современной практики управления, нуждающейся в обеспечении наиболее адекватного вызова времени, когда происходит переход от преимущественно мобилизационного общества к инновационному, как новой ступени цивилизационного развития.

Само понятие «мобилизация» широко используется в современной гуманитарной сфере. Прежде всего оно помогает объяснять как социальные, так и экономические проблемы модернизации. Представители различных обществоведческих наук могут наделять его разным содержанием. С исторической точки зрения, понятие мобилизационной модели хозяйственного освоения Сибири рассматривается как стратегически направленный процесс, способствующий активи-

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 11-01-00504а.

зации деятельности людей в решении определенного рода задач в целях ускорения, иногда в чрезвычайном режиме. При этом мобилизация предполагает одновременно и концентрацию сил и средств для достижения намеченных целей, и разработку механизмов и способов их применения.

После окончания Первой мировой войны в политике и практике экономического развития многих стран проявились тенденции мобилизационного порядка. Их противостояние в условиях конкуренции и раздела мирового пространства еще более усилилось в связи с объявлением СССР войны капитализму. Формировались противоречия не только между государствами, но и двумя общественными системами, которые в любое время могли привести к новой мировой войне. В этих условиях наблюдалось перенесение принципов военной организации в самые различные сферы общественной жизни, в которой происходила плановая подготовка военной экономики и вооруженных сил, социальная мобилизация на усиление военной мощи государства, что требовало перестройки хозяйства и управления на военный лад.

СССР к концу 1920-х гг. присоединился к этой всеобщей стратегии мобилизационного развития. В стране была создана система мобилизационного планирования, которая все общественно значимые цели рассматривала как чрезвычайные и требующие мобилизационных решений на пути их достижения. В сочетании с коммунистической идеологией, противостоянием всему остальному миру мобилизация рассматривалась как единственно возможное средство для успешного общественного развития, как историческая необходимость в борьбе за победу над капиталистической системой. Поэтому неизбежной считалась концентрация всех экономических и социальных ресурсов для достижения этой главной цели. Объектом мобилизационного планирования становились не только вооруженные силы и военная промышленность, но и практически все области жизни общества [2].

По отношению к Сибири мобилизационная модель хозяйственного освоения должна была учитывать организацию в регионе военно-стратегического и экономического тыла государства. Эта идея стала рассматриваться на рубеже XIX–XX вв., когда началось постепенное движение экономической и политической жизни страны в сторону восточных регионов. Сибирь представляла значительный интерес в силу своего геополитического положения. Здесь был обозначен географический центр России, равноудаленный как от западных, так и восточных рубежей. Кроме того, обилие природных богатств сибирского края делало регион мощным экономическим резервом государства в случае конфликтов, как на западе, так и на востоке.

Идея создания «сибирского тыла» незримо присутствовала при разработке стратегических планов правительства под руководством С.Ю. Витте. Отметим, что и последующие составы российских правительств, рассматривая вопросы о заселении Сибири, об освоении русскими ее безбрежных пространств, так

или иначе имели в виду создание в регионе достаточного крупного экономического потенциала, который можно было бы использовать в случае войны в любом географическом направлении. Советское правительство к идее создания «сибирского тыла» вернулось в конце 1920-х гг. в рамках разработки планов индустриализации Сибири. Особый интерес вызывала Западная Сибирь как глубокий тыловой район – по планам первых пятилеток уже к концу 1930-х гг. здесь должна быть создана развитая транспортная и промышленная инфраструктура, сосредоточены необходимые природные, социальные и экономические ресурсы для создания здесь военно-оборонных производств [3, с. 202–203].

Таким образом, советский политический режим с самого начала можно считать мобилизационным. Основные его принципы и методы управления общественными процессами родились в чрезвычайных обстоятельствах Гражданской войны и послевоенного восстановления. Со стабилизацией ситуации в стране чрезвычайные меры в решении социально-экономических и политических проблем сохранялись. Руководство СССР продолжало рассматривать их как наиболее эффективные, в том числе и в Сибири, с ее слабой заселенностью, малой освоенностью в экономическом отношении и, кроме всего прочего, с суровыми природно-климатическими условиями.

В начале XX в. в Сибири произошли существенные сдвиги в социально-экономическом развитии. В результате активного транспортного строительства при поддержке государства, организации системы государственного переселения здесь наметился значительный рост экономического потенциала, что в целом способствовало эффективному хозяйственному освоению региона. Советское правительство сохранило преемственность данной политики. В 1920-е гг. широко обсуждались различные варианты, предлагались модели использования сибирских природных богатств и развития производительных сил Сибири в интересах всего народнохозяйственного комплекса страны. В результате сформировалась стратегия мобилизационных решений, которая была обозначена в перспективных планах и директивных документах государства, где признавалось, что только мобилизационными способами в исторически короткие сроки можно заселить и хозяйственно освоить обширный сибирский регион, повысить его значимость в экономическом и социально-политическом развитии страны.

Разработка мобилизационной стратегии позволила в 1930-е гг. приступить к индустриализации сибирского региона, организовать в ее интересах государственное налогообложение и хлебозаготовительную кампанию, провести насильственную коллективизацию – как один из способов проведения в жизнь мобилизационных решений. Мобилизационный режим смог обеспечить эффективность модернизационных преобразований в экономическом развитии Сибири. Результаты их в предвоенные годы привели к формированию здесь основ военно-оборонной промышлен-

ности, которая получила свое дальнейшее развитие в годы Великой Отечественной войны. Мобилизационные мероприятия государства способствовали в целом созданию в регионе надежного тылового района, обеспечившего в значительной степени Победу СССР в Великой Отечественной и Второй мировой войнах. Мобилизационный характер государственной политики в хозяйственном развитии Сибири, тотальная концентрация в военной промышленности всех материально-финансовых, трудовых и прочих ресурсов региона не только смогли обеспечить фронт всем необходимым, но и способствовали значительному росту экономического потенциала региона, который сыграл свою роль уже в послевоенный период.

Советская мобилизационная модель оказалась наиболее адекватной формой перехода от преимущественно аграрного традиционного общества к индустриально-урбанистическому. Централизованно-плановые управленческие решения, основывающиеся на общегосударственной собственности на средства производства, в сочетании с социальной мобилизацией привели к впечатляющим результатам. В короткий исторический срок, буквально при жизни одного поколения людей СССР превратился во вторую в мире по экономической и военной мощи сверхдержаву.

В 1950–1980-е гг. мобилизационный характер государственных решений по отношению к хозяйственному освоению Сибири сохранялся. Регион продолжал развиваться как тыловой район страны в условиях «холодной» войны и сохранения военной угрозы извне. Складывавшиеся внешнеполитические и внутренние обстоятельства также требовали мобилизационных решений, но они реализовывались уже на новых научно-технических и организационно-политических принципах общественного развития. В стратегии хозяйственного освоения Сибири происходил постепенный переход от жестких и принудительных методов к относительно добровольным, хотя мобилизационный характер принятия конкретных решений сохранялся. В главных политических установках по поводу социально-экономического развития СССР в этот период важное место отводилось реализации в Сибири комплексных программ, имеющих основополагающее значение для перспективного развития всего народнохозяйственного комплекса СССР.

Научная актуальность и общественная значимость исследования процессов, связанных с теорией и практикой мобилизационных решений в советской государственной политике хозяйственного освоения сибирского региона, определяется необходимостью наиболее полного ретроспективного освещения реальной роли государства в историческом процессе. В России государственное управление традиционно определяло основные параметры развития всех регионов страны, играло главную мобилизующую роль, которая особенно возрастала в чрезвычайных и кризисных ситуациях. В советский период мобилизационная модель в хозяйственном освоении Сибири была принята без вариантов.

Проблемы государственных мобилизационных решений недостаточно освещались в работах советских историков, так как они не считались основным содержанием деятельности государственной системы управления. Акцент делался на мобилизациях военного времени и послевоенного восстановления. По мнению многих авторов, мобилизации в советском государстве имели место лишь в чрезвычайных обстоятельствах, когда их требовали сложившиеся объективно тяжелые условия военного и послевоенного времени.

В современной отечественной историографии проблема мобилизационных решений в советской государственной политике стала активнее изучаться в последние десятилетия, когда появилась возможность осмысления многих сложных исторических явлений без каких-либо идеологических и политических ограничений. Оценки советского общества как мобилизационного появились в трудах А.Г. Вишневого, В.В. Седова, А.Г. Фомотова, А.С. Сенявского и др. Стали изучаться причины и механизмы формирования мобилизационной экономики в СССР как способа модернизационных решений, связанных одновременно как факторами внутреннего социально-экономического развития, так и вызовами внешнеполитической ситуации. Отмечено, что идеологическая мобилизация являлась постоянным и неизменным спутником общественных процессов в СССР.

Многими авторами формирование советской мобилизационной системы трактуется как необходимое условие промышленного преобразования страны для обеспечения технико-экономической независимости СССР в сложных внешнеполитических условиях. Поэтому приоритетным направлением в мобилизационных решениях являлось развитие индустриальных отраслей экономики и, в частности, связанных с военно-оборонной промышленностью. Сибирскому региону уделялось значительное место в государственной стратегии сдвига производительных сил страны в сторону богатых природными ресурсами восточных районов. Вместе с тем, сибирская специфика в советской мобилизационной политике практически не изучалась. Только в последние годы появился ряд конкретно-исторических работ, посвященных применению принудительного труда в хозяйственном освоении региона, социально-трудовым мобилизациям в годы первых пятилеток.

В зарубежной литературе определенные заделы сделаны в направлении изучения мобилизационного типа экономического развития и его роли в формировании материальной культуры вообще. Мобилизационный этап общественного развития сопоставляется с инновационным, которые различные страны развивали в соответствии со своими историческими традициями. Эти суждения можно найти в трудах обществоведов М. Вебера, В. Зомбарта, П. Блау и др. Западные историки традиционно рассматривали советское общество как мобилизационное. Характер мобилизационного развития, по их мнению, особенно проявлялся

в освоении новых районов Сибири, где строились гигантские предприятия, возводились новые города и городские поселения с современной производственной и социальной инфраструктурой. Зарубежные авторы, как правило, отмечали высокую социальную цену хозяйственного освоения региона. Однако их заявления не подтверждались часто фактологическим материалом. Недостаток исторических источников не мог не отразиться на обоснованности и достоверности выводов зарубежных ученых.

В целом обозначенная тема нуждается в глубоком историческом изучении. Необходимо выяснить, как формировалась советская мобилизационная модель хозяйственного освоения Сибири, в какой степени применялись здесь мобилизационные методы, какие использовались формы, какова была их социальная оправданность. Задача исследователей, на наш взгляд, должна состоять в анализе самых различных направлений стратегии и практики хозяйственного освоения региона, поэтапного его развития, конкретного содержания и состава мероприятий, проводимых с целью оживления региона в тот или иной исторический период.

Историкам предстоит рассмотреть этапы формирования советской мобилизационной стратегии, методы выстраивания системы тотального планирования и директивного управления, способы укрепления вертикали власти, а также определить роль объективных и субъективных факторов, оказавших наибольшее как положительное, так и отрицательное влияние на процессы хозяйственного освоения сибирского региона. В связи с этим важно оценить роль и эффективность мобилизационных решений в хозяйственном освоении Сибири, проследить их хронологическую динамику и особенности формирования, а также эффективность с точки зрения выявления возможностей для использования исторического опыта в современных условиях. Необходимо показать, что государственная мобилизационная политика по отношению к Сибири развивалась постепенно как стадийный процесс и была напрямую связана с общими для страны политическими решениями. Вместе с тем, социально-политические и экономические процессы в Сибири имели свою специфику. Они коренным образом изменили облик региона в XX в. Из отдаленной и малоосвоенной в экономическом отношении российской окраины Сибирь превратилась в район высокой степени индустриализации и урбанизации. Данный подход позволит проанализировать и оценить не только технологии формирования и разработки политических идей и решений, но и их исполнения, а также реакции исполнителей и субъектов мобилизационных решений на политику государства.

Таким образом, проблемы изучения советской мобилизационной модели хозяйственного освоения Сибири можно разделить на три группы. Первая из них должна представлять процесс разработки и формиро-

вания модели под влиянием различных факторов объективного и субъективного порядка. Вторая группа обозначит механизмы и способы ее практической реализации. Третья группа проблем касается анализа экономических и социальных результатов, особенностей формирования в регионе индустриально-урбанистического общества.

Задача исследователей уйти от преимущественно критического отношения к результатам мобилизационной деятельности советского правительства, дать им всестороннюю оценку, учитывая вызовы исторического времени. С этих позиций появится возможность объективно показать государственную мобилизационную систему СССР и в ее рамках модель хозяйственного освоения Сибири как региона, богатого природными ресурсами и возможностями и в то же время находящегося в неблагоприятных климатических условиях по сравнению с другими территориями страны.

Необходимо проанализировать специфику сибирской мобилизационной модели, включающей систему не только производственно-экономической, но и социальной мобилизации, что проявлялось на всех уровнях политического и экономического управления, в трудовых коллективах, в отношениях отдельных участников событий. В мобилизационных целях в Сибири применялись не только общие для страны агитационно-пропагандистские и идеологические мероприятия, но и специфические: например, патриотические призывы молодежи на целину, в северные районы нового хозяйственного освоения и т.п.

Оценивая результаты реализации советской мобилизационной модели хозяйственного освоения Сибири, необходимо обратить внимание и на противоречия ее функционирования. С одной стороны, проявлялся массовый трудовой и политический энтузиазм населения, а с другой – присутствовало в различных формах социальное принуждение и даже откровенное насилие со стороны государственного политического управления. В этой связи весьма сложным представляется вопрос об оценке эффективности мобилизационной модели хозяйственного освоения Сибири. Она может оцениваться по высоким результатам экономического развития, которое имело более высокие темпы, чем в целом по стране. Вместе с тем социальное развитие региона постоянно носило «догоняющий» характер и не может оцениваться столь однозначно. Исторический опыт в этом отношении многогранен и нуждается в глубоком изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004.
2. Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политическое решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). СПб., 2002.
3. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке. Концепции и решения. Новосибирск, 2007.

УДК 94(47).084.6

А.А. НИКОЛАЕВ

ЧИСТКА РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА ЦЕНТРОСОЮЗА В 1930 г.: ЦЕЛИ И СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: agronicol@gmail.com

В статье на основе материалов по чистке кооперативного аппарата в 1930 г. анализируется руководящий состав Центросоюза и кадры, попавшие в поле зрения контрольных государственных органов. Делается вывод о том, что в управляющих кооперативных организациях имела сильная прослойка руководящих кадров, ориентированных на рыночные методы хозяйственно-заготовительной и производственной деятельности. Их высокая квалификация, прежде всего, и отсутствие весомого компромата политического свойства обусловили сохранение стабильных управленческих должностей на важнейших участках хозяйственно-кооперативной работы. Только в конце 1920-х гг., когда был взят курс на установление системы жесткого централизованного планирования и отказ от рыночных методов работы, кооператоры с дореволюционным стажем работы оказались не только не нужны, но и опасны для выполнения государственных программ. Приоритетными методами хозяйственно-кооперативной работы становились не торговля и закупки сельскохозяйственной продукции, а плановые заготовки и карточно-фондовое распределение товаров.

Ключевые слова: потребительская кооперация, Центросоюз, Сибкрайсоюз, чистка кооперативного аппарата, частный капитал.

Кооперация в России и Сибири в дореволюционный период достигла впечатляющих социально-экономических результатов. Важную роль в определении позитивного тренда развития сыграли образованные и квалифицированные кадры, преданные кооперативным принципам и ценностям. В годы Гражданской войны и после ее окончания многие из них эмигрировали, а оставшиеся подверглись репрессиям или были перемещены на второстепенную управленческую работу, так как их взгляды противоречили новой кооперативной доктрине большевистского руководства. В Сибири первая массовая замена опытных кооперативных кадров на новых советских выдвиженцев началась в конце 1919 г. и завершилась в начале 1921 г. Многие кооператоры, получившие в официальной пропаганде ярлык «буржуазных», были арестованы органами ВЧК по подозрению в сотрудничестве с белыми или обвинялись в попытках организовать продажу товаров по спекулятивным ценам. Массовые аресты грозили полной дезорганизацией торгово-заготовительной деятельности. Поэтому после вмешательства центрального руководства аресты прекратились, некоторые кооперативные руководители вернулись на руководящие должности. Так, И.А. Козловский, председатель правления Союза приалтайских кооперативов в 1917–1920 гг., арестованный органами ВЧК и содержавшийся в течение нескольких недель под арестом, был освобожден и работал в дальнейшем членом правления Сибмаслосоюза. Но основная часть руководящего состава в кооперативных союзах Сибири –

председателей, членов правлений и ревизионных комиссий – была заменена к середине 1920-х гг. [1, с. 88–91; 2, с. 33–40].

Проследить профессиональную карьеру отдельных членов правления Закупсбыта, оставшихся в Сибири после революции, оказалось возможным только по отрывочным архивным документам. В музее истории Новосибирского облпотребсоюза удалось обнаружить автобиографию В.Н. Остальцева – первого председателя правления Закупсбыта. В документе, заполненном им лично от руки в декабре 1925 г., сообщалось, что в 1921–1924 гг. он находился в заграничной командировке с целью изучения зарубежных рынков, а затем работал в Московской конторе Сибкрайсоюза сначала в качестве помощника управляющего, а затем члена правления. Во второй половине 1925 г. переехал в Новониколаевск для работы в правлении Сибкрайсоюза по торговому отделу [3, с. 60]. Дальнейшая судьба этого выдающегося организатора потребительской кооперации оставалась неизвестной. Выявленные в архивах документы показывают, что профессионалы высшей категории, к которым относился В.Н. Остальцев, члены правления Закупсбыта К.Г. Петунин, П.И. Швейцер и другие находились на управленческих должностях в системе Центросоюза вплоть до весны 1930 г., когда они подверглись чистке – кампании, инициированной ЦК ВКП(б) и направленной против кооперативного аппарата.

Центральная комиссия по чистке советского аппарата была образована в соответствии с решениями

XVI конференции ВКП(б), состоявшейся 23–29 апреля 1929 г. Уже 2 июня 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли специальное постановление и утвердили соответствующую инструкцию, разработанную Наркоматом Рабоче-крестьянской инспекции. Свою работу комиссия осуществляла через специально созданные рабочие бригады, включавшие в свой состав представителей администрации, общественности и рабочих с предприятий. На местах для проведения чисток наркоматами РКИ союзных и автономных республик, областными, краевыми и окружными РКИ были созданы специальные комиссии под председательством ответственных работников РКИ. Основными целями чистки аппарата провозглашались выявление и удаление из кадрового корпуса «классово чуждых и бюрократических элементов», перестройка управления в соответствии с новыми задачами социалистического строительства. Под эти цели с помощью органов ОГПУ собирались анкетные данные о руководящем составе кооперативных работников, а комиссия по чистке подбирала компрометирующий материал о провалах в хозяйственной работе. Чистки проводились с апреля 1929 г. до середины 1931 г. 15 июля 1932 г. решением ЦКК – НК РКИ комиссии были упразднены.

Документы фонда «Центральной комиссии по чистке советского аппарата НК РКИ» (Ф. Р-8341 за 1926–1932 гг.) Государственного архива Российской Федерации, которые до сих пор использованы исследователями в незначительной степени, содержат богатейшую информацию о социально-политической обстановке в стране. Они позволяют раскрыть механизмы реализации государственной политики, показать методы и способы подавления рыночного потенциала российской потребительской кооперации.

Документы фонда содержат три группы источников:

- руководящего характера: постановления, циркулярные письма, выписки из протоколов, инструкции по проверке и чистке советского аппарата, исходящие от ЦК ВКП(б), СНК СССР и РСФСР, НК РКИ;
- разнообразные документальные источники, отложившиеся в ходе работы самой комиссии;
- материалы проверок различных учреждений: протоколы, стенограммы заседаний комиссий по чистке, доклады и справки о результатах чистки, переписку. В составе данной группы имеются документы, характеризующие сотрудников и руководителей аппарата управления и деятельность Центросоюза в целом, в том числе московского представительства Сибкрайсоюза за 1930 г.

Докладная записка «Об итогах чистки аппарата Центросоюза» была подготовлена комиссией под председательством Озерского и легла в основу решения Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР¹. В этом обширном документе ключевое значение отводилось характеристике руководящего состава Центросоюза в первую очередь с точки зрения политичес-

кой благонадежности и лояльности по отношению к Советской власти с учетом дореволюционного прошлого. Учитывались и такие существенные критерии, как связь с частными предпринимателями, соответствие практической работы установкам директивных органов, личные моральные качества. Вот несколько характерных примеров, содержащих персональные данные.

П.С. Басов – член правления Центросоюза, в 1929–1930 гг. руководитель Торгстроя (управление торгового строительства). Не выполнил задание по разработке проектов нефтехранилищ. Допустил необоснованную переброску 5 тыс. бочек цемента во Владивосток и 100 вагонов леса в Астрахань. Поощрял частного, передав ему свыше 45 % гужевых перевозок. По социальному происхождению сын кулака, работал до революции в земской управе, в 1917 г. был губернским комиссаром Временного правительства².

Н.В. Некрасов – руководитель Планово-экономического управления Центросоюза РСФСР. Бывший член ЦК кадетской партии (1907–1917 гг.), бывший министр путей сообщения, финансов и заместитель председателя Совета министров четырех составов правительства А.Ф. Керенского. После установления советской власти скрывался, находясь на нелегальном положении. В Центросоюзе с 1922 г. В декабре 1928 г. на заседании правления Центросоюза яростно доказывал, что основные источники накопления средств в потребкооперации за счет рационализации товародвижения и повышения нагрузки на аппарат исчерпаны³.

П.И. Швейцер – в годы Гражданской войны являлся членом правления Закупсбыта, а с восстановлением советской власти – членом коллегии распорядителей Сибирского отделения Центросоюза, в 1930 г. входил в правление Центросоюза. Обладал информацией о заготовках рыбы в Астрахани через частных и пытался доказать комиссии по чистке, что он против сотрудничества кооперации с мелким частным капиталом⁴.

К.Г. Петунин – видный и активный деятель РСДРП (меньшевиков) в 1905–1918 гг., член правления Закупсбыта в 1916–1920 гг., в начале 1920-х гг. являлся членом коллегии распорядителей Сибирского отделения Центросоюза. С 1922 г. член правления Центросоюза. Выдвигал и защищал идею создания самостоятельного финансово-кредитного центра потребительской кооперации – Покобанка, преследуя цель создать замкнутое финансовое обращение в системе потребительской кооперации. Госбанк, по его мнению, мог быть только экзекутором по отношению к потребительской системе. В 1929–1930 гг. работал заведующим финансовым отделом Центросоюза. Выступал в защиту финансовых интересов системы Центросоюза и противодействовал изъятию оборотных средств в государственный бюджет⁵.

Панченко – заведующий группой промтоваров Транспосекции Центросоюза. Сын купца, бывший активный эсер, неоднократно арестовывался советской властью. Нэл он

² Там же. Л. 5, 17.

³ Там же. Л. 13 об., 14.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 9 об., 10 об.

¹ ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 587. Л. 3–23 об.

оценил как начало восстановления капитализма и ушел из кооперации в частную фирму. После возвращения в аппарат Центросоюза сознательно устанавливал завышенные цены на товары своей группы и противодействовал увеличению реальной зарплаты рабочим.

Абрамов – руководитель группы капитального строительства Планово-экономического управления Центросоюза, бывший эсер, активно работавший в своей партии, член II Государственной Думы, член Учредительного собрания. В 1918 г. являлся министром комитета Учредительного собрания в Самаре. Эвакуировался к белым в Сибирь, где работал в кооперации на крупных должностях, несколько раз арестовывался органами ВЧК как активный эсер, был судим. До революции занимался торговлей, имел в Самарской губернии склад сельхозмашин. В планировании капитального строительства проводил теорию затухающей кривой, в соответствие с которой размеры инвестиций в новое строительство по мере освоения объектов должны снижаться⁶.

Столь резкие оценки руководящих кооперативных работников с акцентом на их политическое прошлое носили явно заказной характер. Но из приведенной информации также следует, что практически все перечисленные руководители, в сущности, защищали корпоративные хозяйственные интересы Центросоюза от популистских государственных претензий. Особенно отчетливо это прослеживается по характеристике К.Г. Петунина, выступавшего за создание автономного кооперативного банка потребительской кооперации и против изъятия из системы оборотных средств. Позиция главного кооперативного финансиста всецело диктовалась стремлением защитить экономические интересы Центросоюза, финансово-экономическое положение которого оказалось на грани банкротства. В 1929/30 г. потребительская кооперация по решению правительства должна была изъять из оборота 500 млн руб. на нужды индустриализации, в то время как на март 1930 г. неплатежи государственной промышленности и Госбанку составили 275 млн руб. Финансовое напряжение неумолимо нарастало под давлением фискальных устремлений государства и отсутствием у пайщиков достаточных средств для уплаты паевых взносов, вкладов и авансов. Намеченные размеры изъятий, по мнению К.Г. Петунина, были не выполнимы. В письме, разосланном на места 24 октября 1929 г. он сообщал, что в случае выполнения намеченной правительственной программы Центросоюз потеряет как по линии кредита, так и за счет дополнительных отчислений в бюджет сумму в нескольких сотен миллионов рублей. В своем докладе на заседании правления Госбанка 5 марта 1930 г. он сообщал, что Центросоюз 9 и 10 февраля ставил вопрос о переоценке возможностей потребительской кооперации, которая нуждается в финансовой помощи⁷.

Стиль и методы проведения чистки, отрыв работников от выполнения должностных обязанностей, кри-

тика компетентных руководителей вызывали неоднозначную реакцию со стороны партийно-профсоюзного актива Центросоюза. В докладной записке отмечалось, что в ряде организаций местный актив встал на сторону проверяемых. Деятельность тех, кто пытался противодействовать работе комиссии, квалифицировалась как скрытое сопротивление, стремление замазать провалы, вскрытые рабочими бригадами. Под давлением партийных функционеров многие местные активисты вынуждены были изменить свое отношение к начальству с положительного на отрицательное. «Лишь после того, как комиссия по чистке в процессе своей работы со всей решительностью ударила по враждебным и гнилым элементам в аппарате, – говорилось в документе, – среди служащих произошло расслоение, в результате чего лучшая часть служащих во главе с новым руководством месткома переклонила на активную действенную помощь рабочим бригадам и комиссиям по чистке. Однако часть аппарата, в том числе и ряд партийцев, продолжали проявлять к чистке нетерпимое отношение, частично мешали чистке, брюзжали, окрыляя тем самым бюрократические элементы аппарата»⁸. Руководители партийной ячейки Центросоюза Белов и Хохлов выступали против «жестких методов» чистки. А правление и ревизионная комиссия Центросоюза дистанцировались от проводимой кампании и не представили рабочим бригадам никаких компрометирующих материалов.

Чтобы полностью дискредитировать хозяйственную работу Центросоюза, а затем направить ее в русло приоритетных задач строительства социализма, была проведена обширная работа по выявлению недостатков и предъявлены конкретные претензии руководителям основных подразделений. В условиях проведения революционной ломки общественных отношений конца 1920-х – начала 1930-х гг. поиск компрометирующих материалов не представлял особой сложности.

Центросоюзу ставилось в вину то, что сеть снабжения лесозаготовок (ларьки, палатки и пекарни) не была своевременно развернута. Пункты товарного снабжения оказались оторванными от непосредственных мест лесозаготовок на 15–20 км, а завоз товаров осуществлялся с перебоями и в несоответствующем ассортименте. Валенки и шубы попали в лесозаготовительные районы только весной. Вместо рукавиц, брюк, фуфаяк, махорки в эти районы направлялись дамские платья, детская одежда, галстуки, одеколон, пудра. Снабжение лесозаготовок плодоовощной продукцией было сорвано, так как заготовка началась только в декабре 1929 г., а отгрузка – в феврале 1930 г. во время сильных морозов в утепленных вагонах, что удорожало стоимость овощей. Остродефицитными оказались на лесозаготовках и макаронные изделия, и консервы. Это было достаточно серьезное обвинение, поскольку снабжение лесозаготовителей приравнива-

⁶ ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 587. Л. 8 об., 9.

⁷ Там же. Л. 9 об.

⁸ Там же. Л. 4.

лось правительством по значению к снабжению хлебозаготовительных районов.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г. принял решение о повышении уровня реальной зарплаты рабочих на 12 % [4, с. 14], но потребительская кооперация, по заключению комиссии, не выполнила данной установки. В бюджетах рабочих и их семей высокой оставалась доля товаров, приобретенных в частной торговле. Потребительская кооперация не смогла организовать собственное производство и рационально распределить товарные ресурсы. Чаще всего ответственные работники и специалисты Центросоюза не понимали сущности партийной директивы, а многие даже не были с ней знакомы. Колоссальный рост цен в сфере частной торговли, особенно коснувшийся продовольственных товаров, привел к срыву планов по повышению реальной зарплаты. Руководство Центросоюза и Церабкоопы не развернули строительство пригородных подсобных хозяйств, не обеспечили своевременно снабжение семенами, орудиями труда, агрономическим обслуживанием посевную кампанию в огородных хозяйствах. Значительные площади ушли под картофель и кормовые травы вследствие недосева овощей. Не было выполнено задание о постановке на откорм свиней, о создании прудовых хозяйств и увеличении производства рыбной продукции на малых водоемах.

Но самое главное, в основу распределения товаров между городом и деревней закладывался не классовый принцип, а покупательные фонды населения, в результате чего распределение товаров среди рабочих проводилось также на основе общих цифр о численности населения, пайщиков-членов профсоюзов и размерах паевого капитала. Допускались ошибки и в распределении товарных фондов по районам. На новостройки, где до 70 % работников были мужчины, было отправлено большое количество дамского готового платья. При составлении планов централизованного снабжения Церабсекция значительно уменьшила численность рабочих на новостройках; все эти недостатки вызвали отток рабочей силы и увольнение рабочих.

Что касается обслуживания колхозов и совхозов, то Центросоюзу в вину ставилось отсутствие планов по развертыванию сети торговых пунктов в районах сплошной коллективизации, недооценка работы по развитию хлебопечения и общественного питания, созданию специальных фондов с целью снабжения коллективного сектора промтоварами и бытового обслуживания колхозников, игнорирование работы с беднотой и батрачеством. Особенно жесткой критике подверглась практика осуществления торговых сделок с частными предпринимателями и, прежде всего, работа Центросоюза и его Астраханской конторы по кредитованию и авансированию рыбопромышленников.

Весной 1928 г. после указаний Наркомторга об ограничении частника в Астрахани астраханская контора завалила Центросоюз письмами, добиваясь отхода данного постановления и создания благоприят-

ных условий для частника. Частник, пользуясь конкуренцией между госорганами и кооперацией, не ограничивался продажей только сельди, а навязывал принудительный ассортимент рыбы, в том числе малосоленую рыбу и сушеную воблю, которые вынужден был закупать рыбный отдел. Частник же кредитовался астраханской конторой Центросоюза на значительные суммы под рыбу-сырец в ущерб собственным промыслам. Причем условия расчета были лучше по сравнению с Госрыбсиндикатом. Договор заключался таким образом, что 50 % выдавали наличными под рыбу, которая еще только попала в чан. При этой комбинации и происходило финансирование рыбных заготовок частника, причем в чанах никто количество не проверял. Под выданные авансы частник разворачивал свою деятельность. В результате планы заготовок рыбы по промыслам Центросоюза в Астрахани выполнялись только наполовину. Незаконные и невыгодные сделки с частником заключались и по другим направлениям хозяйственной работы. Московское представительство Сибкрайсоюза купило у концессионной фирмы «Спартак» недоброкачественных суконных товаров по ценам, превышавшим установленные государственным трестом на 100 %, на сумму до 600 тыс. руб.⁹

Заключение комиссии по чистке аппарата Центросоюза звучало как обвинительный приговор для проверяемых руководителей, не выдержавших испытания на политическую лояльность к властям и профессиональную пригодность.

Проводником линии потворства и особого благопритворения частнику являлись, главным образом, бывшие противники Советской власти и партии (меньшевики, эсеры) – люди, побывавшие у Колчака, и, наконец, политически беспринципные чиновники, лишённые собственной инициативы в хозяйственно-оперативной работе, лжеспециалисты, торгаши и делеги. <...> Обнаруженные в процессе проверки аппарата Центросоюза прорывы на важнейших участках и крупные недочеты в работе в значительной степени объясняются чрезвычайной засоренностью аппарата чуждыми и враждебными элементами, извращающими классовую линию, не понимающими и не способными осуществлять задачи, возложенные на потребкооперацию в условиях реконструктивного периода¹⁰.

Таким образом, в аппарате управления Центросоюза имела достаточно сильная прослойка руководящих кадров, ориентированных на рыночные методы хозяйственно-заготовительной и производственной деятельности, в том числе выходцы из сибирской кооперативной школы управления. Их высокая квалификация, прежде всего, и отсутствие весомого компромата политического свойства обусловили сохранение за ними управленческих должностей на важнейших участках хозяйственно-кооперативной работы. Только в конце 1920-х гг., когда правительством был взят курс на установление системы жесткого централизо-

⁹ ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 587. Л. 5 об.–16.

¹⁰ Там же. Л. 16.

ванного планирования и отказ от рыночных методов работы, опыт старых кооператоров оказался не только не нужным, но и опасным для выполнения новых государственных программ. Приоритетными методами хозяйственно-кооперативной работы становились не торговля и закупки сельскохозяйственной продукции, а плановые заготовки и карточно-фондовое распределение товаров. Драматизм ситуации обуславливался обострением глубинного противоречия между основными целями и задачами потребительской кооперации по улучшению материального положения своих членов-пайщиков и государственной политикой, ориентированной на изъятие средств у населения с целью модернизации промышленности за счет снижения реальной заработной платы у рабочих, экспроприации мелкой частной собственности в промышлен-

ности, торговле и сельском хозяйстве. В 1931 г. накопленная органами ОГПУ компрометирующая информация стала основанием для уголовного преследования руководящих кооперативных работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев А.А. Репрессии против кооперативных работников Сибири в 1920 г. // Аграрное и демографическое развития Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв. Новосибирск, 1999.
2. Николаев А.А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе. Новосибирск, 2000.
3. Закупсбыт: хронико-документальная летопись первого общесибирского потребительского союза. Новосибирск, 1999.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5: 1929–1932 гг.

УДК 94(47).084.6

В.А. ИЛЬНЫХ

ИТОГИ ВЕСЕННЕЙ ПОСЕВНОЙ КАМПАНИИ 1930 г.: ЦЕНА ФОРСИРОВАННОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ*

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: agro_iwa@mail.ru

В статье предпринят анализ итогов весенней сельскохозяйственной кампании 1930 г. в Сибири, выявлены политические, экономические и природно-климатические факторы, которые привели к существенному сокращению площади посева. Одной из основных задач работы является определение репрезентативных и сопоставимых источников, на базе которых можно достоверно реконструировать динамику посевных площадей в регионе в 1929–1930 гг.

Ключевые слова: аграрная политика, Сибирь, коллективизация, сельское хозяйство, посевные площади, статистические источники.

В конце 1920-х гг. мелкотоварное аграрное производство перестало удовлетворять задачам ускоренной модернизации страны. В связи с этим большевистский режим принял курс на форсированную коллективизацию деревни. 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) решил завершить ее в основном в главных зерновых районах «осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г.», в других зерновых регионах (в том числе в Сибири) – «осенью 1931 или во всяком случае весной 1932 г.» [1, с. 72]. В регионах данный процесс решили еще более ускорить. 2 февраля 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) по инициативе его первого секретаря Р.И. Эйхе выдвинул задачу завершить коллективизацию весной текущего года [2, с. 201]. Начался процесс фактически насильственного объединения крестьян в колхозы. На 20 января 1930 г. в Сибирском крае в колхозах числилось 11 % крестьянских хозяйств, на 1 марта – 49 % [2, с. 291].

Массовое производственное кооперирование уже в 1930 г. должно было привести к существенному приросту объемов сельхозпроизводства. В Сибири посевные площади весной этого года планировалось увеличить на 17,4 %¹. Однако против всех ожиданий большевистских теоретиков и практиков форсированная коллективизация крайне негативно сказалась на состоянии производительных сил сельского хозяйства. Наиболее ощутимо пострадало животноводство. Перед вступлением в колхоз крестьяне распродавали или забивали большую часть принадлежавшего им скота. поголовье крупного рогатого скота в Сибирском крае с октября 1929 г. по март 1930 г. сократилось на 19 %, коров – на 10, овец и коз – на 42, свиней – на 60 %².

Помимо резкого снижения количественных параметров скотоводства ускоренная коллективизация могла привести и к кризису в полеводстве. Семян для проведения весеннего сева не хватало. Спешно созданные

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00246а.

¹ Советская Сибирь. 1930. 10 янв.

² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4095. Л. 121.

Т а б л и ц а 1

Данные о посевных площадях в Сибири в 1929 и 1930 гг.

Вариант	1929 г., тыс. га	1930 г., тыс. га	Сокращение, %
<i>Сибирский край</i>			
Вариант «А»	9381,5	6943,2	26,0
Вариант «Б»	9431,9	7627,0	19,1
<i>Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края</i>			
Вариант «В»	10544	8305	21,2
Вариант «Г»	10 209,6	8616,8	15,6
Вариант «Д»	10 544,4	8616,8	18,3

Источники: Вариант «А» – ГАНУ. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2033. Л. 55; вариант «Б» – Там же. Д. 1853. Л. 76; вариант «В» – Народное хозяйство СССР: Стат. справочник. 1932. М.; Л., 1932. С. 161; вариант «Г» – Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1934. С. 190–191; вариант «Д»: Сельское хозяйство СССР: Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 246–247.

колхозы не были готовы к проведению сева ни организационно, ни технически.

Чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики, руководители советского государства скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были публично дезавуированы. Местные власти не сразу восприняли изменение курса и попытались административными методами воспрепятствовать начавшемуся выходу крестьян из колхозов. В ряде округов были приняты решения о привлечении таких крестьян к уголовной ответственности.

Такой подход не способствовал преодолению политической напряженности в деревне и мог привести к срыву весеннего сева. В связи с этим в Сибирь в качестве уполномоченного Политбюро был направлен секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович, который получил задание положить конец инакомыслию и инакодействию местных функционеров [3].

Помимо политических задач прибывший в Сибирь Л.М. Каганович постоянно занимался решением практических вопросов подготовки к весеннему севу. С его помощью Сибирь получила дополнительные материальные ресурсы: семена, фураж, технику. Несмотря на усилия властей, в полной мере преодолеть последствия форсирования процесса коллективизации в Сибири не удалось. Посевные площади здесь сократились. В архивных источниках и опубликованных статистических сборниках приводятся разные данные о размерах их сокращения (табл. 1). В связи с этим встает задача определения наиболее репрезентативных показателей.

Основным источником определения посевных площадей в 1929 г. во всех представленных в табл. 1 вариантах является проведенная в Сибири в начале лета того же года 10 %-ная выборочная перепись крестьянских хозяйств, которая обрабатывалась в соответствии с принятой в 1920-е гг. методикой. Прежде всего, собранные данные были распространены на всю генеральную совокупность путем умножения средне-статистических параметров обследованных дворохозяйств на их общее количество. Полученные таким

образом показатели должны были затем корректироваться повышательными поправочными коэффициентами, введение которых связывалось с преуменьшением респондентами размеров посевов в своих хозяйствах. Для определения размеров поправок использовались результаты выборочных контрольных обмеров, материалы бюджетных обследований и хлебофуражных балансов [4]. Сведения о посевах в индивидуальном секторе дополнялись данными обследований колхозов и ведомственного учета совхозов.

Определение поправочных коэффициентов занимало длительное время и велось параллельно в региональных статуправлениях и в ЦСУ. При этом поправки, рассчитанные его специалистами, могли отличаться от установленных в регионах.

Первые результаты выборочной сельхозпереписи 1929 г. были обнародованы в Сибири до завершения работы по определению поправочных коэффициентов. Авторы «Контрольных цифр народного хозяйства Сибирского края на 1929–30 г.», «не располагая никакими источниками» для определения поправки на 1929 г., «в экспертном порядке» приняли для этого года поправку, ранее рассчитанную для 1928 г. – 14,5 %³. В начале 1930 г. детальные результаты переписи были опубликованы в официальном региональном статистическом справочнике «Сибирский край», в котором приводились данные о посевах по краю в целом, двум его регионам (Юго-Западной и Северо-Восточной Сибири), всем округам и основным культурам. При этом в справочнике была сохранена принятая как временная поправка для площади посева крестьянских хозяйств в 14,5 %⁴.

Обнародованные в нем сведения воспроизведены в докладной записке крайземуправления об итогах весенней сельскохозяйственной кампании 1930 г. (без учета посевов в городах) (вариант «А») и подготовленном в статсекторе крайплана «Статистико-экономическом обзоре по сельскому хозяйству Сибирского края» за 1929 и 1930 гг. (вариант «Б»).

³ Жизнь Сибири. 1929. № 7–8. С. 31.

⁴ Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 329.

Летом 1930 г. появились первые данные о размерах посевных площадей текущего года. Цифра 6943,2 тыс. га (вариант «А») была получена в рамках оперативного учета, который велся земельными органами. Первичные данные каждые пять дней с 10 мая по 25 июня собирались секретарями сельсоветов и передавались в районные, затем окружные земельные отделы и в конечном итоге поступали в крайземуправление. В конце июня туда из большинства округов поступили итоговые отчеты, на основании которых были получены общекраевые данные⁵.

Специалисты крайземуправления признали итоги своей работы не полными. По их мнению, недостаточная полнота учета объяснялась: *«1) укрытием посевицами фактических размеров сева; 2) малограмотностью и неопытностью секретарей сельсоветов, составляющих сводки по севу; 3) неумением председателей сельсоветов организовать учет таким образом, чтобы отчетность о севе приближалась к действительности; 4) плохими средствами связи с районными центрами и с сельсоветами»*⁶.

Более репрезентативными были признаны результаты работы статсектора крайплана⁷ (вариант «Б»), основанные на обработке проведенного летом 1930 г. 10 %-ного выборочного обследования с использованием *«географии поправок прошлого года»*. Однако в этом году, в отличие от предыдущих опросов, оно было проведено только в 11 округах (*«наиболее значительных»*) из 18. Для определения посевной площади в остальных округах были привлечены материалы учета земорганов, которые были скорректированы поправочными коэффициентами на недоучет, составлявшими для северо-восточной и юго-западной частей региона – 22 и 17 % соответственно⁸.

Летом 1930 г. проводилась перестройка административно-территориального устройства региона. Округа упразднились, а Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. В состав последнего, помимо четырех восточных округов бывшего Сибирского края, вошли территории Сретенского и Читинского округов Дальневосточного края и Бурят-Монгольская АССР. После изменения административного деления специалисты статсектора Западно-Сибирского крайплана пересчитали ранее полученные сведения по краю в целом и отдельным культурам за 1929 и 1930 гг. в новых границах. По их сведения, в территориальных рамках Западно-Сибирского края было засеяно в 1929 г. 8216,9 тыс. га и в 1930 г. – 6409,1 тыс. га⁹ (эти показатели мы обозначаем как вариант «Б-1»).

⁵ По Минусинскому и Хакасскому округам, итоговые отчеты из которых не поступили, в общекраевые данные были включены оперативные сведения на 25 июня (ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2033. Л. 43).

⁶ Там же.

⁷ Эти данные положены в основу справки информационно-статистического сектора Сибкрайкома ВКП(б) «Об итогах сева 1929/30 (озимые и яровые) в Сибкрае» от 6 июля 1930 г. (Там же. Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 80. Л. 91–111).

⁸ Там же. Л. 91.

⁹ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 206. Л. 18.

Аналогичная работа проведена в Восточной Сибири. Ее результаты были опубликованы в «Экономико-статистическом справочнике по Восточно-Сибирскому краю» (вариант «Б-2»). В 1929 г. посевы в целом по краю составляли 1885,5 тыс. га, в 1930 г. – 1770,0 тыс. га, а в рамках той территории, которая ранее входила в Сибирский край, 1233,3 и 1124,9 тыс. га соответственно¹⁰.

Сведения о посевных площадях Сибири за искомые годы были опубликованы в ряде статистических сборников ЦУНХУ (варианты «В», «Г» и «Д»). Применительно к 1929 г. они базируются на полученных из статуправлений Сибирского и Дальневосточного краев, а также Бурят-Монгольской АССР распространенных итогах 10 %-ной выборочной переписи крестьянских хозяйств 1929 г., дополненных материалами по колхозам и совхозам. Специалисты центральных статистических органов, обрабатывавшие поступивший из регионов материал, применили к ним скорректированный поправочный коэффициент. Рассчитанная нами величина поправки на недоучет посевов в крестьянских хозяйствах в территориальных рамках Западно-Сибирского края для вариантов «В» и «Д» составляет 22,8 %.

Естественно, что перед публикацией в указанных сборниках ранее обработанные данные должны были пересчитываться в измененных границах. Однако составители изданного в 1934 г. статистического ежегодника «Социалистическое строительство СССР» (вариант «Г») при его подготовке, по нашим подсчетам, совершили ошибку. В сведениях по Восточно-Сибирскому краю за 1929 г. они не учли посевную площадь на территории Читинского и Сретенского округов, включив ее в данные по Дальневосточному краю¹¹. Применительно к 1930 г. такого рода ошибку они не допустили. Составители двух других статистических сборников были более корректными в своих территориальных пересчетах.

Данные по 1930 г. в вариантах «Б-1» и «Б-2» близки к цифрам, указанным в изданном в 1932 г. сборнике «Народное хозяйство СССР» (вариант «В»). Заметное несовпадение зафиксировано только по озимым посевам. Так, в варианте «В» их площадь на территории Западно-Сибирского края больше, чем в варианте «Б-1», на 19,5 %. Возможно, это произошло потому, что в материалах статсектора крайплана данные по озимым посевам, в отличие от яровых, приведены без поправки на недоучет. Поправочный коэффициент мог быть затем внесен либо перед отправкой в Москву, либо непосредственно в центральных статистических органах.

Разница в сведениях о размерах посевных площадей в 1930 г. между вариантами «Б-1» и «Б-2», с одной стороны, и совпадающими данными, представ-

¹⁰ Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 22, 139.

¹¹ Эта ошибка была воспроизведена в одноименном ежегоднике следующего года (Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегод. М., 1935. С. 339).

Т а б л и ц а 2

Площадь ярового посева в Сибири в 1929 и 1930 гг., тыс. га

Вид посева / культура	Вариант «Б-1», Западно-Сибирский край		Вариант «Б-2», Восточно-Сибирский край	
	1929 г.	1930 г.	1929 г.	1930 г.
Пшеница	4576,1	3521,1	606,5	566,5
Овес	1805,7	979,7	385,3	331,1
Рожь	44,3	33,8	342,2	312,0
Ячмень	137,7	86,6	47,3	59,1
Просо	136,9	440,3	5,0	10,0
Зерновые	7430,8	5738,1	1445,8	1336,7
Лен	206,0	168,1	14,7	16,1
Конопля	92,9	81,0	18,9	17,0
Картофель	170,4	115,3	46,1	48,1
Огородно-бахчевые	83,1	100,7	13,3	18,3
Итого яровых	7594,0	5815,1	1606,3	1495,8

Источники: Вариант «Б-1» – ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 206. Л. 18; вариант «Б-2» – Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 138–139.

ленными в вариантах «Г» и «Д», – с другой, является гораздо более существенной. Особенно велика она по Западно-Сибирскому краю. Так, приведенные в ежегоднике «Социалистическое строительство СССР»¹² данные больше, чем приведенные в варианте «Б-1» по яровой ржи (на 48,2 %), картофелю (на 28,1), озимой ржи (на 25,9), подсолнечнику (на 19,6), ячменю (на 5,3), овсу (на 4,7), площади посева в целом (на 6,6), но меньше по гречихе (на 37,5), просу (на 20,4 %). Незначительной является разница только по пшенице (0,8 %) и льну (1,2 %).

Причины столь значительного несовпадения заключаются в изменении методики обработки поступивших из регионов статистических материалов. Поправочные коэффициенты теперь рассчитывались на основе данных налогового учета и проводимых финансовыми органами выборочных контрольных обмеров. Однако специалисты ЦУНХУ, воспользовавшись новой методикой относительно поступивших к ним данных за 1930 г., не применили ее к данным за 1929 г., что сделало их несопоставимыми.

Таким образом, наиболее репрезентативными источниками для выявления динамики посевных площадей в 1929–1930 г. являются материалы, составляющие варианты «Б», «Б-1», «Б-2» и «В». В них приведены полученные по аналогичной методике данные как за 1929, так и за 1930 г. Однако и в перечисленных вариантах есть аспекты, затрудняющие их использование для определения изменения площади посева. В варианте «В» отсутствуют данные по отдельным культурам. В варианте «Б» нет сведений по ряду округов, а посевы не разделены на озимые и яровые. В вариантах «Б», «Б-1» и «Б-2» размеры озимого посева для 1930 г. приведены без поправок, а ярового – с поправками.

Отмеченная несопоставимость двух последних вариантов применительно к задачам настоящей работы не имеет существенного значения. При подведении итогов весенней посевной кампании посевы озимых культур можно «вывести за скобки». Дело в том, что учитывали озимый посев в год уборки, но проводили осенью предыдущего года. Озимая кампания 1929 г., результаты которой были статистически зафиксированы в рамках следующего года, проходила в иных хозяйственно-политических условиях, нежели весенняя посевная 1930 г.

Основываясь на статистических материалах, которые содержатся в источниках, составляющих варианты «Б-1» и «Б-2», осуществим реконструкцию динамики площади ярового посева в Сибири в 1929–1930 гг. (табл. 2).

Согласно приведенным в табл. 2 данным площадь ярового посева в Сибири в целом, включая Забайкалье, в 1930 г. уменьшилась по сравнению с 1929 г. на 20,5 %, в том числе в территориальных рамках Западно-Сибирского края – на 23,4, Восточно-Сибирского края – на 6,9 %. Снижение общей площади пашни произошло в значительной степени за счет пшеницы и овса (78,9 и 59,8 % от уровня 1929 г. по региону и 76,9 и 54,3 % на западе). Заметно сократились посевы ячменя (62,9 %), картофеля (67,6), льна (81,6) в западной части Сибири, яровой ржи в целом по региону (89,5 %). В то же время в Западно-Сибирском крае увеличилась площадь, занятая огородно-бахчевыми культурами (на 21,2 %), в Восточно-Сибирском крае – огородно-бахчевыми, ячменем и льном (на 37,6, 24,9 и 9,5 % соответственно). Но наиболее существенный прирост был зафиксирован по просу – в 3,2 раза на западе региона и в 2 раза на востоке.

Разница в уровне сокращения посевов между западной и восточной частями региона определялась политическими и природно-климатическими факторами.

¹² Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 339, 347, 350, 352, 354.

В западных округах Сибирского края по сравнению с восточными были максимальные показатели коллективизации и степень обобществления (т.е. отчуждения) крестьянского имущества в колхозах. Многие крестьянские хозяйства, которые вынуждены были вступить в колхозы, а затем из них вышли, понесли невосполнимые потери.

На востоке региона в 1929 г. был собран хороший урожай. Засуха 1929 г. в основных хлебопроизводящих районах Западной Сибири (Славгородском, Рубцовском, Каменском, Барнаульском, Новосибирском и Кузнецком округах)¹³, напротив, привела к неурожаю. В Славгородском округе посевы пшеницы сократились на 43,7 %, овса – на 46,4 %¹⁴. Страховые запасы семян, которые традиционно сохранялись у крестьян этих округов на случай неурожая, были изъяты в ходе предыдущих хлебозаготовительных кампаний. Недостаток семян, явившийся следствием сверхнормативного отчуждения зерна в ходе хлебозаготовок, ощущался не только в недородных округах. Бескормица привела к истощенности тягловой силы.

Однако к сокращению посевных площадей в единоличном секторе экономики привела не только нехватка семян, но и сознательное сокращение крестьянами размеров своего хозяйства до потребительского уровня. К этому их толкала налогово-податная политика государства, угроза раскулачивания. Прочитав приведенное в справке информационно-статистического отдела Сибкрайкома ВКП(б) типичное рассуждение единоличника: «*Сеять – это значит идти на большой риск; тут тебя и окулачат, тут тебе и план до двора доведут и пятикратку, и по миру с сумой пустят. Посею столько, лишь бы хватило семье*»¹⁵.

Поэтому больше всего пострадали наиболее товарные культуры – пшеница и овес. На ситуацию с овсом также повлияло сокращение поголовья рабочего скота. В Восточной Сибири товарность данных культур и растениеводства в целом была меньшей, чем в юго-западной части региона. Меньшим оказалось и их сокращение. Товарные культуры замещались потребительскими. Именно это стало причиной взрывного прироста посевов проса, а также наращивания посадок огородных культур. На западе Сибири часть выращенного льна, картофеля и ячменя поставлялась на перерабатывающие предприятия, на востоке они практически полностью выращивались для собственных нужд. Расширение посевов льна в восточных округах было призвано компенсировать обострившийся дефицит тканей.

Следует отметить, что свою лепту в наращивание посевов проса внесли власти. Из-за отсутствия у государства запасов семян других зерновых в Сибирь было направлено до 500 тыс. пудов этой культуры [2, с. 330, 344]. Одним из его ценных качеств, с точки зре-

ния инициаторов данной операции, была высокая «севокость». Полученным объемом можно было засеять значительно больше пашни, нежели тем же количеством зерна, а затем отрапортовать о недопущении снижения посевных площадей.

По нашим расчетам, основанным на данных земельных органов и статсектора крайплана, крестьяне-единоличники, не вошедшие в колхозы, в 1930 г. сократили посевные площади в своих хозяйствах по сравнению с 1929 г. (с учетом озимых) в Сибирском крае в целом на 30 %, в юго-западных округах – на 42, в северо-восточных округах – на 12 %¹⁶.

Колхозы ни организационно, ни технологически не были способны компенсировать сокращение производительных сил единоличного сектора¹⁷. Организация труда в них находилась на крайне низком уровне. Достаточного количества семян в большинстве колхозов собрать не удалось. В условиях обострившегося дефицита продовольствия в коммунах и сельхозартелях недородных округов часть семенного зерна была перемолота на муку. Возместить нехватку семенного материала государству в полной мере не смогло. Недостаток кормов для скота, приводивший к истощенности тягловой силы, ощущался не только в районах, переживших засуху; он был практически повсеместным. В Сибирском крае заметно сниженный план весеннего сева для колхозов был выполнен на 77,2 %¹⁸.

Таким образом, осуществленная большевистским режимом в начале 1930 г. попытка скоротечного реформирования аграрного строя крайне негативно сказалась на итогах весенней посевной кампании в Сибири. Следствием нехватки семян, сокращения поголовья рабочего скота и его истощенности, плохой организации труда в колхозах, отсутствия стимулов для сохранения прежнего уровня производства у единоличников стало существенное сокращение посевных площадей. Падение производительных сил полеводства стало одним из зримых проявлений общего кризиса сельского хозяйства Сибири, к которому привела аграрная политика советского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5.
2. Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г.: Сб. документов. Новосибирск, 2009.
3. Ильиных В.А. Поездка Л.М. Кагановича в Сибирь в апреле 1930 г.: санация «головкружения» // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 52–56.
4. Ильиных В.А. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917–1929 гг.: источники реконструкции // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 18–32.

¹⁶ Там же. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1853. Л. 78; Д. 2033. Л. 45.

¹⁷ Согласно сведениям, приведенным в справке информационно-статистического сектора Сибкрайкома ВКП(б), доля единоличников в яровом посеве 1930 г. составила 65,8 %, колхозов – 28,5, совхозов – 3,5 % (Там же. Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 80. Л. 91).

¹⁸ Там же. Выполнение плана в единоличном секторе экономики составило 69 %. Совхозы перевыполнили его на 19 %.

¹³ В 1929 г. доля перечисленных округов в общей площади посева в Сибирском крае составляла 45 % (Сибирский край. С. 297–299).

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1853. Л. 78.

¹⁵ Там же. Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 80. Л. 99.

УДК 94(47).084.8+0.84.9

А.А. ДОЛГОЛЮК

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ СИБИРСКИХ СТРОИТЕЛЕЙ
В 1946–1970 гг. ***

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: dolgalal@mail.ru

В статье прослеживаются изменения образовательного потенциала рабочих, инженерно-технических работников и служащих за 25 послевоенных лет, проводится сравнение образовательного уровня занятых в строительстве и в других отраслях материального производства; показывается трудности по обеспечению сибирских строек специалистами с высшим и средним специальным образованием; выявляется роль существовавшей в стране системы вечернего и заочного образования, включая школы рабочей молодежи, в повышении культурно-технического уровня строителей.

Ключевые слова: культурный уровень населения, образование, строители, рабочие, специалисты, Сибирь.

Уже долгие годы в России происходит реформирование образовательной системы. Поначалу оно шло вяло, но с принятием федерального закона «Об образовании» стало набирать темпы. Однако начинания чиновников и законодателей не находят поддержки у широкой общественности. Россияне не понимают, зачем нужно было изменять ту систему, которая зарекомендовала себя одной из лучших в мире, зачем вообще нужна реформа, ведущая к ухудшению содержания образования, к его коммерциализации, к введению частичной оплаты за учебу в старших классах. В этой связи уместно напомнить, что советская власть всегда осознавала огромную важность просвещения населения и уделяла этому пристальное внимание. Ее достижения в этой области впечатляющи, и эти достижения периодически фиксировали проводимые в СССР переписи населения. Рост образовательного потенциала отмечался во всех социальных слоях общества, во всех сферах общественного производства. Разительные перемены произошли в составе работников материального производства. В частности, неуклонно повышался образовательный уровень строителей. Анализу этих изменений с 1946 по 1970 г. на примере сибирских строителей посвящена данная статья.

Для капитального строительства, как и для всех других отраслей общественного производства, требовались не просто трудовые ресурсы, а образованные и специально обученные работники. Известно, что основой культурно-технического уровня каждого человека является общее образование, получаемое им в школе. На нем базируется специальная профессио-

нальная подготовка, которую дают другие учебные заведения.

Исторически сложилось так, что образовательный уровень строительных кадров в нашей стране был всегда ниже, чем, к примеру, в промышленности или в транспорте. Это связано с тем, что капитальное строительство по уровню технической оснащенности уступало названным отраслям. Основной объем строительно-монтажных работ осуществлялся вручную. Их могли выполнять и неграмотные люди. Но уже в течение предвоенных пятилеток в отрасль с каждым годом поступало все больше строительной техники. Вместе с ростом механизированности труда постепенно увеличивался общеобразовательный уровень работников.

К началу Великой Отечественной войны в СССР практически завершился процесс введения всеобщего обязательного обучения детей в объеме четырех классов. Была заложена хорошая основа для дальнейшего повышения грамотности советских людей. Война прервала данный процесс. В этот период на стройки пришло много подростков, не успевших получить не только семилетнего, но даже начального образования. И в первые послевоенные годы трудное материальное положение вынуждало многих юношей и девушек очень рано покидать школу и в подростковом возрасте начинать трудовую деятельность. По данным единовременного учета образовательного уровня трудящихся в 1952 г., среди каждой тысячи молодых рабочих (не старше 26 лет), занятых в сибирской индустрии, насчитывалось 260 чел. со средним, среднетехническим и высшим образованием, тогда как среди лиц более зрелого возраста – 305 чел. В то же время среди молодежи была значительно меньшей доля тех, кто не имел начального образования (13,8 % против

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00295а.

41,8 %). И, наоборот, по сравнению с работниками старших возрастных групп среди юношей и девушек был более высоким удельный вес имеющих начальное (60,8 % против 42,2 %) и неполное среднее (23,4 % против 12,9 %) образование [1, с. 80].

Для строительной отрасли было особенно важно, что среди новых пополнений неуклонно возрастала прослойка имеющих образование не ниже неполного среднего. Уже в годы пятой пятилетки основная часть молодых людей оканчивала не менее 7 классов. На базе этого образования стали происходить прогрессивные изменения профессионально-квалификационного состава рабочих. Они определялись все нарастающими, особенно с середины 1950-х гг., темпами научно-технического прогресса в отрасли.

Положительную тенденцию роста общеобразовательного уровня строителей зафиксировала Всесоюзная перепись населения, проведенная в 1959 г. Она показала, что в среднем по Российской Федерации на каждую тысячу строителей стало приходиться 299 чел. со средним (полным и неполным), среднетехническим и высшим образованием, что в десять раз превышало аналогичные показатели Всесоюзной переписи 1939 г. Образовательный потенциал сибиряков также нарастал, хотя, как и раньше, отставал от среднего по РСФСР. По всем отраслям народного хозяйства России в 1959 г. на каждую тысячу рабочих приходилось 370 чел. с высшим и средним (полным и неполным) образованием, тогда как в Западной Сибири – 323 чел., а в Восточной Сибири – 331 чел.¹

В последующие годы рост образовательного уровня сибирских строителей продолжался. На этот процесс благотворно влияла общегосударственная политика в сфере просвещения. В первой половине 1960-х гг. в СССР была решена задача перехода к обязательному восьмилетнему обучению, а вслед за этим взят курс на осуществление полного среднего образования. Для строительного производства такие перемены в культурной сфере оказались своевременными. Отрасли с каждым новым пятилетием требовалось все больше высокообразованных кадров. Если, к примеру, в 1965 г. удельный вес строительных профессий, для овладения которыми требовался уровень общего образования в объеме 8–10 классов, составлял 28 %, то в 1970 г. – уже 45 % [2, с. 107–108].

С каждой новой пятилеткой в капитальное строительство приходили молодые строители, которые оказывались образованнее своих предшественников. Если в 1929 г. средний уровень общего образования строителей составлял только 3 класса, то в 1970 г. – 7–8 классов [3, с. 30]. При этом темпы роста общеобразовательного уровня в строительстве оказались выше, чем во многих других отраслях народного хозяйства.

Позитивные изменения в данной сфере происходили повсеместно. Обработка Ю.А. Шпарогом личных

карточек рабочих трех строительных трестов Кузбасса – «Сибметаллургмонтажа», «Востокгидростроя» и «Запсибсантехмонтажа» – дала такие результаты. В 1960 г. в них 22 % рабочих имели начальное образование, 58 % окончили по 5–7 классов, 20 % имели неполное либо полное среднее образование. Через 10 лет удельный вес строителей с начальным образованием снизился до 16 %, также сократилась доля рабочих с образованием 5–7 классов (49 %), зато в 1,5 раза увеличилась доля тех, кто имел полное или неполное среднее образование (35 %) [4, с. 57].

По отдельным управлениям и трестам показатели, характеризующие общеобразовательный потенциал строителей, заметно отличались между собой и от средних по занятому населению. В Сибири самые высокие показатели грамотности работников отмечались в трудовых коллективах районов нового промышленного освоения. Эти коллективы комплектовались преимущественно за счет молодых людей, многие из которых приезжали на новостройки сразу после окончания школ и других учебных заведений. Так, среди рабочих Братскгэсстроя в 1959 г. доля имеющих высшее и среднее (полное и неполное) образование составляла 65,1 %, тогда как в среднем по РСФСР (по данным переписи) – лишь 39,6 %, а в 1970 г. эти показатели увеличились – соответственно до 72,5 и 56,7 % [5, с. 119].

Строительный процесс объединяет многие виды работ, различающихся между собой по характеру и содержанию труда. В их выполнении участвуют рабочие многих профессий. Овладеть одними из них способны и неграмотные люди. Успешное обучение другим видам профессий возможно лишь на основе сравнительно высокой общеобразовательной базы. Поэтому те, кто ее имеет, охотнее осваивают профессии, предоставляющие больше возможностей для технического творчества и благоприятных условий труда. В итоге образовательный уровень рабочих, управляющих различными строительными машинами, монтажников конструкций, газо- и электросварщиков и некоторых других профессий был заметно выше средних показателей. Наиболее низким он оказался среди грузчиков, путевых и дорожных рабочих, плотников. Различался образовательный уровень строителей и в отдельных подразделениях. Так, в 1965 г. в управлении механизации треста «Кузнецкметаллургстрой» в основном работали машинисты строительных машин, монтажники и ремонтники. Здесь лица с образованием 8 классов и выше составили 46 % от общей численности, а в СУ-2, где основными являлись профессии бетонщиков, штукатуров и опалубщиков, такое образование имели только 33 % рабочих [6, с. 191].

Быстрый рост образовательного потенциала строителей в СССР стал возможным не только потому, что право на бесплатное образование было закреплено в Конституции, но прежде всего потому, что были созданы благоприятные условия для обучения молодежи. Даже навсегда покинув общеобразовательные

¹ Уровень образования работающего населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года). М., 1962. С. 97.

школы и начав свои трудовые биографии, молодые люди имели возможность продолжать обучение. В стране на протяжении многих десятилетий последовательно развивалась система заочного и вечернего образования, позволявшая миллионам людей учиться без отрыва от производства. В 1960–1970-е гг. она достигла своего максимального развития. Уже в процессе трудовой деятельности многие рабочие-строители осознавали, что необходимым уровнем общеобразовательной подготовки, адекватной технической оснащенности отрасли, стало среднее (общее или специальное) образование, позволяющее более успешно осваивать строительную технику. Другим стимулирующим фактором к продолжению учебы являлись открывавшиеся перспективы для профессионального роста.

Сеть школ рабочей молодежи в Сибири, как и во всей стране, неуклонно развивалась. На государственном уровне принимались различные нормативные акты, которые через систему льгот способствовали продолжению учебы трудящихся. Техникумы, консультационные пункты для поступающих в высшие и средние специальные учебные заведения, создававшиеся на базе крупнейших строительных организаций, делали обучение более удобным. Повышение общеобразовательных знаний строителями приняло массовый характер. Так, в 1960 г. 2016 строителей Братскгэс-строя училось в ШРМ, 335 – в институтах и техникумах, а 370 чел. готовились к поступлению в высшие и среднеспециальные учебные заведения. Всего же за период строительства Братской ГЭС более 20 тыс. юношей и девушек получили среднее образование без отрыва от производства². В последующие десять лет возможности для повышения образовательного потенциала строителей еще более расширились.

Образовательный уровень работников очень сильно дифференцировался по отдельным категориям персонала. Вполне естественно, что наиболее высоким он был у инженерно-технических работников. Далее следовали служащие, рабочие, младший обслуживающий персонал и работники охраны.

В послевоенные годы в народном хозяйстве России очень быстро росла численность специалистов с высшим и средним специальным образованием. С 1941 по 1970 г. она увеличилась в 6,9 раза. В Сибири этот процесс происходил еще активнее. В Западной Сибири численность специалистов за эти же годы выросла в 12,3 раза, а в Восточной Сибири – в 10,8 раза³. Насыщение специалистами строительства происходило еще более высокими темпами. За те же годы в целом по СССР численность специалистов на промышленных предприятиях увеличилась в 12,4 раза, а в строительстве в 17,8 раз, в том числе непосредствен-

но в строительных организациях – в 21,7 раза [7, с. 60]. Особенно быстро увеличивалась численность специалистов-строителей со средним техническим образованием.

Непрерывное нарастание масштабов подготовки специалистов для строительства в вузах и техникумах позволило улучшить состав административно-управленческого персонала в трудовых коллективах, преодолеть дефицит дипломированных специалистов, который был особенно заметным в первое послевоенное десятилетие. В условиях недостатка дипломированных специалистов многие должности инженеров-технических работников и служащих замещались «практиками». Например, в 1952 г. в тресте «Сталинскпромстрой» практики составляли 50 % среди начальников стройуправлений и главных инженеров, 100 % – среди главных механиков, 80 % – среди прорабов, 82 % – среди мастеров⁴. И в целом по Сибири доля практиков в общей численности ИТР превышала половину от их общей численности. Однако на рубеже пятой и шестой пятилеток ситуация стала постепенно улучшаться. Так, в Новосибирской области в 1960 г. практики составляли уже лишь 40 % от общего количества руководящих кадров и специалистов строительных организаций, а к 1970 г. их доля сократилась до 27 %. За эти 10 лет заметно повысился образовательный уровень начальников строительных организаций, их заместителей и главных специалистов, прорабов, инженеров, техников, архитекторов. В то же время у такой массовой группы руководителей низшего звена, как мастера и десятники, образовательный уровень даже снизился. Довольно низким оставался квалификационный уровень бухгалтеров и нормировщиков⁵. Указанные изменения происходили в русле общих тенденций в строительной отрасли РСФСР. Образовательный потенциал руководящих кадров и специалистов строительных организаций Сибири примерно соответствовал общереспубликанским показателям.

Образовательный уровень ИТР сильно дифференцировался по различным строительным организациям. В Новосибирской области на сельских стройках в 1965 г. практики составляли 45 %, тогда как на наиболее важных городских стройках их доля была значительно ниже⁶.

Помимо специалистов, имеющих строительные профессии и квалификации, в строительстве было и много других. Одни из них трудились в основном производстве на должностях ИТР, служащих, а также на рабочих местах. Другие работали в подсобных, вспомогательных и обслуживающих хозяйствах. Преобладающую часть специалистов составляли инженеры и техники. Например, по данным единовременного обследования на 1 декабря 1962 г., доля первых из них в

² Огни Ангары. 1960. 16 нояб.; Восточно-Сибирская правда. 1968. 25 окт.

³ Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве РСФСР: Стат. сб. М., 1971. С. 33–35.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8522. Оп. 2. Д. 57. Л. 36.

⁵ Численность и состав специалистов... С. 58, 59.

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 2783. Л. 42.

строительстве РСФСР достигала 83 % от общей численности специалистов с высшим образованием, а доля вторых – 87 % от численности специалистов со средним специальным образованием. Следующей по численности являлась группа работников с экономическим образованием. Кроме них в организациях работали педагоги, библиотекари, культурно-просветительские и медицинские работники, агрономы, зоотехники и др. Причем в строительных организациях удельный вес инженеров и техников был постоянно на 3–6 процентных пунктов выше, чем на промышленных предприятиях. Еще более значительным он оказался в проектных организациях, обслуживающих строительство⁷.

Кадровая политика Государственного комитета СССР по строительству, направленная на повышение образовательного уровня управленческих и инженерно-технических кадров, наталкивалась в Сибири на ряд дополнительных трудностей. Прежде всего, к ним следует отнести недостаточно развитую в регионе сеть вузов и техникумов, готовящих специалистов по строительным специальностям, а также слабое развитие социальной сферы, оказывающей решающее влияние на закрепляемость новоселов, прибывающих из европейской части страны. Такое положение с формированием инженерно-технических кадров приводило к тому, что во многих строительных организациях удельный вес практиков заметно превышал средние показатели по отрасли или отдельным министерствам. Так на начало 1968 г. при среднем удельном весе практиков среди ИТР Министерства промышленного строительства СССР в 27 %, их доля в Главвостоксбстрой составляла 34 %, а Главспромстрой – 33 %⁸.

Заявки строительных организаций на выпускников вузов и техникумов, как правило, не выполнялись. К тому же отсутствие возможностей решить жилищную и другие социальные проблемы молодых специалистов побуждало их увольняться со строя. Так, в 1965–1967 гг. Главвостоксбстроем была сделана заявка на 1060 выпускников. Учебные заведения смогли выделить и направить в Главк только 359 чел., т.е. треть от потребности. Фактически на стройки прибыло 302 чел., из которых половина вскоре уволилась⁹.

Поэтому в тех регионах, в которых велось крупномасштабное новое строительство, чаще всего вакансии ИТР и служащих замещались практиками. Не случайно их доля в 1970 г. оказалась самой высокой в Тюменской, Иркутской и Томской областях. В целом же, согласно результатам единовременного обследования, образовательный уровень строителей Западной

Сибири в этот период полностью соответствовал среднереспубликанским показателям, а у строителей Восточной Сибири он оказался немного ниже¹⁰.

Сокращение доли практиков в составе инженерно-технического персонала происходило не только вследствие замещения их инженерами и техниками, но и потому, что многие без отрыва от производства получали среднее специальное или высшее образование. Обычно от 10 до 30 % от общего количества практиков продолжали свое обучение в вузах и техникумах. Преимущественно это была молодежь. Например, в 1970 г. в управлении «Иркутсксельстрой» третья часть практиков имела возраст менее 35 лет. Из них около половины учились без отрыва от производства. А вот представители старших возрастных групп такой активности не проявляли, хотя именно они составляли большинство среди данной группы инженерно-технических работников¹¹.

Подводя итог исследованию проблемы, отметим, что в послевоенный период в государственной политике руководства страны одним из важнейших приоритетов оставался дальнейший подъем культурного уровня населения. Ее отражением стал рост образовательного потенциала всех социальных и профессиональных групп. В строительные организации с каждым годом вливались более грамотные пополнения. Многие из тех, кто был вынужден рано покинуть общеобразовательную школу, смог продолжить обучение в школах рабочей молодежи, сеть которых в стране и в сибирском регионе неуклонно развивалась. Причем, если в начале исследуемого периода строители стремились получить семилетнее, то в 1960-х гг. – среднее образование. Несмотря на большой прогресс в повышении грамотности и интеллектуального потенциала строителей, по образовательному уровню они продолжали отставать от работников других индустриальных отраслей. Такое положение являлось следствием технико-технологического отставания капитального строительства от промышленности и транспорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурная жизнь Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1981.
2. *Корифиди И.П.* Современные требования к качеству труда // НОТ в строительстве. М., 1978.
3. *Резник С.Д.* Трудовые ресурсы в строительстве. М., 1982.
4. *Шпарог Ю.А.* Кадры капитального строительства. Новокузнецк, 1972.
5. *Долголюк А.А.* Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980. Новосибирск, 1988.
6. Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917–1967). Кемерово, 1968. Вып. III.
7. *Тарасов А.М.* Обеспечение капитального строительства кадрами. М., 1972.

⁷ Труд в СССР. 1913–1963 гг.: Стат. сб. М., 1963. С. 388, 406.

⁸ РГАЭ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 250. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 15.

¹⁰ Труд в СССР: Стат. сб. М., 1973. С. 179, 181.

¹¹ ГАНУ. Ф. 2679. Оп. 19. Д. 3482. Л. 157.

УДК 94(47)084.8

В.П. ТИМОШЕНКО

**КОМПЕНСАЦИОННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ
В ПРОГРАММАХ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ В 1960–1980-е гг.***

д-р ист. наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург
e-mail: vpt@k66.ru

В статье рассматривается практика использования зарубежного технико-технологического опыта в процессе освоения Сибири в форме компенсационных соглашений. Для развития этой формы сотрудничества в Сибири были благоприятные условия, она сыграла заметную роль в индустриальном развитии региона.

Ключевые слова: международное разделение труда, компенсационные соглашения, кредитные соглашения, лесные ресурсы, нефтегазовый комплекс, транспортное строительство

На рубеже 1950–1960-х гг. важнейшее значение при постановке и решении хозяйственных проблем развития Урала, Сибири и Дальнего Востока имели перспективы включения страны в систему международного разделения труда. В резолюции XXI съезда КПСС отмечалось, что меры по освоению Сибири позволяют «полнее использовать имеющиеся здесь богатства для подъема экономики всего Советского Союза» [1, с. 511]. В восточных регионах страны планировалось создание новых мощных металлургических и топливно-энергетических баз, крупной комплексной технологической промышленности и машиностроения. Быстрый рост экономики рассматривался в качестве одной из важнейших предпосылок расширения участия огромного региона в международном разделении труда. Речь шла об извлечении максимальных выгод от разработки и экспорта сырьевых ресурсов. Предполагалось: 1) импортировать современное оборудование для эффективной разработки ресурсов Урала, Сибири и Дальнего Востока и создания мощной экспортной базы в добывающих отраслях; 2) на условиях компенсации сырьем и готовой продукцией создать с помощью промышленно развитых стран современное производство в обрабатывающей промышленности с ориентацией на мировой рынок; 3) использовать увеличивающиеся в результате расширяющегося экспорта валютные поступления для решения социально-экономических задач «Генеральной перспективы» [2, с. 24].

Наращение темпов освоения региона с конца 1950-х гг. в какой-то степени поддерживалось расши-

ряющимся зарубежным участием в кредитовании и ресурсообеспечении проектов. Большинство из видов сибирских сырьевых товаров находили устойчивый спрос на мировом рынке. Несмотря на многочисленные сдерживающие факторы, заинтересованность в дешевом сырье и гарантированных поставках подтолкнула довольно крупные западные фирмы и банки к выделению кредитов под разработку месторождений. С 1964 г. многие западные страны отказываются от соблюдения Бернского соглашения (которое было подписано в 1958 г. государственными и частными кредитно-финансовыми учреждениями США и Западной Европы и согласно которому устанавливался срок предоставления кредитов социалистическим странам – не более пяти лет) и переходят к долгосрочному кредитованию (10–15 лет).

Совместная разработка лесных ресурсов. По сравнению с другими первоначальными проектами совместная разработка лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока отличалась наибольшей эффективностью. В ней стали активно участвовать фирмы и банки Японии, 30 % импорта которой из СССР составляли сибирский лес и продукты его переработки. В конце 1959 г. Японию посетила советская хозяйственная делегация с предложениями о сотрудничестве. В 1962 г. японские предприниматели посетили районы совместных работ, и после сложных переговоров было заключено соглашение о поставках в Японию в течение 1963–1970 гг. ежегодно по 200–250 тыс. куб. м леса [3, с. 10]. В 1964 г. в ходе визита в Японию А.И. Микояна именно этот вопрос оказался в центре обсуждения. Визит положил начало быстрому расширению советско-японской торговли и разветвлению в дальнейшем крупномасштабного сотрудничества в освоении природных ресурсов региона [4, с. 46]. В

* Статья подготовлена в рамках интеграционного проекта СО РАН № 8 «Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе в XX столетии».

1966 г. состоялось первое советско-японское экономическое совещание в Токио. Несколькими месяцами ранее подписано пятилетнее соглашение между Японией и СССР о товарообороте и платежах. На совещании в Токио советская делегация поставила вопрос о расширении кредитования японскими фирмами сибирских планов. На совещании состоялся обмен мнениями об объемах и формах сотрудничества в области развития лесной промышленности. Наиболее удобной формой сочли компенсационные соглашения.

С конца 1950-х до середины 1960-х гг. Советский Союз приобрел для сибирских леспромпхозов и целлюлозно-бумажных предприятий большую партию оборудования у фирм: «Мицубиси модзи кайша», «Иточу», «Вако коеки», «Тое менка кайша». Но простые товарные соглашения ограничивали рост торговли и не устраивали обе стороны. Японцы предпочитали долгосрочное сотрудничество под кредиты, чтобы обеспечить свои интересы.

По итогам совещания в 1968 г. было заключено первое Генеральное соглашение на поставку леса в Японию. На этот раз японские фирмы предоставили кредит в сумме 180 млн дол. на шесть лет с 5 %-ной ставкой. В счет этого кредита обеспечивались поставки оборудования на сумму 20 млн дол. В порядке компенсации Советский Союз за 1968–1973 гг. отгрузил около 8 млн куб. м древесины и лесоматериалов. Одиннадцать крупных фирм Японии во главе с «Комаци сэйсакусе» участвовали в финансировании и продаже под кредит техники для сибирских лесоразработок. «Мицубиси катерпиллер» поставляла тяжелые тракторы, «Ниссан дзидося» – автомобили-лесовозы, «Като сэйсакусе» – автокраны. В декабре 1971 г. в развитие первого генерального соглашения были заключены два контракта на поставку в Японию технологической щепы и балансового долготья. Для реализации сделки в Японии сложился консорциум из 27 фирм целлюлозно-бумажной промышленности под общим руководством компании «Нихон чин бозэки». Исходя из соглашения, сибирские леспромпхозы поставили в 1972–1982 гг. 8 млн куб. м щепы и 4,7 млн куб. м долготья под кредит в 45 млн дол. с рассрочкой платежей на шесть лет с уплатой наличными 12 % и при ставке 6 % в год. Кроме того, компанией «Нихон чин бозэки» был предоставлен кредит в 5 млн дол. для закупки потребительских товаров [5].

О втором генеральном соглашении по лесу вопрос был поднят в 1972 г., после тщательного изучения оно было подписано в Токио 30 июля 1974 г. Япония предоставила кредит на сумму 550 млн дол. на пять лет при ставке 6,4 % в год, который согласно договору распределялся следующим образом: 445 млн дол. направлялись на закупку техники для лесоразработок, 65 млн дол. – на сухогрузы для транспортировки и 50 млн дол. – на потребительские товары. Советские обязательства состояли в поставках в течение 1975–1979 гг. 17,5 млн куб. м лесоматериалов. Третье генеральное соглашение по лесу было подписано в 1981 г. Сумма

кредита составляла 500 млн дол., а компенсация – 13 млн куб. м древесины [6, с.105].

Кратковременная выгода от торговли лесом была очевидна. Громадный экспортный потенциал Сибири и Дальнего Востока ограничивался только двумя факторами – трудным доступом и отсутствием необходимой техники. При этом в расширение добычи леса зарубежные партнеры вкладывали капиталы весьма охотно, но когда речь заходила о лесообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, предложения компенсационных соглашений вызывали небольшой интерес. Не были поддержаны проекты совместного строительства Мухинского и Хурмулинского лесопильно-деревообрабатывающих комбинатов, Ново-Михайловского лесопромышленного комплекса, а также создания Хабаровского, Амурского и Енисейского целлюлозно-бумажных комбинатов. Вначале консорциум из 21 японской фирмы заинтересовался проектом стоимостью в 2 млрд дол., принял участие в предварительных подсчетах стоимости оборудования, даже через его посредничество Советский Союз закупил часть оборудования в Швеции, но затем интерес консорциума к проекту угас.

Потребность в инвестициях для развития целлюлозно-бумажной промышленности в Сибири частично удалось покрыть через участие в проекте стран-членов СЭВ. Социалистические страны вложили средства в один завод, а именно – Усть-Илимский. Договор был заключен в 1972 г. между СССР, Болгарией, ГДР, ПНР и Венгрией, позднее подключилась Румыния. Усть-илимский проект привлек внимание и нескольких французских фирм. Общие вложения в Усть-Илимский комплекс составили 1,2 млрд инвалютных руб., из которых соцстраны (кроме СССР) обеспечили 330 млн руб. Процентная ставка составила 2 % при сроке погашения займов в 12 лет. Вложения соцстран распределились следующим образом: 40 % – в строительные работы, 22 % – для закупки техники и оборудования, 38 % – под потребительские товары. Оборудование поставили французские фирмы на компенсационной основе.

С 1978 г. Усть-Илимский комплекс ежегодно отправлял 250 тыс. т бумаги партнерам в счет погашения кредитов. При проектной мощности в 500 тыс. т реальное производство достигло 624 тыс. т бумаги в год. При этом нужно заметить, что на природоохранные мероприятия были направлены мизерные суммы, как, впрочем, и на возобновление лесных массивов, интенсивно вырубаемых в Сибири для экспортных поставок.

Соглашения по энергоносителям. Наибольший интерес для зарубежных партнеров представляла совместная разработка энергетических видов сырья. С начала 1960-х гг. обсуждался проект строительства магистрального нефтепровода из Западной Сибири до побережья Тихого океана, так и не вступивший в стадию реализации. Первоначальная идея заключалась в отправке сырой нефти по одному нефтепроводу в Ир-

кутск, а оттуда – по другому нефтепроводу вдоль Транссиба до Находки. Затем советская сторона предложила новый вариант единого нефтепровода из Тюмени до Находки протяженностью 7800 км [7, с. 11]. Японская сторона нашла, что размер кредита и условия его погашения являются неприемлемыми. В процессе обсуждений масштабы проекта были сокращены вдвое и соглашение должно было состояться, но в январе 1974 г. советские планы изменились, и японские фирмы были приглашены к участию в проекте БАМа в размерах оговоренного по строительству нефтепровода кредита – 3,3 млрд дол. От участия в нем японцы отказались.

Первым крупным компенсационным соглашением по поставкам нефтегазовых ресурсов стал контракт с Австрией. 1 июля 1968 г. состоялась договоренность, согласно которой Австрия поставляла оборудование для обустройства нефтяных и газовых месторождений Сибири и стальные трубы для транспортировки, СССР в качестве компенсации в течение 20 лет должен был поставить около 100 млрд куб. м газа. Позднее подключились фирмы Италии, ФРГ, Франции. Оборудованием обеспечивали фирмы «Эстеррайхише Минеральойлфервальтунг» (Австрия), «ЭНИ» (Италия), «Газ де Франс», «Рургаз» и др. Пример Австрии подтолкнул другие европейские страны к сотрудничеству в разработке сибирских месторождений. В декабре 1969 г. аналогичное соглашение было заключено с Италией на 20 лет с компенсацией в 100 млрд куб. м газа, а в феврале 1970 г. – с ФРГ – поставки 1,2 млн т стальных труб и оборудования для газовой промышленности с 20-летней компенсацией в 52 млрд куб. м природного газа [8, с. 75].

В 1972 г. с консорциумом американских фирм велись переговоры об осуществлении проекта «Северная Звезда». Речь шла о строительстве трубопровода из Западной Сибири в Мурманск с пропускной способностью 20 млрд куб. м в год; кроме того, предусматривались сооружение станции сжижения в Мурманске и последующая транспортировка газа в США [9, с. 25]. Этот проект не был реализован. При углубленном изучении всех его аспектов оказалось, что рентабельнее поставлять газ без сжижения в Западную Европу.

С начала 1970-х гг. шли переговоры с США и Японией относительно проекта совместной разработки Южно-Якутских газовых месторождений: при потребности в 3,5 млрд дол. гарантировались поставки в течение 20 лет 1,5 млн куб. м жидкого газа в год. В проекте приняли участие американские компании «Тексас истерн трансмишн» и «Эль-Пасо». Срок погашения кредита – шесть лет при ставке 6,4 % в год. В течение 1974 г., когда поправка Джексона-Вэника к Американскому торговому Биллю прошла через Конгресс, никакие крупные кредиты не могли быть выпущены банками Америки. Поскольку Япония решила без США не участвовать, проект по южно-якутскому газу был отложен.

Другая судьба была уготована проекту нефтегазразведки на шельфе Сахалина. Этот проект был выдвинут в феврале 1972 г. В 1974 г. в Японии создается компания «Сахалин сэкию кайхацу кереку кабусики кайся» (капитал образован 17-ю фирмами-акционерами). В январе 1975 г. в Токио подписывается Генеральное соглашение, согласно которому японцы предоставляли кредит, возмещаемый в случае успеха, на сумму 100 млн дол. для оплаты стоимости аренды машин и оборудования. Второй кредит в 22,5 млн дол. для аренды ЭВМ, приборов и т.д., затем кредит в 30 млн дол. для закупки потребительских товаров. Компенсация предусматривала поставки нефти и газа с совместно открытых месторождений в объеме 50 % годовой добычи. В качестве компенсации риска – цены на нефть снижались на 8,4 % от согласованных сторонами цен. Еще в ходе разведки и обустройства в 1982–1985 гг. в Японию ежегодно поставлялось примерно 3 млн т жидкого газа [10]. После введения войск в Афганистан Сахалинский проект не был ликвидирован, но с начала 1982 г. американский экспорт в Японию технологии по разведке нефти был остановлен, что вызвало серьезные затруднения в реализации проекта в целом. Резко стали уменьшаться поставки оборудования в счет расширения кредитования проекта.

Дискриминационные меры США, отмена проекта «Северная Звезда» имели следствием новые советские предложения западноевропейским странам по расширению поставок нефти и газа. Эти предложения включали создание 4500-километрового трубопровода от Уренгоя до чехословацкой границы. Западногерманские, итальянские, британские и французские фирмы должны были поставить для этой линии трубы, компрессорные станции и оборудование. Пропускная способность трубопровода предполагалась в 40 млрд куб. м газа ежегодно. Общая стоимость проекта – 10 млрд дол. Компенсации предполагались в течение 20 лет, начиная с 1984 г. Повышенный интерес западноевропейских стран к проекту определялся тремя обстоятельствами: во-первых, истекали сроки предыдущих контрактов на поставки газа; во-вторых, крупные заказы на трубы и оборудование снимали напряженность в стальной индустрии Западной Европы и позволяли решить социальные проблемы; в-третьих, в условиях нестабильности на рынке энергоносителей долгосрочная сделка выглядела весьма привлекательной. С большими трудностями проект был осуществлен – с 1984 г. сибирский газ поставляется в счет погашения кредитов. ФРГ затратила на проект 1,2 млрд дол., Франция – 664 млн, Италия – 890 млн, Англия – 260 млн, Финляндия – 90 млн дол. В проекте также участвовали фирмы «Комацу» (Япония) и «Катерпиллер» (США), их вклад – 210 млн дол.

Крупные вложения западные фирмы осуществили в развитие производства продуктов нефтепереработки и нефтехимии. В начале 1970-х гг. ФРГ и СССР приступили к реализации проекта Томского нефтехимического комплекса. По договору западный участник

должен был поставить инвестиционный капитал в размере 4 млрд дол. для создания бензино-химического завода мощностью 10 млн т очищенной нефти в год. Кредит предполагалось погасить химической продукцией в течение 10 лет. Западногерманский консорциум фирм готов был начать вложения, но профсоюзы химической индустрии и торговли ФРГ подали жалобу в правительство, заявив, что соглашение значительно повредит рынкам Запада и приведет к сокращению рабочих мест в химической индустрии Западной Германии. Лишь в 1978 г. соглашение состоялось, но первоначальный проект был сведен к уровню 1,5 млрд дол. С ним согласились профсоюзы химической индустрии ФРГ [11, с. 18]. К сделке присоединились фирмы Италии и Англии, которые поставили в счет кредита оборудование и технологию для заводов по производству полипропилена и метанола. Комбинат уже в 1980-е гг. отправлял в порядке компенсации продукцию на экспорт. В 1986 г. экспорт объединения составил 64 млн руб., из которых вывоз в порядке компенсации за предоставленные кредиты достигал 22 млн руб.

В 1973–1978 гг. было подписано несколько соглашений с фирмами ФРГ, Италии, Франции, Австрии, Канады, Великобритании на поставку комплектного оборудования для крупнейших в стране нефтехимических комбинатов в Омске, Кемерово, Тобольске, строящихся на компенсационной основе. Фирмы «ЭНИ» (Италия), «Камко» (Англия), «Маннесман» (ФРГ), «Ассошейтед инженеринг сервисиз» (Канада) и другие выполнили обязательства на поставку оборудования и технологии в счет кредита на сумму около 1 млрд дол. США. Это довольно крупная сделка даже по «сибирским» масштабам.

В 1972–1977 гг. в счет кредита в 500 млн дол. было закуплено в Канаде оборудование для нефте- и газодобычи, турбокомпрессоры для Самотлорского месторождения общей стоимостью 274 млн дол.

Крупные проекты реализовывались в регионе по **добыче твердого топлива** с привлечением иностранного инвестиционного капитала на компенсационной основе. 3 июня 1974 г. в Москве было подписано Генеральное соглашение с Японией о поставках угля. Кредит в 1 млрд дол. предоставила специально созданная компания «Минами Якутоган Кайхацу кереху кабусики кайся» (акционерный капитал составили 8 металлургических, 15 торговых, 8 машиностроительных, 2 коксгазовых, 2 пароходные, компании и 16 банков). Срок погашения – 20 лет, за это время в порядке компенсации необходимо было поставить, начиная с 1980 г., ежегодно 1 млн т углей из Кузбасса, из Нерюнгри в 1983 г. – 3,2 млн т, в 1984 г. – 4,2 млн т, в 1995–1998 гг. – по 5,5 млн т ежегодно. Из кредита 60 млн дол. направлялось на закупку потребительских товаров. К этому проекту присоединились канадские фирмы, у которых в счет кредита в 226 млн дол. были закуплены для Южно-Якутского угольного разреза самосвалы и дорожно-строительное оборудование.

Проекты транспортного обеспечения. Реализация компенсационных соглашений в Сибири напря-

мую зависела от создания транспортных условий для вывоза за рубеж экспортной продукции. В экстремальных природных условиях предстояло проложить тысячекилометровые трассы нефте- и газопроводов, железных дорог, построить речные и морские порты. Сроки этих работ, а значит и погашения кредитов, определялись объемами капитальных вложений и материальными ресурсами, которые могли быть направлены на решение этой сложной задачи.

Значительные объемы «лесных» соглашений с Японией и обсуждавшиеся перспективы расширения экспорта нефти и газа в страны Восточной Азии требовали укрепления портового хозяйства на Дальнем Востоке. Имевшиеся порты не справлялись с обработкой растущего грузопотока. К тому же серьезно устарело оборудование и оснащение, что приводило к частым задержкам в отправке грузов. На первом советско-японском экономическом совещании (Токио, 1966 г.) японские фирмы выразили готовность к коммерческому сотрудничеству в развитии портового хозяйства на Дальнем Востоке, даже с элементами экономической помощи. Такое сотрудничество, предполагавшее модернизацию и расширение советских портов, намечалось с заключения в 1970 г. соглашения с 14 японскими фирмами о расширении порта Восточный в бухте Врангеля. Японская сторона выполнила проектные работы и поставила оборудование и металлоконструкции для порта в счет кредита в 80 млн дол. Изначально сроком погашения кредита устанавливался 1973-й г., позднее срок был продлен до конца 1974 г. В качестве компенсации за кредит предусматривалась организация транзитных перевозок грузов из Японии в Западную Европу по знаменитому «Сибирскому контейнерному мосту». За 1970–1975 гг. в счет компенсации было перевезено более 3,5 млн т японских грузов.

Транспортные проблемы заметно обострились к середине 1970-х гг. Еще в 1970 г. советское руководство приступило к строительству отдельных частей новой широтной железнодорожной магистрали. Предполагалось, что с построением БАМ положение с экспортными поставками кардинально изменится. Магистраль связывала Сибирь и Дальний Восток с морскими портами наиболее коротким, и, следовательно, более экономичным путем. К тому же она прокладывалась в богатых ресурсами районах, что значительно облегчало и удешевляло вывоз нефти, леса, южно-якутских коксующихся углей, удоканской меди и т.д. Строительство магистрали делало реальным выполнение задачи экспортной специализации ряда отраслей промышленности в обширном регионе.

Однако расчет на быстрое решение проблем финансирования и материального обеспечения гигантской стройки при помощи партнерства с зарубежными потребителями сибирского сырья не оправдался. Прежде всего, Япония отнеслась к проекту сдержанно. Необходимое оборудование и оснащение для строительства БАМ пришлось закупать с использованием валютных запасов страны – кредитов под эту стройку получить не удалось. В 1975–1980 гг. для строитель-

ства БАМ было приобретено почти 10 тыс. грузовиков западногерманской фирмы «Магирус-Дойч», 166 экскаваторов «Като», 199 бульдозеров «Комацу», 650 подъемных кранов на автошасси «Ката», 250 бульдозеров и тракторов фирмы «Катерпиллер» и 190 стовосьмидесятитонных самосвалов канадского производства. Для БАМа закупалось также оборудование для проходки тоннелей – во Франции, ФРГ и Японии, кроме того, часть эксплуатационного оборудования и, конечно же, потребительские товары. Не сбылись и надежды на широкое участие зарубежных фирм в освоении прилегающей к БАМ территории.

Таким образом, цели освоения ресурсов Сибири в рамках «Генеральной перспективы» были достигнуты с серьезной структурной деформацией. Роль региона в экспорте страны и обеспечении валютной выручки многократно возросла, но структура поставок по-прежнему оставалась смещена в сторону первичных и промежуточных товарных позиций, связанных с добычей и переработкой природного сырья.

УДК 55(47+57)(092)929

Н.А. КУПЕРШТОХ

СИБИРСКИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ АКАДЕМИКА А.Л. ЯНШИНА: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО*

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: nataly.kuper@gmail.com

В статье рассматривается деятельность академика А.Л. Яншина (1911–1999) по организации научных исследований в Институте геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР. Результатами научного поиска под его руководством стали открытия крупных месторождений природных ресурсов, необходимых для развития производительных сил Сибири и сопредельных территорий.

Ключевые слова: академик А.Л. Яншин, исследования в области геологии, Институт геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР.

Александр Леонидович Яншин (1911–1999) – выдающийся ученый-геолог, жизни и творчеству которого посвящены коллективные работы [1; 2; 3], материалы к биобиблиографии [4; 5], разделы в книгах о геологах [6; 7], другие публикации [8; 9; 10; 11; 12]. Тем не менее приходится констатировать, что основу большинства работ составляют воспоминания его коллег и учеников. За исключением публикации документов из семейного архива Яншиных [13], архивные ис-

ЛИТЕРАТУРА

1. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр. отчет. М., 1959. Т. 2.
2. Непрусов А. Восточным районам СССР – мощную экспортную базу // Внешняя торговля. 1963. № 7.
3. Внешняя торговля. 1962. № 10.
4. Дебабов С.А. Советско-японские торгово-экономические связи. М., 1976.
5. Pitzner-Yorgensen F. Siberia – foreign investment and trade, a comparison of recent experiences (after 1950) of CMEA and Western countries // Siberia. Paris, 1985. P. 360.
6. Новый этап сотрудничества СССР с развитыми капиталистическими странами. М., 1978.
7. Карабаев А.П. Возможности развития экономических связей советского Дальнего Востока и Восточной Сибири с тихоокеанскими странами Латинской Америки. М., 1969.
8. История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 2, кн. 2.
9. Внешняя торговля. 1978. № 4.
10. Karger A., Liebmann C. Sibirien. Strukturen und Funktionen ressourcenorientierten Industrientwicklung. Köln, 1986. S. 33.
11. Известия АН СССР. Серия экономическая. 1986. № 6.

точники сибирского периода жизни А.Л. Яншина практически не введены в научный оборот.

Цель настоящей статьи – на основе новых документов и опубликованных воспоминаний его коллег и учеников показать деятельность А.Л. Яншина по организации научных исследований в Институте геологии и геофизики СО АН СССР, значение его научных открытий для развития производительных сил Сибири и сопредельных территорий.

По признанию специалистов, А.Л. Яншин внес фундаментальный вклад в такие области науки, как тектоника, стратиграфия, литология, геоморфология, в учение об осадочных полезных ископаемых, а в по-

* Статья подготовлена в рамках Интеграционного проекта СО РАН № 8 «Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе в XX столетии».

следние годы жизни – в разработку проблем глобальной геологии и геоэкологии. Академика Яншина по праву называли ученым-энциклопедистом: он хорошо разбирался не только в науках о Земле, но также в философии, истории, литературе и искусстве [2, кн. 1, с. 19–20].

Феномен личности А.Л. Яншина можно постичь, лишь глубоко изучив его биографию. Отец будущего академика, Леонид Александрович Яншин, получив диплом юридического факультета МГУ, работал по специальности в Смоленске. Мать, Мария Петровна, урожденная Ланина, много времени посвящала домашнему образованию сына. Именно в семье Александру привили интерес к познанию природных явлений, вкус к поэзии и гуманитарному знанию.

В 1928 г. после окончания опытно-показательной школы при педагогическом факультете Смоленского университета Александр успешно сдал вступительные экзамены в МГУ, однако в студенты не был зачислен из-за «неправильного» социального происхождения. Как вольнослушатель, А.Л. Яншин посещал лекции на геологическом факультете, которые читали А.Д. Архангельский, Е.В. Милановский, А.Н. Мазарович и др. Позднее он вспоминал: «В общем-то я выборочно – по нужным мне специальностям – прослушал весь университетский курс...» [14, с. 289].

В 1929 г. А.Л. Яншин окончил двухмесячные курсы коллекторов при Научном институте по удобрениям ВСНХ СССР (НИУ), был принят в штат горно-геологического отдела этого института и выехал в составе экспедиции В.И. Тамман в Западный Казахстан с целью выявить запасы верхнемеловых фосфоритов в Актюбинской области. Результатом работы экспедиции стало открытие крупного месторождения минерального сырья, достаточного для промышленного освоения.

Первый же полевой сезон оказался для А.Л. Яншина удачным. Дирекция НИУ способствовала дальнейшему профессиональному росту молодого сотрудника и разрешила посещать лекции в Московском геолого-разведочном институте, образованном путем слияния геологического факультета МГУ и геолого-разведочного факультета Московской горной академии. Знания, полученные в вузе, а также индивидуальные консультации академика А.Д. Архангельского, профессора Д.И. Иловайского и других известных геологов позволили А.Л. Яншину подготовить первую публикацию о геолого-поисковых работах экспедиции 1929 г. [4, с. 39].

В качестве геолога и начальника партий НИУ молодой ученый проводил самостоятельные поисковые работы фосфоритов, бокситов, артезианских вод в районах Западного Казахстана и Южного Урала. За шесть лет работы в этом отраслевом институте он прошел хорошую школу полевого геолога и стал подлинным знатоком региональной геологии. Комплексный подход к изучаемым объектам, а также интерес к палеонтологии и стратиграфии, возникший под влиянием профессора Д.И. Иловайского, помогли ему в возрасте 23 лет подготовить и издать первую монографию «Юр-

ские отложения и месторождения бокситов на Южном Урале» (в соавторстве с П.Л. Безруковым) [4, с. 39].

Поэтому не случайно при организации Геологического института АН СССР (ГИН) в 1936 г. А.Л. Яншина пригласили на должность старшего научного сотрудника тектонического отдела, возглавляемого Н.С. Шатским. Дискуссии по актуальным проблемам геологии, которые выдающийся российский ученый Н.С. Шатский инициировал в коллективе, благотворно сказались на повышении теоретического уровня исследований А.В. Пейве, Н.П. Хераскова, Н.А. Штрейса, А.Л. Яншина и других представителей его научной тектонической школы.

Практический опыт полевого геолога был дополнен работой в составе Мугоджарской комплексной экспедиции СОПС под руководством И.И. Малышева. А.Л. Яншин установил, что Тянь-Шанская и Уральская складчатые системы являются разновозрастными и различными по строению. Тем самым было положено начало его фундаментальным, в основном стратиграфическим, исследованиям Северного Приаралья [1, с. 58–60].

В 1937 г. директор ГИН академик А.Д. Архангельский поставил вопрос о присуждении А.Л. Яншину ученой степени кандидата геолого-минералогических наук по совокупности опубликованных работ, без защиты диссертации, «дабы покрыть отсутствие диплома» о высшем образовании [14, с. 288]. В этом же году молодой ученый принял участие в работе XVII сессии Международного геологического конгресса как один из авторов атласа палеографических схем – приложения к коллективной монографии «Краткий очерк геологического строения и геологической истории СССР».

В годы Великой Отечественной войны А.Л. Яншин участвовал в организации Западно-Казахстанского геологического управления, треста «Актыубогуль», треста «Актыубнефтеразведка». Он внес большой вклад в открытие ряда месторождений минерального сырья, необходимого для военных нужд, и пресных артезианских вод, в которых испытывала острую потребность железнодорожная магистраль Западного Казахстана. Вклад ученого в создание оборонного потенциала страны отмечен несколькими орденами [12, с. 293].

В послевоенные годы А.Л. Яншин возобновил прерванные исследования и в 1952 г. защитил диссертацию «Геология Северного Приаралья» (диплом доктора геолого-минералогических наук выдан в 1953 г.¹). Изданная вслед за этим фундаментальная монография «Геология Северного Приаралья. Стратиграфия и история геологического развития» получила высокую оценку специалистов и была удостоена премии им. А.П. Карпинского АН СССР. В 1956 г. А.Л. Яншин возглавил отдел региональной тектоники ГИН и принял активное участие в составлении тектонических карт СССР под руководством академика Н.С. Шатского.

¹ Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 546. Л. 17.

По воспоминаниям академика Б.С. Соколова, Александр Леонидович «даже среди опытных и широко известных геологов Москвы выделялся необычайным разнообразием интересов, фундаментальной направленностью исследований» [9, с. 338]. А.А. Трофимуку, организатору Института геологии и геофизики в составе Сибирского отделения АН СССР, также доводилось слушать «блестящие по форме и содержанию доклады Александра Леонидовича, прекрасного эрудита, энциклопедиста» [15, с. 27].

Не удивительно поэтому, что А.А. Трофимук решил пригласить А.Л. Яншина в свою команду. После того, как Александр Леонидович дал согласие ехать в Сибирь, директор ГИН Н.С. Шатский поставил условие, что отдаст своего сотрудника только в том случае, если его сразу выберут академиком.

11 марта 1958 г. члены Ученого совета ГИН единогласно выдвинули кандидатуру А.Л. Яншина для участия в выборах АН СССР по Сибирскому отделению². В отзыве института всесторонне охарактеризован вклад ученого в такие области науки, как стратиграфия, тектоника и литология. Коллеги выражали надежду, что «он сумеет организовать научно-исследовательскую работу в Сибири в комплексе, охватывающем три перечисленные направления»³. А.Л. Яншин получил также поддержку специалистов из Палеонтологического института АН СССР.

13 марта 1958 г. в блестящем отзыве о научной деятельности А.Л. Яншина академик Н.С. Шатский особо подчеркнул, что «к геологическим исследованиям он пришел не через обучение в высшей школе, а, наоборот – на творческой исследовательской полевой работе он научился геологии. В истории геологии можно найти много ученых с аналогичной историей их научного роста, и все эти геологи всегда играли крупную роль в прогрессе наук о Земле»⁴.

24 марта 1958 г. на Общем собрании Отделения геолого-географических наук АН СССР академик Н.С. Шатский отметил, что А.Л. Яншин сможет обеспечить высокий уровень исследований в новом институте, поскольку «в работах, касающихся региональной и нефтяной геологии вообще, Яншин по-новому решает вопросы и в СССР, и в мировом масштабе»⁵.

Академик К.И. Сатпаев также высказался за избрание А.Л. Яншина действительным членом АН СССР, минуя ступень члена-корреспондента: «Если бы Яншин переехал в Сибирь, то при его глубокой эрудиции и горячем научном темпераменте он сыграл бы очень большую и полезную роль в работе Сибирского отделения»⁶.

28 марта 1958 г. на Общем собрании АН СССР А.Л. Яншина избрали академиком на вакансию Сибирского отделения по специальности «Геология и геогра-

фия»⁷. Это знаменательное событие произошло в день его рождения – Александру Леонидовичу исполнилось 47 лет. С этого времени он почти четверть века занимался развитием научного и производственного потенциала Сибири и прилегающих территорий.

15 августа 1958 г. Президиум АН СССР утвердил академиков В.С. Соболева, А.Л. Яншина и члена-корреспондента АН СССР Э.Э. Фотиади заместителями директора сибирского Института геологии и геофизики (ИГиГ)⁸. С самого начала А.Л. Яншин курировал научно-организационную деятельность сектора осадочных пород и тектоники (в дальнейшем его название менялось), состоявшего из нескольких отделов, лабораторий и исследовательских групп. Из отчета А.Л. Яншина за 1959 г. следует, что на первом этапе формирования сектора он сыграл большую роль как консультант и координатор тематики исследований входящих в него подразделений⁹.

Александр Леонидович сразу же включился в работу по координации деятельности академических и отраслевых институтов в регионе. В 1960 г. он совместно с А.А. Трофимуком опубликовал в «Вестнике Академии наук СССР» программную статью о задачах геологических учреждений Сибири. В ней подчеркивалась приоритетность изучения закономерностей размещения «таких дефицитных для региона ресурсов, как нефть и горючие газы, калийные соли, фосфориты, бокситы, руды некоторых цветных и редких металлов» [16, с. 57].

С начала 1960-х гг. академик А.Л. Яншин являлся одним из руководителей крупной комплексной научной программы ИГиГ – «Условия образования осадочных пород и полезных ископаемых, с ними связанных». Он с присущей ему энергией занялся весьма актуальной проблемой – выявлением в Сибири и на Дальнем Востоке агрохимического сырья, прежде всего фосфоритов и калийных солей, необходимых в производстве минеральных удобрений для сельского хозяйства. Совместно с геологическими управлениями и отраслевыми институтами он организовал в 1961 г. совещание по оценке перспектив и обоснованию поисков минеральных ресурсов в регионе¹⁰.

Участники совещания рекомендовали создать постоянную Межведомственную комиссию по координации работ в области поиска фосфоритов и калийных солей на территории Сибири и Дальнего Востока во главе с академиком А.Л. Яншиным. О том, какое важное экономическое значение для региона будут иметь открытия месторождений минерального сырья, и о первых результатах по их изысканию председатель комиссии А.Л. Яншин подробно рассказал в специальной публикации [17].

Благодаря его усилиям в ИГиГ была создана научная школа в области геологии и вещественного со-

² Там же. Л. 261–262.

³ Там же. Л. 60.

⁴ Там же. Л. 50.

⁵ Архив РАН. Ф. 535. Д. 355. Л. 58.

⁶ Там же. Л. 45.

⁷ НАСО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 546. Л. 18.

⁸ Там же. Л. 274.

⁹ Там же. Л. 64–65.

¹⁰ Там же. Оп. 3. Д. 182а. Л. 103.

става фосфоритов и калийных солей. Академик А.Л. Яншин определял стратегию поисковых и разведочных работ агрономического сырья Сибири. Уже в первой половине 1960-х гг. были обнаружены месторождения минерального сырья в Горной Шории, Восточных Саянах и в других районах Сибири. В дальнейшем на основе научных прогнозов А.Л. Яншина и его коллег открыты крупнейшие в мире запасы сырья Непского калиеносного бассейна в Иркутской области и Хубсугульского фосфоритоносного бассейна на границе юга Сибири и Монголии.

В конце 1970-х гг., будучи одним из инициаторов подготовки комплексной программы «Сибирь», А.Л. Яншин возглавил исследования по проблеме «Агрономическое сырье Сибири и его использование».

Главными направлениями научной деятельности академика А.Л. Яншина в рамках научной программы ИГиГ «Тектонические процессы и строение земной коры» стали подготовка монографии «Тектонический анализ мощностей» (1960 г., совместно с Р.Г. Гарецким) и сравнительно-тектоническое изучение молодых платформ. В отчете за 1962 г. он отмечал, что «закономерности тектонического строения молодых платформ известны еще далеко недостаточно. Между тем, судя по Западной Сибири и Средней Азии, эти закономерности очень важны для поисков и правильного освоения новых нефтегазоносных площадей»¹¹.

Результаты изучения Западно-Сибирской и Туранской плит и другие материалы по региональной геологии А.Л. Яншин широко использовал для подготовки тектонических карт отдельных территорий и Евразии.

Работа по составлению тектонической карты Евразии была начата А.Л. Яншиным еще в Москве в соответствии с соглашением, достигнутым в 1957 г. между Академиями наук СССР и КНР. С организацией СО АН СССР А.Л. Яншин ввел в состав исполнителей проекта сотрудников ИГиГ и других региональных институтов. С целью координации работ в области изучения проблем тектоники был создан специальный Научный совет по тектонике Сибири и Дальнего Востока, в деятельности которого А.Л. Яншин принимал самое активное участие.

Первый макет тектонической карты Евразии обсуждался не только на международных мероприятиях в Пекине и Копенгагене, но также на I Всесоюзном совещании по геологии и металлогении Тихоокеанского пояса во Владивостоке. Участники совещания, организованного Сибирским отделением в 1961 г., выразили надежду, что карта станет надежной основой для металлогенических прогнозов¹².

В 1966 г. «Тектоническая карта Евразии» масштаба 1 : 5 000 000 была опубликована одновременно с монографией «Тектоника Евразии» (главный редактор – А.Л. Яншин), представленной в виде объяснительной записки к этой карте. Их следует рассматривать как картографическую и текстовую части единого

труда, в котором дан синтез сведений о строении и истории развития земной коры крупнейшего материка [2, кн. 1, с. 34]. Заслуги коллектива специалистов во главе с академиком А.Л. Яншиным в подготовке и реализации этого проекта, имеющего большое международное значение, были отмечены присуждением в 1969 г. Государственной премии СССР.

За серию работ по проблемам тектоники и исследования в области геологических процессов, включая территорию Сибири и Дальнего Востока, А.Л. Яншин был удостоен в 1973 г. Золотой медали им. А.П. Карпинского¹³. Под его руководством был составлен также «Атлас тектонических карт и опорных профилей Сибири» и написана сопровождающая его монография «Тектоника и эволюция земной коры Сибири» (1988 г.).

В конце 1970 г., в связи с приближающимся 60-летием академика А.Л. Яншина, в ИГиГ подготовили развернутое обоснование для представления его к правительственной награде. Отмечалось, что Александр Леонидович возглавлял целый ряд научных проектов, среди которых – «История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока»¹⁴. Напряженная работа по указанной теме началась еще в начале 1960-х гг. и имела целью реконструировать и теоретически осмыслить историю развития рельефа этих территорий в мезозое и кайнозое. Идея оформить результаты в многотомную серию с таким же названием принадлежала члену-корреспонденту АН СССР В.Н. Саксу. Редколлекцию издания возглавил член-корреспондент АН СССР Н.А. Флоренсов, а общее научное руководство проектом – академик А.Л. Яншин. Он сумел привлечь к выполнению этой грандиозной работы около 70 ведущих специалистов из академических и отраслевых институтов, вузов и производственных организаций [18, с. 174].

В 1978 г. авторский коллектив серии во главе с академиком Яншиным, в рамках которой было опубликовано 10 томов по отдельным регионам Сибири и Дальнего Востока и 5 обобщающих теоретических томов, был удостоен Государственной премии СССР.

Академик А.Л. Яншин щедро одарил сибирский регион своими научными открытиями. Его вклад в развитие науки и производственного потенциала Сибири отмечен вручением ему трех орденов Ленина и других наград, присуждением двух Государственных премий СССР, присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда (1981 г.).

В октябре 1982 г. академик А.Л. Яншин, бесменный заместитель директора ИГиГ академика А.А. Трофимука, попросил освободить его от занимаемой должности и от руководства сектором стратиграфии, тектоники, литологии и осадочных полезных ископаемых в связи с избранием вице-президентом АН СССР. Он обещал завершить работу по всем проектам, которые курировал в Сибирском отделении¹⁵, и слово свое сдержал. Уже работая в Москве, он принимал актив-

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 546. Л. 91.

¹² Там же. Л. 68.

¹³ Там же. Л. 244.

¹⁴ Там же. Л. 241.

¹⁵ Там же. Л. 281.

ное участие в обсуждении сибирских проблем, касавшихся защиты оз. Байкал, пресловутой переброски сибирских рек и др.

Дальнейшая задача историков науки заключается в том, чтобы на основе широкого круга источников наиболее полно воссоздать научную и научно-организационную деятельность академика А.Л. Яншина в Сибири.

В заключение автор благодарит за помощь в выявлении документов начальника Научного архива СО РАН Т.Н. Мартынову.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваш Яншин / под ред. А.Э. Конторовича. Новосибирск, 2004.
2. Академик Александр Леонидович Яншин. Материалы, воспоминания: в 2 кн. / под ред. Б.С. Соколова. М., 2005.
3. *Гарецкий Р.Г.* Академик Яншин – дорогой мой учитель и друг. М., 2005.
4. Александр Леонидович Яншин. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия геологических наук. М., 1972. Вып. 23.
5. Александр Леонидович Яншин. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия геологических наук. М., 1991. Вып. 42.
6. *Пуцаровский Ю.М.* Феномен Александра Леонидовича Яншина // Среди геологов: Очерки об ученых. М., 1999. С. 62–80.
7. Яншин Александр Леонидович // *Соловьев Ю.Я., Бессуднова З.А., Пржедецкая Л.Т.* Отечественные действительные и почетные члены Российской академии наук. XVIII–XX вв. Геология и горные науки. М., 2000. С. 275–280.
8. *Бгатов В.И., Борукаев Ч.Б., Гольдин С.В. и др.* Выдающийся исследователь и гражданин (к 85-летию академика Александра Леонидовича Яншина) // Геология и геофизика. 1996. Т. 37, № 3. С. 112–113.
9. *Соколов Б.С.* Ученый-энциклопедист: к 90-летию со дня рождения академика А.Л. Яншина // Вестн. РАН. 2001. Т. 71, № 4. С. 336–340.
10. *Добрецов Н.Л., Конторович А.Э., Лавров Н.П., Соболев Н.В.* Научное наследие академика А.Л. Яншина // Геология и геофизика: Спец. выпуск, посв. 90-летию со дня рождения А.Л. Яншина. 2001. Т. 42, № 4. С. 519–521.
11. *Мелуа А.И.* Яншин Александр Леонидович // Геологи и горные инженеры России: Энциклопедия. М.; СПб., 2000. С. 693–694.
12. Яншин Александр Леонидович // Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав / под ред. В.М. Фомина. Новосибирск, 2007. С. 292–293.
13. *Яншин А.Л.* Из неопубликованного / сост. Ф.Т. Яншина. М., 2003.
14. *Ибрагимова З.* Ученый и время. Новосибирск, 1986.
15. Главный геолог / под ред. Н.Л. Добрецова, А.Э. Конторовича. Новосибирск, 2002.
16. *Трофимук А.А., Яншин А.Л.* Геология, геофизика и география Сибири (некоторые задачи учреждений Сибирского отделения) // Вестн. АН СССР. 1960. № 9. С. 52–60.
17. *Яншин А.Л.* Изучение агрономических руд Сибири // За науку в Сибири. 1963. 16 дек.
18. История развития Института геологии и геофизики СО (АН СССР и РАН) и его научных направлений / под ред. Н.Л. Добрецова. Новосибирск, 2010.

УДК 94(47).084.9(57)

М.В. КОТЛЯРОВ

ПАРТИЙНАЯ НОМЕНКЛАТУРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Информационно-аналитическое управление мэрии,
г. Новосибирск
e-mail: MV_Kotlyarov@mail.ru

В статье анализируется партийная номенклатура Западной Сибири в 1985–1991 гг. Автор показывает, что в годы перестройки произошло значительное сокращение и смена состава партийных работников. Эти меры имели противоречивые результаты. За 1985–1990 гг. практически не изменилось соотношение половозрастных и национальных групп в составе партийных кадров, однако среди них, особенно на руководящих должностях, выросло число специалистов народного хозяйства и лиц, получивших высшее партийно-политическое образование. Но самым важным итогом стало значительное уменьшение числа опытных работников в партийных комитетах. Последняя тенденция отражала ослабление роли и снижение статуса партийных комитетов в политической системе и объективно вела к дальнейшему ослаблению КПСС.

Ключевые слова: КПСС, перестройка, номенклатура, Западная Сибирь.

Партийная номенклатура являлась ключевой частью советской элиты. Она была ответственна за принятие политических решений и контролировала их реализацию. Исследование партийной номенклатуры позволит глубже понять процессы, происходившие в руководстве парторганизаций, и выявить особенности кадровой политики КПСС в годы перестройки. Проблемы истории партийной номенклатуры активно изу-

чаются А.Б. Коноваловым [1; 2], однако вопросы ее количественных и качественных характеристик остаются еще недостаточно проанализированными. Основным источником для настоящей статьи послужили статистические отчеты о численности и сменяемости номенклатурных кадров Алтайской краевой, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областных парторганизаций, содержащие данные об их половоз-

растном, образовательном и национальном составе, а также партийном и профессиональном стаже. Сведения статотчетов дополняет информация, почерпнутая из аналитических записок отделов организационно-партийной работы партийных комитетов, прессы и воспоминаний партийных деятелей.

Объектом исследования являются руководящие и ответственные работники Алтайского крайкома, Горно-Алтайского, Кемеровского, Новосибирского, Омского, Томского и Тюменского обкомов, а также 226 горкомов и райкомов Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей. К партийной номенклатуре относились секретари партийных комитетов, председатели партийных комиссий, заведующие отделами, заместители заведующих отделами, заведующие секторами, инструкторы и лекторы партийных комитетов, а также консультанты Домов политического просвещения. В начале 1985 г. в комитетах КПСС Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей штат по перечисленным должностным категориям насчитывал 4758 чел.¹, или 0,6 % от общей численности коммунистов в этих регионах. В начале 1985 г. в партийных комитетах было замещено подавляющее большинство должностей – 4676 (98,3 %).

Самым многочисленным являлся штат партийных работников в Алтайском крае – 1612 должностей. Алтайский крайком располагал 152 штатными единицами, Горно-Алтайский обком – 51, горкомы и райкомы края – 1409. Штат партийных работников в Кемеровской области составлял 962 чел. В Кемеровском обкоме было 150 должностей, в горкомах и райкомах области – 812. Штат партийных работников Новосибирской области насчитывал 906 должностей. В Новосибирском обкоме было 134 должности, в горкомах и райкомах – 772. В Омской области общее количество должностей работников обкома, горкомов и райкомов составляло 820. Омский обком имел 108 штатных единиц, горкомы и райкомы – 673. В Томской области насчитывалось 458 должностей работников партийных комитетов, причем 96 штатных единиц было в обкоме, 336 – в горкомах и райкомах.

В Западной Сибири среди партийных работников большую часть составляли мужчины в возрасте от 40 до 50 лет. Подавляющее большинство из них имели высшее образование. Около половины партийных кадров являлись специалистами народного хозяйства. В основном они состояли в КПСС не менее 15 лет. Партийные работники, как правило, были русскими по национальности.

Что касается характеристики ключевых фигур в партийной номенклатуре – первых секретарей партийных комитетов, то можно говорить о следующих отличительных чертах: первый секретарь Алтайского крайкома Н.Ф. Аксенов, первые секретари Кемеров-

ского, Новосибирского, Омского, Томского и Тюменского обкомов Л.А. Горшков, А.П. Филатов, С.И. Манякин, А.Г. Мельников, Г.П. Богомяков были старше 50 лет (Н.Ф. Аксенов – 56 лет, Л.А. Горшков – 54 года, А.П. Филатов – 62 года, С.И. Манякин – 61 год, А.Г. Мельников – 54 года, Г.П. Богомяков – 54 года). Все они имели высшее образование, профиль которого позволяет отнести их к специалистам народного хозяйства. Более того, Г.П. Богомяков получил ученую степень кандидата геолого-минералогических наук. Большинство первых секретарей обладали большим стажем работы в занимаемой должности: С.И. Манякин – 24 года, Г.П. Богомяков – 12 лет, Л.А. Горшков – 11 лет, Н.Ф. Аксенов – 9 лет, А.П. Филатов – 6 лет. Только А.Г. Мельников занимал свою должность всего два года.

В Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областях на начало 1985 г. все 226 постов первых секретарей горкомов и райкомов были полностью замещены. Практически все должности были заняты мужчинами – 219. Первые секретари, как правило, имели возраст от 40 до 50 лет. Около трети первых секретарей (72 чел., или 31,9 %) было старше 50 лет и только четверо (1,8 %) имели возраст от 31 года до 35 лет. Практически все, за исключением одного, первые секретари получили высшее образование. При этом двое из них имели степень доктора наук, а пятеро – кандидата наук. По профилю образования около двух третей первых секретарей (169 чел., или 74,8 %) являлись специалистами народного хозяйства – инженерами, агрономами, экономистами. Больше половины из них (127 чел., или 56,2 %) дополнительно получили высшее партийно-политическое образование. У большинства первых секретарей (156, или 69,9 %) партийный стаж составлял не менее 20 лет. С 1982 по 1985 г. происходила активная сменяемость на постах руководителей горкомов и райкомов, поэтому опыт работы в занимаемой должности менее трех лет имела половина первых секретарей (116 чел., или 51,3 %), тогда как со стажем не менее 10 лет насчитывалось только 34 чел. (15,0 %). Подавляющее большинство первых секретарей (204 чел., или 90,3 %) были по национальности русскими. На 12 должностях работали украинцы, две должности замещались белорусами, еще два поста занимали молдаване, по одному представителю было казахской, литовской, немецкой, татарской, чувашской и эстонской национальностей.

Состав партийной номенклатуры показывает, что комитеты КПСС Западной Сибири в середине 1980-х гг. располагали сильными кадровыми ресурсами. В партийном аппарате было адекватное соотношение опытных и молодых работников. Кадры имели высокий образовательный уровень. Среди них, особенно на постах первых секретарей, преобладали специалисты промышленного производства, транспорта, строительства и сельского хозяйства, что позволяет сделать вывод о доминировании в составе партийной номенклатуры представителей технократов. Следует заметить, что характерным свойством технократии яв-

¹ Подсчет проведен на основе статистических отчетов о составе и сменяемости номенклатуры организаций КПСС на 1 января 1985 г.

ляется отношение к обществу как к некоему механизму и вытекающее из этого упрощенное понимание процесса политического управления. Приоритетным в достижении стратегических целей для технократии является определение узкоспециальных критериев – основой решения поставленной задачи выступает, как правило, только объем тех или иных ресурсов, которые нужно вложить, чтобы активизировать любой процесс. Технократия преуменьшает ценностно-этическое измерение политики: психологию человека, социальное поведение, традиции и культуру отдельных слоев и категорий управляемого общества, что неизбежно ведет к управленческим ошибкам.

Конкретное проявление «технократических свойств» партийной номенклатуры выразилось в сосредоточении первых секретарей партийных комитетов на решении хозяйственных задач. На практике это приводило к тому, что они постоянно вторгались в компетенцию хозяйственных органов и Советов. Гораздо меньшее внимание первые секретари уделяли агитации и пропаганде. Еще одним следствием превалирования технократии среди партийной номенклатуры являлось укоренение административного стиля руководства. Первые секретари партийных комитетов воспринимали руководство вверенной им территорией как управление производственно-хозяйственным комплексом, в котором они были «директорами».

Первые секретари партийных комитетов имели большой жизненный и профессиональный опыт при высокой работоспособности, однако все они в Западной Сибири были близки к пенсионному возрасту. Примерно половина из них находилась в возрасте около пятидесяти лет. И это не могло не отразиться на эффективности их работы, так как главную свою задачу они видели в том, чтобы как можно дольше удержаться у власти, поскольку перспектива дальнейшего карьерного продвижения представлялась маловероятной. И этот фактор неизбежно создавал условия для появления негативных управленческих установок у руководителей, прежде всего – поиск компромиссов с целью сохранения стабильности своего положения. Уход с должности означал для этой когорты потерю существенных привилегий и утрату высокого социального статуса [3].

Высшее партийное руководство осознавало эту проблему. Ю.В. Андропов, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, начал обновлять состав первых секретарей крайкомов и обкомов партии. В течение 1983 г. сменилось около 20 % первых секретарей на указанном уровне [4, с. 22]. Первых секретарей крайкома и обкомов Западной Сибири эти процессы не коснулись, однако активная сменяемость партийных руководителей происходила в городских и районных комитетах.

После избрания на высший партийный пост М.С. Горбачева активная смена кадров в партийных комитетах продолжилась. По всей стране к началу 1988 г. корпус первых секретарей крайкомов и обкомов был обновлен на 61,0 %, а горкомов и райкомов – на 70,0 % [5, с. 45]. В Западной Сибири в 1985–1987 гг.

новые лица были избраны на должности первых секретарей Алтайского крайкома, Кемеровского, Омского и Томского обкомов. Причем в Кемеровской области за эти годы сменилось два первых секретаря обкома. В Западной Сибири тогда же сменилась почти половина первых секретарей горкомов и райкомов, а в целом корпус секретарей обновился на 64,7 %.

В 1988 г. сменились первые секретари в Кемеровском и Новосибирском обкомах. В том же году обновилось 17,5 % и среди первых секретарей горкомов и райкомов, а в целом корпус секретарей на этом уровне обновился на 23,3 %. Одновременно происходили значительные кадровые перестановки в аппарате партийных комитетов.

Мотивы столь жесткой кадровой политики КПСС крылись в политическом опыте М.С. Горбачева, а также в его отношении к местной партийной номенклатуре. Еще в 1970–1978 гг., будучи первым секретарем Ставропольского крайкома, он провел многочисленные замены в руководстве райкомов и райисполкомов. По его словам, такой подход к работе с кадрами оправдал себя [6, с. 368]. Другой причиной стало постепенное зревшее недоверие М.С. Горбачева к региональным и местным партийным руководителям. К осени 1986 г. у него сформировалось представление о том, что они могут затормозить перестройку [7, с. 12]. В обновлении кадров он видел способ решения этой проблемы. С целью преодоления «бюрократической инерции» в январе 1987 г. был проведен пленум ЦК КПСС по кадровым вопросам, внедривший норму выборности секретарей партийных комитетов на альтернативной основе и потребовавший «открыть дорогу» молодым, образованным и компетентным работникам.

Январский пленум ЦК КПСС 1987 г. дал начало курсу на политические и экономические реформы, важнейшим направлением которого стало ослабление роли партийных комитетов в управлении социально-экономическими процессами. Данный курс был закреплён решениями XIX Всесоюзной партийной конференции (28 июня – 3 июля 1988 г.), провозгласившей возвращение Советам законодательных, исполнительных и контрольных функций. Повышение роли Советов было увязано с необходимостью упразднить отраслевые отделы в аппарате партийных комитетов, которые участвовали в управлении экономикой. Политбюро ЦК КПСС 10 сентября 1988 г. приняло постановление, в котором рекомендовало всем местным партийным комитетам упразднить отраслевые отделы и сократить штатную численность крайкомов и обкомов на 30 % [8, с. 87, 90]. После проведения соответствующей реорганизации, в начале 1989 г. штат Алтайского крайкома стал насчитывать 106 должностей, Кемеровского обкома – 104, Новосибирского – 73, Омского – 90, Томского – 74.

В конце 1990 – начале 1991 г. произошло еще более резкое сокращение численности партийной номенклатуры, что было связано с политическим и финансовым кризисом, поразившим КПСС. В эти годы численность парторганизаций стремительно сокра-

щалась, немалая часть коммунистов перестали платить партийные взносы. Состоявшийся 2–13 июля 1990 г. XXVIII съезд КПСС вынес решения о наделении аппаратов партийных комитетов только информационно-аналитическими, прогнозно-социологическими и консультативными функциями и об оставлении 50 % взносов коммунистов в распоряжении первичных парторганизаций. Складывавшаяся политическая обстановка, решения съезда и нехватка финансовых средств заставили местные парторганизации в конце 1990 – начале 1991 г. сократить численность руководящих и ответственных работников. Как правило, сокращение происходило в 2 раза; поэтому можно предположить, что к середине 1991 г. численность партийной номенклатуры в Западной Сибири (без Тюменской области) уменьшилась до 2,2–2,3 тыс. чел.

Сравнение состава работников крайкома, обкомов, горкомов и райкомов КПСС Западной Сибири в 1985 г. и 1990 г. показывает, что в ходе активной сменяемости не произошло значительных изменений в соотношении половозрастных и национальных групп. По профилю образования состав также остался практически прежним. Однако к началу 1990 г. среди работников крайкома и обкомов на треть (до 197 чел., или 41,7 %) вырос удельный вес лиц, получивших высшее партийно-политическое образование. Одновременно почти на треть (до 23 чел., или до 4,9 %) увеличилось количество работников, имевших ученую степень кандидата наук.

При этом значительно сократился стаж работы в занимаемой должности. К началу 1990 г. по сравнению с 1985 г. на уровне крайкома и обкомов почти в 5 раз уменьшилась доля лиц, проработавших в занимаемой должности не менее пяти лет (до 30 чел., или до 6,4 %). На уровне горкомов и райкомов в начале 1990 г. доля работников, имевших опыт работы в занимаемой должности менее одного года, была в 1,5 раза больше, чем в начале 1985 г. (1165 чел., или 30,2 %), и почти в 2 раза уменьшился удельный вес работников, замещавших должности не менее пяти лет (431 чел., или 10,8 %).

В составе лиц, занимавших посты первых секретарей горкомов и райкомов, самые серьезные изменения коснулись профиля образования. За пять лет удельный вес специалистов народного хозяйства (инженеров, агрономов и экономистов) в их составе увеличился почти на 10 % (до 194 чел., или 84,7 %). Однако среди них, так же как и в общем составе партийных кадров, сократилась доля опытных руководителей. Почти в 2 раза уменьшилось число тех, кто работал в своей должности не менее пяти лет. Если в начале 1985 г. их доля составляла около трети, то в начале 1990 г. – 17,0 % (39 чел.).

В 1990–1991 гг. политическая роль и статус партийных комитетов резко снизились, власть перемещалась в Советы, поэтому тенденция к замещению должностей в партийных комитетах менее опытными кадрами продолжала развиваться. В 1991 г. Алтайский крайком, Кемеровский, Новосибирский, Омский, Томский и Тюменский обкомы КПСС возглавляли соот-

ветственно В.А. Сафронов, А.М. Зайцев, В.А. Миндолин, И.А. Назаров, А.А. Поморов и В.С. Чертищев. Они не обладали опытом работы своих предшественников и не были так известны населению регионов. К тому же А.М. Зайцев, В.А. Миндолин и И.А. Назаров не имели опыта работы даже в партийных структурах регионального уровня.

На городском и районном уровнях в составе номенклатуры также произошли негативные изменения. Например, в Новосибирской области в ходе отчетно-выборных конференций в 1990 г. сменился 51 секретарь, в том числе 22 первых. Такая высокая сменяемость сильно сократила количество опытных кадров. На начало 1991 г. около половины секретарей горкомов и райкомов имели стаж работы до одного года. В целом каждый второй работник в партийных комитетах области занимал свою должность менее одного года².

Резкие сокращения и смена кадров имели серьезные последствия для парторганизаций. Благодаря обновлению в персональном составе руководителей, парторганизации приобретали «новое лицо», что было важно с точки зрения идеологии перестройки и не осталось не замеченным общественностью. Вместе с этим активные кадровые перестановки и сокращение численности партийных работников стали фактором ослабления политического потенциала парторганизаций. К руководству партийными комитетами пришли люди, не обладавшие большим опытом работы в структурах КПСС или на руководящих должностях на крупных предприятиях, в органах государственной власти, они были менее известны населению, чем предыдущие руководители. По этим причинам они не рассматривались исключительно важным в условиях разрушения политических и экономических институтов ресурсом – личными связями в кругу административно-политической и экономической элиты, а также политической популярностью. В свою очередь увеличение количества «технарей» в среде первых секретарей партийных комитетов создавало серьезные проблемы для выстраивания партийными комитетами новой политической коммуникации в условиях состязательной демократии. Партийным руководителям не хватало знания гуманитарных дисциплин, навыков публичных выступлений, умения вести полемику в печати и на телевидении.

Не прекращавшаяся «кадровая перетряска», которая сопровождалась снижением роли и статуса партийных комитетов и критикой в их адрес со стороны СМИ, стала важнейшей причиной роста недовольства в среде партийной номенклатуры политикой Генерального секретаря ЦК КПСС. В 1990–1991 гг. секретари партийных комитетов неоднократно публично жаловались на «организованное гонение», порождавшее у них неуверенность в своем положении, желание оставить партийную работу³. Такого рода настроения по-

² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 382. Л. 63²64.

³ См. например: ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 151. Д. 29. Л. 26; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 159. Д. 1069. Л. 25–65.

догревались начавшимся в конце 1990 г. резким сокращением численности номенклатуры. В 1991 г. партийные кадры жили в обстановке полной неопределенности, были озабочены своим будущим, многие искали новое место работы. Опытные работники продолжали покидать партийные комитеты, переходя на работу в Советы и хозяйственные органы.

Перестройка стала временем значительного сокращения и обновления состава партийной номенклатуры. Сменяемость кадров имела противоречивые результаты. Она практически не изменила соотношения удельного веса половозрастных и национальных групп в составе партийных работников, однако среди них, особенно на руководящих должностях, увеличилось число специалистов народного хозяйства и лиц с высшим партийно-политическим образованием. Но самым важным итогом стало значительное уменьшение числа опытных кадров в партийных комитетах, что

отражало в первую очередь снижение роли и статуса партийных комитетов в политической системе и объективно вело к дальнейшему ослаблению КПСС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коновалов А.Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). Кемерово, 2004.
2. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006.
3. Кузнецова П.Ю. Эволюция регионального аппарата КПСС как социальной группы (1965–1985 гг.): Автореф. ... дис. канд. соц. наук. Пермь, 2007.
4. Лигачев Е.К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992.
5. Волгин В.И. Эволюция КПСС в 1985–1991 гг. (историко-политологическое исследование): Дис. ... канд. полит. наук. М., 2000.
6. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1996. Т. 1.
7. Перестройка: десять лет спустя. М., 1993.
8. Известия ЦК КПСС. 1989. № 1.

УДК 94(470)

И.Б. КАРПУНИНА

ФЕРМЕРСКИЕ ХОЗЯЙСТВА КАК ЧАСТЬ АГРАРНОГО СЕКТОРА СИБИРИ В 1990-е гг.

канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: agro@history.nsc.ru

В статье рассматривается создание нового сектора в аграрной экономике Сибири в 1990-е гг., его значение и вклад в сельскохозяйственное производство, а также причины невысокой эффективности.

Ключевые слова: аграрная реформа, фермерские хозяйства, сельскохозяйственное производство, Сибирь.

Аграрная реформа, начавшаяся в России в 1990-е гг., несмотря на ее разрушительные последствия, привела к появлению признаков многоукладной экономики, к новым, частично-индивидуальным, формам хозяйствования. Работники колхозов и совхозов в связи с реорганизацией последних, а, по сути, с развалом многих из них, приходили к осознанию необходимости решения своих проблем собственными силами. Повышение социальной активности сельского населения в условиях выживания проявилось в сфере предпринимательской деятельности, в расширении личных подсобных хозяйств, в создании частных предприятий. Многие сельские жители, пытаясь приспособиться к сложившейся ситуации, осваивали нетрадиционные сферы занятости, обращались к неформальным, т.е. скрытым от государственной регистрации, каналам извлечения доходов. Официальная же статистика стала выделять в аграрном секторе российской экономики три категории хозяйств: сельскохозяйственные

предприятия, хозяйства населения и крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ).

С 1990 г. в стране начала формироваться законодательная база аграрной реформы, обеспечивая правовую основу созданию фермерских хозяйств. Если раньше фермерами называли всех, кто обладал хоть какой-то самостоятельностью и представлял альтернативу работникам коллективных хозяйств (к ним относили даже работавших на внутривладельческой аренде), то с появлением закона от 22 ноября 1990 г. «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [1, с. 15–29] официально признавалось, что в России появилась новая социальная категория граждан. Слово «фермер», упоминаемое до этого лишь в обиходном разговоре, вводилось в хозяйственную, общественно-политическую и научную лексику. А само фермерское хозяйство определялось как самостоятельный хозяйствующий субъект с правами юридического лица, предоставляемыми отдельным гражданам, семье или группе лиц,

Т а б л и ц а 1

Число КФХ в России и Сибири и площади их земельных участков в 1990-е гг.*

Годы**	Россия	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
<i>Число КФХ, тыс.</i>			
1992	49,0	6,1	2,4
1993	182,8	20,0	9,5
1994	270,0	31,0	15,3
1995	280,1	30,4	17,4
1996	278,6	28,6	16,1
1997	274,3	27,2	15,7
1998	270,3	26,5	14,9
1999	261,1	25,3	14,3
<i>Средний размер земельного участка, га</i>			
1992	42	55	65
1993	43	58	68
1994	42	62	61
1995	43	69	60
1996	44	79	62
1997	48	91	64
1998	51	103	63
1999	55	109	65

*Российский статистический ежегодник. 1994: Стат. сб. М., 1994. С. 711, 713; Сельскохозяйственная деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств в России: Стат. сб. М., 2000. С. 49, 51, 52.

**Данные 1992–1994 гг. – на начало года, 1995–1999 гг. – на конец года.

осуществляющих производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции на основе использования имущества и земельных участков, находящихся в их пользовании, в том числе в аренде, в пожизненном наследуемом владении или в собственности. Такое хозяйство объявлялось формой свободного предпринимательства, осуществляемого на принципах экономической выгоды.

Формирование законодательной базы, а также меры по обеспечению экономической поддержки формирующихся хозяйств (льготное налогообложение, дешевые и доступные кредиты на приобретение техники, значительное финансирование из федерального, и местного бюджетов) привели к резкому росту численности крестьянских (фермерских) хозяйств в начале 1990-х гг. (табл. 1).

Раздел всей земли на доли, а имущества на паи между работниками реорганизуемых колхозов и совхозов создавал материальную основу для организации фермерских хозяйств. Предполагалось, что каждый владелец земельной доли и имущественного пая мог беспрепятственно выйти из сельхозпредприятия с получением определенного участка земли и имущества

в виде техники, скота и пр. Фермеры могли получить землю и из местного фонда перераспределения, а также имели возможность прирастить ее с помощью аренды. Поэтому новое хозяйство организовывали не только сельские жители, но и горожане. Конечно, это новое дело начиналось не без преодоления различных трудностей, ибо отсутствовал механизм реализации закона, имело место противодействие со стороны бюрократического аппарата, препятствовавшего выходу работников из коллективного хозяйства, а также предоставление участков земли низкого качества и т.п. И тем не менее вопреки всему именно в начале 1990-х гг. создавались многие успешно работавшие хозяйства. Наиболее крупные и обеспеченные возникали при использовании так называемого административного ресурса – их главами становились бывшие руководители и специалисты сельхозпредприятий, имевшие возможности для получения лучших участков земли и техники в достаточном количестве.

Пик фермерского движения приходится на середину 1990-х гг. Затем начинается спад, о чем можно судить по данным табл. 1. В этот период фермерское развитие происходило на фоне системного кризиса в экономике, нараставшего диспаритета цен на продукцию сельского хозяйства и ресурсы производства, дефицита финансовых средств, незавершенности законодательной базы функционирования КФХ. Обещанные ранее преференции не выполнялись. И хотя в многочисленных законах, указах Президента РФ, постановлениях правительства, принятых с момента начала аграрных преобразований, говорилось о значении нового сектора, внимание ему со стороны властей уделялось все меньше. Уже в конце 1992 г. правительство провозглашает политику равного отношения власти ко всем формам хозяйствования на селе, что фактически означало свертывание государственной поддержки фермерских хозяйств.

Выросли налоги и кредиты (в 1993 г. кредитная банковская ставка поднялась с 13 до 213 % годовых), повышалась арендная плата на землю, а финансирование фермерских хозяйств из федерального и местного бюджетов, наоборот, снижалось. Так, в областном бюджете Новосибирской области в 1994 г. на нужды КФХ было предусмотрено 6,7 млн руб., а выделено 4,3 млн, в 1995 г. – соответственно 9,3 млн и 5,3 млн, в 1996 г. – 5,0 млн и 2,0 млн, в 1997 г. – 6,5 млн и 3,1 млн, в 1998 г. – 3,0 млн и 1,75 млн. И если в 1993 г. на бюджетные средства фермеры области могли приобрести 1200 тракторов, то уже в 1998 г. – только 11 [2, с. 44]. В этих условиях распаться и сворачивать свою деятельность стало больше хозяйств, чем возникать новых.

Однако в большинстве своем фермерские хозяйства и в условиях прекратившейся государственной поддержки сумели выстоять. Более того, общая площадь их земель возрастала. Эффективно работавшие хозяйства брали на условиях долгосрочной аренды, иногда покупали или обменивали дополнительное количество земельных паев у пенсионеров и работников

сельхозпредприятий, которые не могли или не хотели самостоятельно их обрабатывать. И такой процесс концентрации земельных, а также имущественных паев, полученных в результате ранее проведенной приватизации, развивался довольно успешно. В результате в Западной Сибири сельхозугодья фермерского сектора за 1995–1999 гг. увеличились с 1758,4 тыс. до 2442,7 тыс. га, в том числе пашня – с 1301,3 тыс. до 1926,0 тыс. га. В Восточной Сибири, несмотря на некоторое сокращение сельхозугодий (с 877,7 тыс. до 813,5 тыс. га), площадь пашни возросла с 344,3 тыс. до 382,7 тыс. га. Средний размер земельного участка КФХ за это время в Западной Сибири поднялся с 69 до 109 га, в Восточной – с 60 до 65 га. Особенно крупными земельные наделы в конце 1990-х гг. были у фермеров Республики Алтай (186 га), Алтайского края (156 га), Читинской (136 га) и Тюменской (113 га) областей [3, с. 273].

Вместе с тем происходил процесс расслоения фермерских хозяйств по размерам находившихся у них земельных участков. К концу 1990-х гг. в Алтайском крае 14 % КФХ имели земельные участки, не превышающие 20 га, 29 % – 70, 34 % – 200 га. Крупные хозяйства составляли 23 % от их общего числа, но владели 66 % всей земли фермерского сектора края. В Омской области самые большие хозяйства, а их насчитывалось всего 75 (1,1 % от их общего количества), сосредоточивали 17,1 % земли [4, с. 19–24]. Крупнейшим в России являлось зерновое фермерское хозяйство «Орбита» из Одесского района области, которое в середине 1990-х гг. имело 1,7 тыс. га земли, а к 2000-м расширилось до 28 тыс. га. Можно называть и другие крупные (и, как правило, успешные) хозяйства и имена их руководителей, но они составляли небольшую долю в общей численности. К началу 2000-х гг. свыше половины фермеров России располагали земельными участками площадью до 20 га и только 9 % – 100 га и более, а оптимальным для российского фермерского зернового хозяйства признается участок в 300 га [5, с. 415].

Безусловно, официальная статистика принимает в расчет только те фермерские хозяйства, которые были зарегистрированы на основе действующего законодательства. На эти данные опираются и исследователи, изучающие процесс развития фермерства в стране. Однако многие из них подчеркивают, что фермерство в целом было весьма неоднородным. К концу 1990-х гг. оно расслоилось настолько, что само понятие «фермерское хозяйство» могло означать и сравнительно мелкое семейное хозяйство, мало чем отличавшееся от личного подсобного, с ориентацией на самовыживание и простое самовоспроизводство, и крупное предпринимательское предприятие с большим земельным наделом. Е.Ю. Унжакова подчеркивает условность разделения производителей сельхозпродукции на коллективные, индивидуальные и фермерские. По ее мнению, «существуют индивидуальные хозяйства, производящие товар на продажу и от фермеров отличающиеся только формальным статусом; есть

фермеры, фактически не ведущие товарного хозяйства и использующие свой статус для махинаций с займами или землей. Многие успешные фермерские хозяйства практически дублируют бывшие колхозы или совхозы: их возглавляют бывшие администраторы, сумевшие после ликвидации коллективного предприятия оставить за собой материально-техническое обеспечение, – они избавились от долгов предприятия путем его формальной ликвидации, но организуют получившее новый статус хозяйство прежними способами и с прежними же работниками. На базе развалившихся, обнищавших, но сохранивших статус коллективных хозяйств нередко процветают более мелкие образования, формально не существующие, а реально являющиеся фермерскими» [6, с. 452].

Некоторые исследователи к реальным фермерам относят и хозяев личных подворий, поскольку фактически они производят продукцию не только для себя, но и для продажи. По данным официальной статистики, в 2000 г. хозяйства населения России оказались производительнее крупных хозяйств в расчете на один гектар земли в 17,7 раза, фермерских хозяйств – в 23,2 раза. Благодаря земельному переделу доля сельхозпродукции ЛПХ стала доминировать в валовой продукции села, достигнув почти 50 % (по картофелю – более 90 %, по другим овощам – около 80, по мясу – 60, по молоку – около 50 %) [6, с. 289, 291, 292]. То же самое можно сказать и о ситуации в Сибири, где число семей, ведущих фермерское хозяйство, увеличилось за счет тех, кто занимался обычным подсобным хозяйством. «В Новосибирской области, – отмечает Н.П. Доценко, – на начало 1997 г. было зарегистрировано свыше 5 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств (5108. – И.К.). Еще не менее 200 тыс. семей держат на своем подворье домашний скот, птицу, выращивают картофель, овощи, занимаются пчеловодством. Они зачастую сами перерабатывают свою продукцию, являясь по сути сельскими предпринимателями. На долю этих частников ныне приходится в области больше 40 % всей производимой здесь сельхозпродукции» [7, с. 43]. Такого же расширительного толкования КФХ придерживается и В.Н. Перекрестов [8, с. 35], а В.В. Казарезов считает ЛПХ и КФХ однопорядковыми понятиями, заявляя, что «человек, не искушенный в правовой казуистике, не разглядит разницы между ними, особенно если речь идет о небольших фермерских хозяйствах, которых большинство, и крупных подворьях, все увеличивающихся числом» [2, с. 227].

Конечно, ЛПХ не могут быть отнесены к фермерским хозяйствам по формальному признаку – они официально не зарегистрированы (не имеют печати и банковского счета). И в начале аграрных реформ делалась ставка не на личное подворье и даже не на колхозы и совхозы, которые подверглись реорганизации, а именно на новый сектор – фермерский, который, как предполагалось, станет альтернативой колхозно-совхозному строю. Но одно дело провозгласить переход к рынку, частную собственность и экономическую свободу,

Т а б л и ц а 2

Структура посевных площадей по видам сельхозкультур в КФХ России и Сибири в 1995 и 1999 гг., %*

Регион	Зерновые культуры		Технические культуры		Картофель и овощи		Кормовые культуры	
	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.
Россия	69,4	67,5	14,8	19,2	1,7	1,9	14,1	11,4
Западная Сибирь	83,1	83,5	4,2	5,8	0,6	0,4	12,1	10,3
Восточная Сибирь	74,3	81,5	0,1	0,1	2,4	2,1	23,2	16,3

*Сельскохозяйственная деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств... С. 66, 68.

а другое – создать условия для развития предпринимательских субъектов хозяйствования на селе. В начале 1990-х гг. фермерские хозяйства выделились на фоне ЛПХ, получая субсидии, льготные кредиты и другую поддержку, а когда последняя начала сводиться к минимуму, фермеры оказались в равных условиях с личными подворьями и не смогли реализовать себя в полной мере.

К концу 1990-х гг. фермерский сектор Западной Сибири среди всех землепользователей занимал всего 7,4 % сельхозугодий, Восточной Сибири – 4,0 %, сельскохозяйственные предприятия и организации – соответственно 78,4 и 80,0 %, хозяйства населения – 5,1 и 7,8 %. Доля посевных площадей КФХ Западной Сибири с 1995 по 1999 г. увеличилась с 6,2 до 9,2 %, Восточной – с 2,9 до 3,5 %. Большая часть хозяйств имела смешанное направление производства, однако преобладало растениеводство, доля продукции которого к концу 1990-х гг. в фермерских хозяйствах России составляла 67,5 %¹. Основными культурами в структуре посевных площадей были зерновые (табл. 2).

Рост посевных площадей под зерновыми культурами наблюдался только в КФХ Западной Сибири, здесь увеличилась и доля их среди всех категорий хозяйств: за 1995–1999 гг. с 8,7 до 12,6 %. В Восточной Сибири этот показатель повысился с 3,8 до 4,9 %². Однако урожайность зерновых культур у фермеров в силу более низкого уровня интенсификации, обусловленного недостатком техники для проведения всего комплекса почвообрабатывающих работ и удобрений, была все годы меньше, чем в крупных сельхозпредприятиях. Остальные культуры в фермерском секторе занимали незначительные площади и составляли считанные проценты от общих посевных площадей в Сибири.

Животноводством занимались немногие хозяйства. Без начального капитала, необходимой материально-технической базы и вследствие низкой покупательной способности населения, находившегося в эти годы на грани выживания, развивать эту отрасль было невыгодно. Сдерживающим фактором являлись также трудности в приобретении породистого молодняка и птицы. В результате поголовье в фермерских хо-

зяйствах практически не увеличивалось и к концу 1990-х гг. составляло в общем стаде от 3 (крупный рогатый скот и свиньи) до 6 % (овцы и козы). Продуктивность скота в этом секторе была ниже, чем в крупных хозяйствах.

Общие итоги хозяйственной деятельности КФХ Сибири по сравнению с другими секторами были более чем скромными. К концу 1990-х гг. хозяйства населения давали более половины всей сельхозпродукции (в Западной Сибири – 53,6 %, в Восточной – 69,2 %), располагая небольшой долей всех сельхозугодий. Удельный вес сельхозпредприятий в производстве сельхозпродукции составлял в Западной Сибири 42,9 %, в Восточной – 29,0 %³. Вклад фермерского сектора в продовольственный фонд был самым мизерным – 3,5 % в Западной и 1,8 % в Восточной Сибири (табл. 3).

Таким образом, эффективность производства и его результаты в фермерском секторе оставались невысокими. Он не смог конкурировать с крупными сельхозпредприятиями по урожайности сельхозкультур, продуктивности животных, уровню использования пашни. Обследование, проведенное в Новосибирской области, показало, что только 22 % опрошенных фермеров обрабатывали все предоставленные им сельхозугодья, 36 % – менее чем наполовину [9, с. 173]. Многие фермерские хозяйства существовали лишь формально, а практически не функционировали в связи с банкротством, использованием земли не по целевому назначению, передачей ее другим пользователям. В Алтайском крае в 2001 г. опрос фермеров выявил, что около 15 % их общего числа находилось на грани банкротства, около трети оценивали экономическое положение своих хозяйств как неудовлетворительное, половина – как удовлетворительное и лишь 10 % – как хорошее [10, с. 149]. Наконец, по данным выборочного обследования фермерских хозяйств России в конце 1990-х гг., около 60 % их работали убыточно⁴.

Убыточность более чем половины фермерских хозяйств свидетельствовала о тех трудностях, которые

² Там же. С. 71.

³ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 2000. С. 367.

⁴ Сельскохозяйственная деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств... С. 42.

¹ Сельскохозяйственная деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств... С. 20, 39, 55, 65.

Таблица 3

Удельный вес КФХ Сибири в общем объеме производства сельхозпродукции в 1995 и 1999 гг., %*

Производство	Западная Сибирь		Восточная Сибирь	
	1995 г.	1999 г.	1995 г.	1999 г.
зерна	7,2	11,5	3,1	4,5
сахарной свеклы	1,9	2,1	нет свед.	нет свед.
семян подсолнечника	7,1	9,7	нет свед.	нет свед.
картофеля	1,1	1,3	0,8	0,9
овощей	0,4	1,0	0,7	1,0
мяса	1,6	1,9	1,5	2,1
молока	1,6	1,9	1,7	1,8
яиц	0,5	0,4	0,3	0,2
шерсти	2,3	4,1	2,7	4,1
меда	5,3	6,1	3,8	3,0
в целом	2,8	3,5	1,6	1,8

*Сельскохозяйственная деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств... С. 59, 60, 85–87, 90, 93, 108, 111, 114, 117, 120.

стояли на пути их развития. Будучи новым явлением в деревне, фермерский уклад проходил этап своего становления в весьма непростых условиях 1990-х гг. Существовало множество сдерживающих факторов: материально-технические (отсутствие средств, техники, рынков сбыта), правовые (несовершенство законодательства), социально-психологические (небольшая масса людей с предпринимательским потенциалом) и др. И тем не менее к концу десятилетия фермерские хозяйства имели свою нишу в производстве и переработке сельхозпродукции, обеспечивая при этом трудовую занятость части сельских жителей. В тяжелых условиях формирования рыночных отношений и частной собственности происходил своего рода естественный отбор жизнеспособных хозяйств. «На плаву» оставались лишь те, кто серьезно начал заниматься нелегким крестьянским трудом и показал себя реальной производительной силой. В Омской области, где доля КФХ в структуре сельхозугодий за 1993–2000 гг. выросла с 3 до 10 % (выше, чем в других районах Западной Сибири), удельный вес их в сельском населении, занятом сельхозпроизводством, увеличился с 9 до 20 %, а общий вклад в продовольственный фонд в 1999 г. составил около 5 % [4, с. 22].

Однако роль фермерства проявилась не только в производстве, а, может быть, не столько в нем. Возникнув внутри колхозно-совхозной системы при централизованно планируемой экономике еще в 1980-е гг., частно-семейный уклад в ходе развития задал новый стереотип хозяйственного поведения на селе, предоставил возможность практически реализовать предпринимательский потенциал в условиях экономической свободы. И хотя фермерство не стало основной формой организации сельскохозяйственного производства, оно во многих случаях демонстрировало иной способ организации труда и лучшую, чем в бывших колхозах и совхозах, дисциплину, большую восприим-

чивость к инновациям и конкурентоспособность на рынке. Поэтому значение его заключается в более сильной социально-экономической мотивации к эффективному труду на земле.

Результаты аграрных преобразований на основе рыночных отношений и введения частной собственности показали, что вопрос о преимуществах и недостатках крупных и малых форм в сельском хозяйстве в российских условиях решался не просто. По этому поводу многие годы шли дискуссии среди специалистов. Одни утверждали, что надежды на создание среднего слоя в деревне в лице фермеров не оправдались. Другие считали, что фермерам не дали возможности встать на ноги, в то время как необходимы были долгосрочные программы развития, рассчитанные не на несколько лет, а на десятилетия с тем, чтобы новым крестьянско-хозяйственным образованиям укорениться в потомстве, в наследниках. Третьи, признавая правоту обеих сторон, предлагали рассматривать вопрос в конкретных условиях различных регионов, а также отказаться от установки ориентироваться только на крупные или только на фермерские хозяйства, что одинаково рискованно. «Нужно не мешать развиваться всем формам хозяйствования, – писал еще в 1990 г. В.В. Милосердов, – создавать для них одинаковые условия. Сама жизнь покажет, какая из многообразных форм будет наиболее эффективной» [11, с. 71]. При этом он утверждал, что основа сельского хозяйства – крупное производство с его преимуществом не только в эффективном использовании техники и технологии, но и в оптимальном сочетании отраслей, высокой товарности. Это показал и более чем десятилетний опыт аграрных преобразований. Однако крупными могут быть не только агрофирмы, кооперативы, агрохолдинги и другие предприятия, но и фермерские хозяйства, которые в своем секторе являются основными производителями сельхозпродукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрное законодательство Российской Федерации: Сборник нормативных правовых актов и документов. М., 1999.
2. Казарезов В.В. Сибирь крестьянская. Радость. Боль. Заботы. Новосибирск, 1999.
3. Андреев С.Н., Ильиных В.А., Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Рынков В.М., Шиловский М.В. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: Очерки истории / Новосибирск, 2008.
4. Вопросы статистики. 2001. № 5.
5. Никулин А.М. Крупхозы современной России: варианты развития // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002.
6. Отечественные записки. 2004. № 1.

7. Доценко Н.П. К вопросу о реорганизации сельскохозяйственных предприятий // Реформирование неплатежеспособных сельскохозяйственных организаций. Новосибирск, 1997.

8. Перекрестов В.Н. Два взгляда на село // Реформирование неплатежеспособных сельскохозяйственных организаций. Новосибирск, 1997.

9. Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск, 2001.

10. Экономическое поведение населения агропромышленного региона в годы реформ: стратегии и механизмы формирования. Барнаул, 2001.

11. Милосердов В.В. Крестьянство в глобальном мире. М., 2009.

УДК 94(470+571)

М.Ю. ЧЕРЕВИКИНА

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ УЧАСТИЯ СИБИРСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
В КОНКУРСАХ РГНФ КРИЗИСНЫХ ЛЕТ*

канд. экон. наук
Управление организации научных исследований
Президиума СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: cher@sbras.nsc.ru

Статья посвящена анализу результативности участия сибирского научного сообщества в конкурсах РГНФ 2009–2010 гг. На большом статистическом материале показаны результаты поддержки проектов сибирских исследователей в различных видах конкурсов, в различных областях наук, а также соотношение поддержанных проектов исследователей, представляющих академический и вузовский сектора науки. Особое внимание уделено рассмотрению результатов основного конкурса. Выявлены неблагоприятные тенденции, проявившиеся в «кризисных» конкурсах. Дан анализ факторов, влияющих на формирование этих тенденций, в том числе конкурсных предпочтений исследователей, представляющих академический сектор науки.

Ключевые слова: результативность научного сообщества, конкурс научных проектов, предпочтения участия в конкурсах.

Повышение эффективности развития науки в стране, ее реформирование все чаще связывают с конкурсной системой финансирования научно-исследовательских работ. Результативность участия в конкурсах свидетельствует о научном потенциале и конкурентоспособности как отдельного исследователя, так и научного сообщества – научной организации, ведомства, региона. Для исследователей-гуманитариев основными конкурсами, позволяющими рассматривать тенденции результативности научного сообщества, являются конкурсы РГНФ. Оценка результативности деятельности научного сообщества – задача, которая сегодня выходит за рамки науковедческих исследований, при-

нимая форму управленческих решений¹. Тем актуальнее становится выявление тенденций и причин ее изменения.

Мониторинг участия сибирских гуманитариев в конкурсах РГНФ на протяжении всех лет его работы позволяет выявить тенденции в участии сибирских исследователей, их особенности по сравнению с общероссийскими, а также высокую результативность, сохраняющуюся на протяжении многих лет [1–3]. Особенности участия сибирского научного сообщества в конкурсах РГНФ 1995–2000 гг. проявлялись в высокой активности и конкурентоспособности исследователей академического сектора науки. В структуре поддержанных сибирских проектов доминировали проекты в области исторических наук. Эти особенности являлись отражением научной специализации сибирских исследователей-гуманитариев: преобладанием исторических наук и развитыми полевыми исследованиями. Для региональной структуры сибирских проектов была характерна высокая доля Новосибирской и Томской областей, что отражает концен-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 10-03-00639а.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2009 г. № 312 «Об оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения» // СЗ РФ. 2009. № 15. Ст. 848.

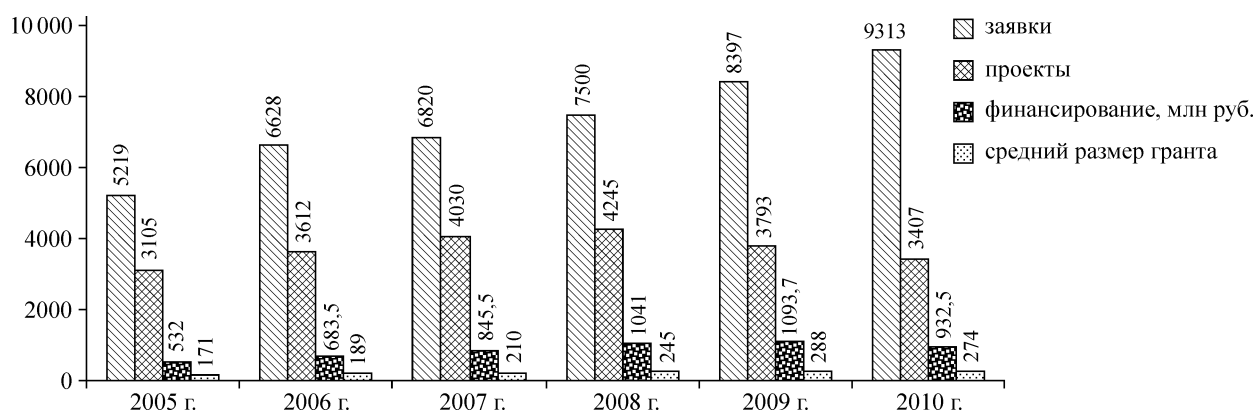

Рис. 1. Динамика заявок, проектов и финансирования РГНФ.

трацию сложившихся научных школ в области гуманитарных наук [1].

Для следующих пяти лет характерно постепенное нарастание иных тенденций: увеличение количества проектов, поддержанных в региональном конкурсе РГНФ; рост количества проектов исследователей из вузов, причем не только в региональном, но и в общем конкурсе РГНФ; снижение доли проектов в области исторических наук и рост проектов в области социальных наук; в региональной структуре сибирских поддержанных проектов – снижение доли Новосибирской области [2–3].

Увеличение разнообразия в территориальной структуре, выравнивание ведомственной и «научной» структуры сибирских проектов, поддержанных в конкурсах РГНФ, происходило в условиях роста финансирования фонда, увеличения количества поддержанных проектов и значительной доли сибирских проектов в общем числе поддержанных проектов, превышающей долю сибирских исследователей-гуманитариев в общей численности гуманитариев страны. Именно этот последний показатель свидетельствует о высокой конкурсной результативности и конкурентоспособности научного сообщества [4–5].

Нереализованные ожидания. Конкурсная активность исследователей в начале кризисного периода (конкурс 2008 г.) была обусловлена несколькими положительными тенденциями: заметным ростом финансирования на протяжении двух предшествующих лет, ростом числа поддержанных проектов и постепенным увеличением среднего и минимального размеров грантов (рис. 1). Эти индикаторы являются факторами мотивации исследователей для участия в конкурсах. Результаты конкурса 2008 г. продолжают тенденции предшествующих двух лет по приросту объема финансирования и количества поддержанных проектов, поскольку решения об итогах конкурса были приняты весной, а кризис в России проявился осенью 2008 г. Количество финансируемых проектов в 2008 г. достигло 4245 – максимальная величина за весь период проведения конкурсов РГНФ; средний размер гранта увеличился на 17 % и соста-

вил 245 тыс. руб.² На активность исследователей оказали влияние не только вдохновляющие итоги конкурса 2008 г. и принятое руководством Фонда решение о дальнейшем повышении минимального и максимального размеров грантов, но и институционализация положительной оценки наличия гранта в индивидуальных показателях результативности научной деятельности в Российской академии наук, значительное усиление внимания к этому показателю в вузах. За два кризисных конкурса количество заявок увеличилось на 24 %, средний размер гранта – на 11,6 %, при этом финансирование в 2010 г. сократилось на 10,5 % (более 100 млн руб.), а количество поддерживаемых фондом проектов – на 19,7 % (838 проекта).

В соответствии с проектом Аналитической ведомственной целевой программы «Фундаментальные социальные и гуманитарные исследования и их роль в развитии страны»³, в которой отражены основные индикаторы и контрольные параметры проведения конкурсов РГНФ, на 2011 г. было запланировано снижение объема финансирования конкурсов до 900 022 тыс. руб. В бюджете РФ на 2011–2013 гг. заложено дальнейшее снижение финансирования государственных научных фондов – до 700 млн руб.

«Кризисные» проявления для сибирских исследователей. В 2010 г. по сравнению с 2008 г. количество сибирских проектов сократилось на 20 %, при этом проектов, поддержанных в конкурсе года, – на 23 %. Поддержка сибирских проектов, как и по фонду в целом, вернулась к уровню 2006 г. – 383 финансируемых проекта, из них 165 – продолжающихся и 218 – новых (в 2006 г. – 391 проект, 227 – новых)⁴.

² Средний размер гранта рассчитан с учетом всех видов конкурсов. Средний размер исследовательского гранта в настоящее время составляет около 350 тыс. руб.

³ Проект Аналитической ведомственной целевой программы «Фундаментальные социальные и гуманитарные исследования и их роль в развитии страны» на 2011–2013 годы // URL: <http://www.rfh.ru>.

⁴ Здесь и далее данные приведены без учета конкурса, касающегося участия в научных мероприятиях за рубежом, и иных конкурсов, проводимых в течение года.

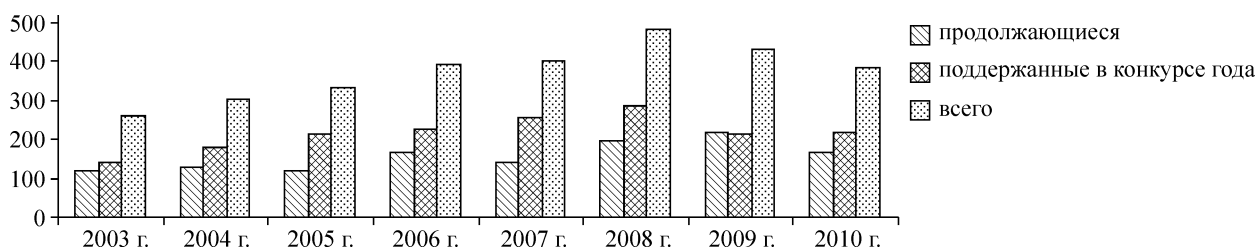

Рис. 2. Количество проектов сибирских исследователей в конкурсах РГНФ 2003–2010 гг.

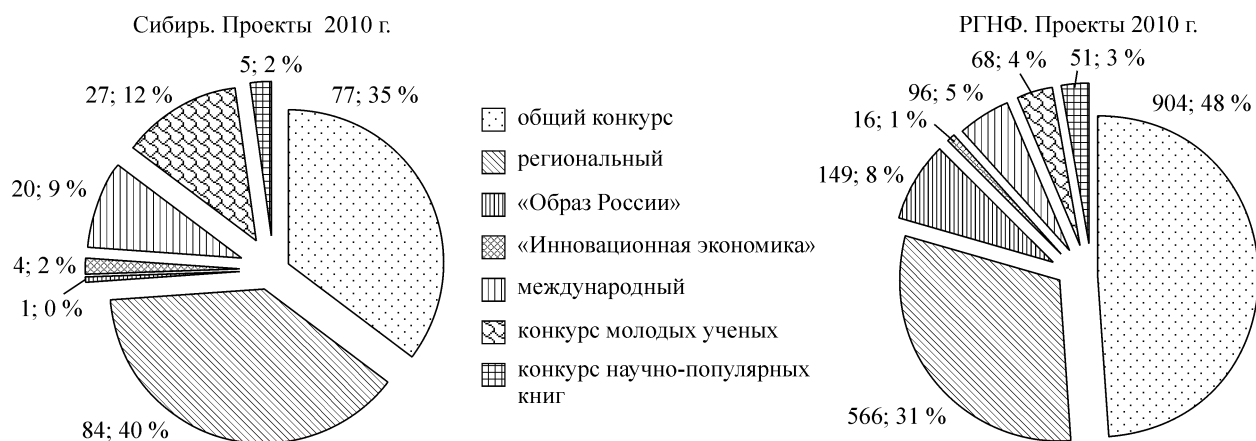

Рис. 3. Структура проектов по видам конкурсов, поддержанных в 2009–2010 гг.

Результативность сибирских исследователей, рассматриваемая как доля проектов сибиряков в общем количестве проектов, поддержанных РГНФ, также фактически вернулась на уровень 2006 г. и составила 11 %, в успешном 2008 г. – 11,3 %. Такие незначительные изменения могли бы не вызывать опасений, если бы не негативные тенденции.

Первая – осязаемое (с 57,6 % в конкурсе 2008 г. до 35 % в конкурсе 2010 г.) уменьшение доли проектов основного конкурса в структуре поддержанных сибирских проектов, вторая – превышение доли проектов регионального конкурса над основным. В 2009 г. впервые доля поддержанных сибирских проектов основного конкурса оказалась меньше доли регионального конкурса. Превышение было незначительным – 1 %, но в конкурсе 2010 г. разрыв составил уже 5 %. Для фонда в целом сокращение доли проектов основного конкурса не столь значительное: с 63,5 % в 2008 г. до 48 % – в 2010 г. Доминирования доли регионального конкурса пока не наблюдается. Характерным отличием структуры сибирских поддержанных проектов является также незначительная доля дополнительных конкурсов: «Образ России в современном мире», «Инновационная экономика», а также «Подготовка научно-популярных книг» (рис. 3). Даже с учетом продолжающихся проектов основного конкурса в структуре сибирских финансируемых РГНФ проектов в 2010 г. составляет меньше половины – 45 % (в 2009 г. – 53 %); региональный конкурс – 1/3.

Структурные изменения в результатах участия сибирских исследователей в конкурсах 2009–2010 гг. обусловлены не осязаемым ростом количества поддержанных проектов регионального конкурса, а снижением поддержки проектов основного конкурса. За два года их количество снизилось на 28,2 % – с 280 до 173. В 2010 г. в рамках этого конкурса финансировалось 173 сибирских проекта, в том числе 96 продолжающихся и 77 поддержанных в конкурсе года.

Сокращение наблюдается даже по отношению к результатам конкурса 2009 г., в котором был поддержан 81 проект, а с учетом 147 продолжающихся финансировалось 228 проектов. Если по итогам всех конкурсов 2010 г. поддержка сибирских проектов оказалась близка к показателям 2006 г., то по основному конкурсу – меньше поддержки 2005 г. (рис. 4).

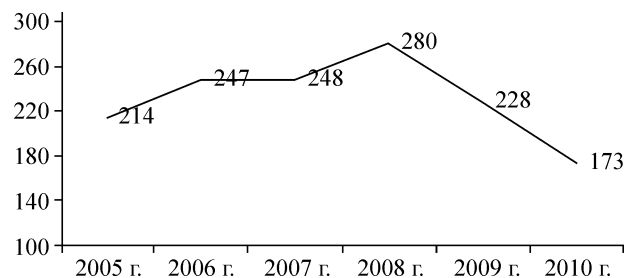

Рис. 4. Количество сибирских проектов, финансируемых в рамках основного конкурса РГНФ 2005–2010 гг.

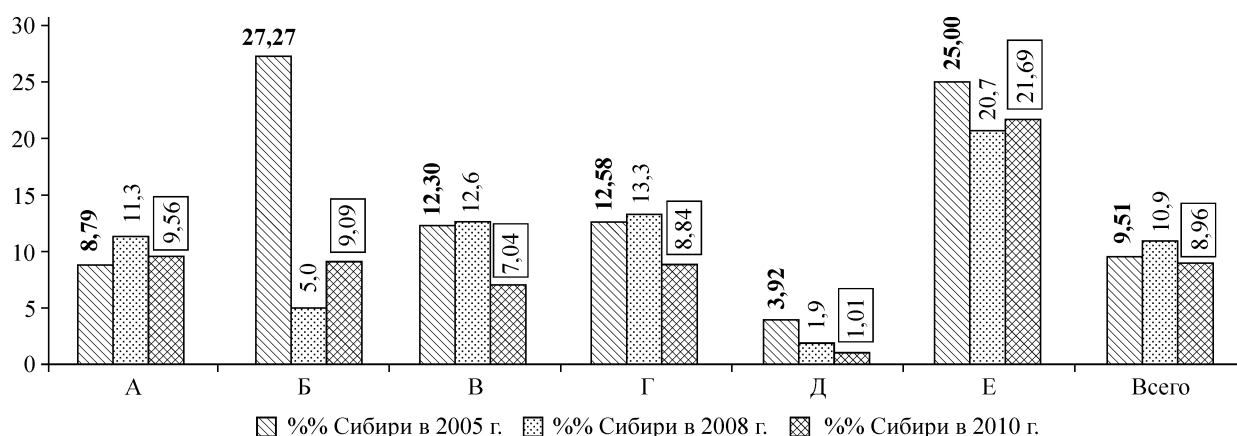

Рис. 5. Доля сибирских проектов в проектах РГНФ, финансируемых в рамках основного конкурса.

Сравнение доли сибирских финансируемых проектов с докризисным 2008 г. показывает, что снижение этого индикатора конкурентоспособности происходит почти во всех видах основного конкурса. Исключением является традиционно «сибирский» экспедиционный (Е) и конкурс развития материально-технической базы и научных телекоммуникаций (Б). В целом в основном конкурсе РГНФ доля сибирских проектов снизилась с 10,9 % в 2008 г. до 8,9 % в 2010 г. (рис. 5).

Какие науки вносят наибольший вклад в результативность сибирского сообщества? Это зависит не только от результативности по данным наукам, но и от структуры активности исследователей, работающих в различных областях наук [4]. В структуре сибирских заявок наибольшую долю занимают заявки по историческим наукам, которые в среднем за длительный (десятилетний) период составляют более 1/3, несмотря на происшедшее сокращение в последние четыре года. Заметно усиливается активность исследователей в области социальных наук (философия, социология, политические, юридические науки) и комплексного изучения человека (КИЧ – психология, педагогика, социальные проблемы медицины), что связано, прежде всего, с более активным участием вузовских исследователей в конкурсах РГНФ. Отличительной характеристикой структуры поддержанных сибирских проектов (по сравнению со структурой в целом по фонду) является большая доля проектов по историческим наукам. В предкризисные конкурсы (2007–2008 гг.) в условиях роста финансирования фонда и увеличения количества поддержанных проектов происходило снижение их доли со значений выше 40 % до 33 %. С усилением напряженности конкурсов в 2009–2010 гг. проекты по историческим наукам вновь заняли доминирующее место в сибирских проектах: 39–40% в основном конкурсе и 38 % с учетом всех видов конкурса (дополнительных, международных, регионального), что свидетельствует о высокой конкурентоспособности проектов по этим наукам. По РГНФ в целом поддержанные проекты по группам

наук распределены более равномерно, в том числе в основном конкурсе (рис. 6).

Структурное доминирование проектов по историческим наукам определяет их значение в формировании конкурентоспособности сибирских проектов в целом. Лидерами по уровню конкурентоспособности среди сибирских проектов на протяжении всего периода наблюдения были проекты по историческим и экономическим наукам. Но именно в этих областях наук произошло наиболее заметное сокращение доли сибирских проектов в проектах РГНФ – на 3,8 %. По

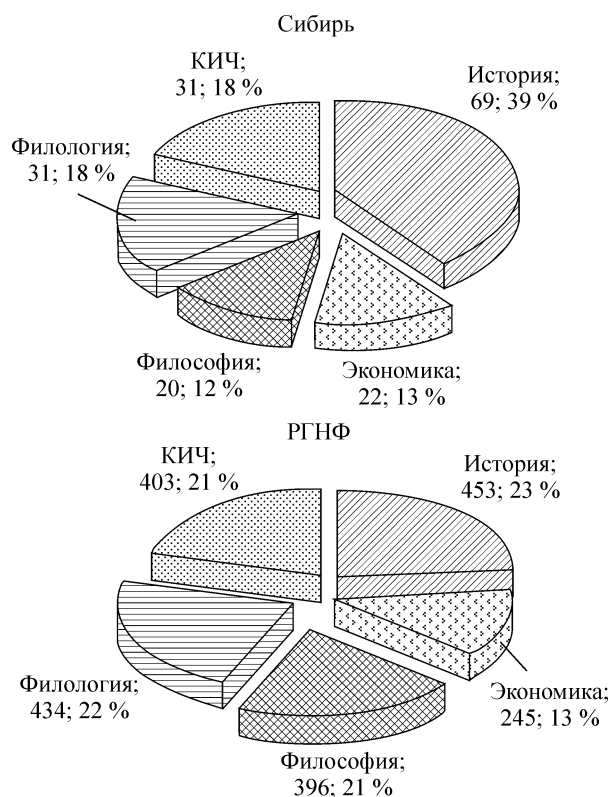

Рис. 6. Поддержанные проекты основного конкурса РГНФ 2010 г., распределение по группам наук.

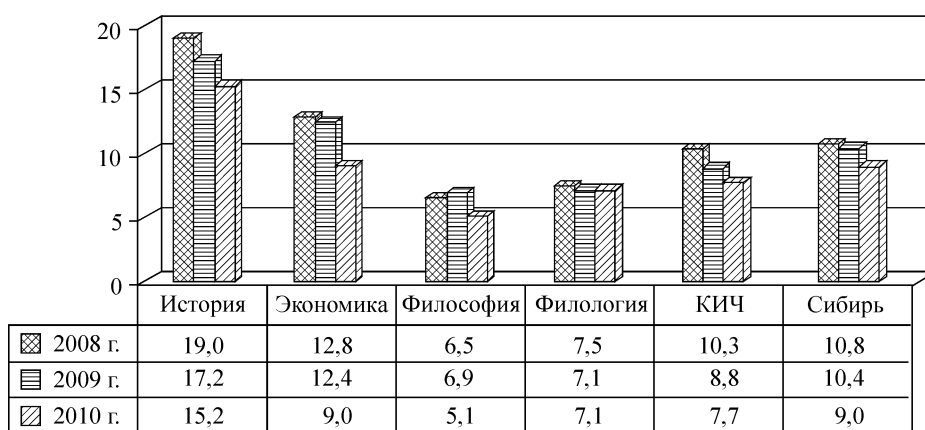

Рис. 7. Доля сибирских проектов в финансируемых проектах основного конкурса РГНФ по различным областям наук 2008–2010 гг., %.

историческим наукам их доля снизилась с 19 % в 2008 г. до 15,2 % в 2010 г., по экономическим – с 12,8 до 9 %. С 10,3 до 7,7 % – уменьшилась доля проектов по группе наук, объединенных в направление «комплексное исследование человека»; по социальным наукам – с 6,5 до 5,1 %; проекты по филологии «уступают» свою долю наиболее медленно – с 7,5 до 7,1 % (рис. 7). Результаты поддержки проектов в конкурсе года обостряют тенденцию снижения конкурентоспособности. Наиболее значительные колебания наблюдаются по проектам в области филологических и экономических наук. В 2009 г. доля проектов по филологии снизилась до 4 %, но в конкурсе 2010 г. вернулась к прежним значениям. Конкурентоспособность проектов по экономическим наукам вызывает серьезное беспокойство. Их доля в конкурсе 2010 г. упала до 3,9 %. Продолжение тенденции снижения доли проектов, поддержанных в конкурсе года, неизбежно приведет к значительному сокращению количества финансируемых проектов.

Какие факторы повлияли на снижение конкурентоспособности сибирских исследователей? Существуют процессы, общие для РГНФ: значительное увеличение количества заявок за счет менее конкурентоспособной части исследователей; политика РГНФ по развитию различных видов конкурсов и стагнация финансирования, происшедшая в период кризиса. Проявление их имеет свои особенности для сибирского сообщества.

Активизация конкурсного процесса. Для РГНФ в целом наблюдается значительное усиление активности участия исследователей в конкурсах: в 2008 г. прирост заявок составил 10 %, в 2009 г. – 12 %, в 2010 г. темп несколько замедлился – до 6,4 %. В 2011 г. прирост заявок (без учета конкурса участия исследователей в научных мероприятиях за рубежом) наблюдается еще меньше – 2,26 %. Такого рода активизация связана, прежде всего, с развитием региональных конкурсов РГНФ, проводимых совместно с администрациями субъектов Российской Федерации. В последние годы количество региональных конкурсов достигло

7 и стабилизировалось, но ежегодно к ним присоединяются новые субъекты федерации. В конкурсах 2011 г. участвовало 46 субъектов РФ. Региональные конкурсы инициировали расширение географии участия и увеличение количества участников из вузов, в значительной степени определив динамику заявок.

Особенностью конкурсной активности сибирского научного сообщества стало более быстрое увеличение заявок в начале 2000-х гг. Пик прироста сибирских заявок был пройден в 2005 г., в котором их доля в заявках РГНФ достигла максимальной величины – 15,6 %. В последующих конкурсах, при увеличении темпов прироста заявок по Фонду в целом, доля сибирских заявок снижалась, и в конкурсе 2011 г. вернулась к уровню 2000 г. – 13 %. Экстенсивный фактор – опережающее по сравнению с общей тенденцией наращивание заявок – на данном этапе исчерпан. Для сохранения конкурсной результативности (доли поддержанных проектов в проектах РГНФ) сибирскому сообществу необходимо повышать конкурентоспособность проектов. Нужно иметь в виду, что высокая конкурентоспособность сибирских проектов многие годы обеспечивалась увеличением участия исследователей академического сектора науки в общем конкурсе и вовлечением вузовских исследователей, прежде всего, через расширение сибирского регионального конкурса – присоединения к нему новых сибирских регионов. В последние годы увеличение количества сибирских заявок, в том числе на общий конкурс РГНФ, происходит в основном за счет исследователей из вузов. Свидетельствует ли сокращение доли «академических» заявок о прохождении пика активности представителей этого сектора науки или имеются «резервы» ее увеличения? Ответ на этот вопрос лежит в анализе предпочтений и мотиваций участия исследователей в конкурсах РГНФ. Надо отметить, что грантовая нагрузка в сибирских академических институтах очень высока. В большинстве институтов гуманитарного профиля СО РАН в 2010 г. один грант РГНФ приходился на каждого пятого научного сотрудника.

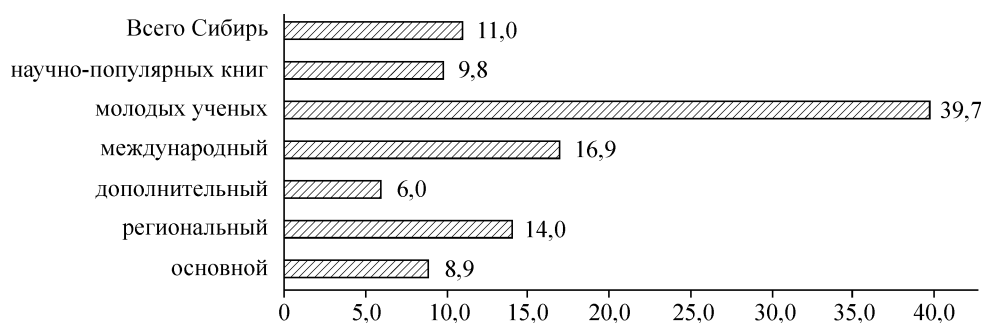

Рис. 8. Результативность сибирских исследователей в различных конкурсах РГНФ в 2010 г. (доля финансируемых сибирских проектов, %).

Развитие различных видов конкурсов. РГНФ активно развивает различные виды конкурсов, либо вовлекая партнеров (региональные и международные конкурсы), либо выделяя приоритетную тематику (целевые тематические конкурсы) или приоритетные сегменты исследователей (молодежные конкурсы). По сравнению с основным конкурсом остальные виды имеют определенные ограничения для участия. Региональные конкурсы распространяются на жителей определенного субъекта федерации; в международных ограничением является наличие иностранного партнера; для целевых конкурсов ограничением может выступать либо возраст участников (конкурсы поддержки молодых ученых), либо тематика исследований. Не ставя под сомнение целесообразность развития различных видов конкурсов, следует отметить, что при отсутствии роста финансирования РГНФ и необходимости выполнения обязательств по договорам с администрациями субъектов федерации и зарубежными фондами и организациями, поддерживающими совместные научные исследования, бюджет основного конкурса неизбежно сокращается. Политика РГНФ по развитию различных видов конкурсов привела к росту напряженности основного (общего) конкурса и значительной дифференциации напряженности конкурсов в зависимости от их вида.

Особенностью конкурсных предпочтений сибирских исследователей является низкая активность участия в целевых тематических конкурсах и, как следствие, самая малая доля сибирских поддерживаемых проектов отмечается именно в этих конкурсах. По итогам 2010 г. она составила 6 %, в том числе в крупном по бюджету и количеству поддерживаемых проектов конкурсе «Образ России в современном мире» – 3,9 %. Более весомые позиции сибирские исследователи имеют в международных и некоторых молодежных конкурсах – поддержка стажировок и работ в библиотеках, архивах (рис. 8). Так, международный конкурс с Министерством образования, культуры и науки Монголии (МОНК), второй по бюджету и количеству поддерживаемых проектов международный конкурс РГНФ, является традиционно «сибирским». Доля сибирских проектов в нем – около 70 %.

Общий конкурс традиционно является самым предпочтительным для исследователей. Сибирские ученые не составляют исключения. Основное количество заявок подается именно на этот конкурс, в последние годы около 55–60 %. Вторым по значимости является региональный конкурс – около 30 % заявок. Структура сибирских проектов, поддержанных в 2010 г. в разрезе основного, регионального и дополнительных конкурсов, отличается от структуры заявок, в которой проекты основного конкурса составляют меньше 50 %.

Консерватизм конкурсных предпочтений особенно характерен для исследователей академического сектора науки, что приводит к росту напряженности основного конкурса и, прежде всего, по исследовательским проектам. Ведомственная структура сибирских поддерживаемых проектов конкурсов 2009 и 2010 гг. показывает, что только в основном конкурсе академические исследователи получают больше половины грантов. И даже в этом виде конкурса они доминируют далеко не во всех науках. В поддерживаемых в 2010 г. в основном конкурсе сибирских проектах только в исторических и социальных науках (философия, социология) исследователи академического сектора выиграли значительное большинство грантов: 75 и 66,7 % соответственно. В области экономических наук доля поддерживаемых академических проектов, традиционно удерживавшаяся на уровне 70–80 %, составила только 25 %; в области филологических наук – 29,4 %; в науках, объединяемых в направление «комплексное исследование человека», – 9,1 %, но в этих науках академические проекты и не получили большинство грантов.

В дополнительных конкурсах (целевых тематических, международных, подготовки научно-популярных книг, молодых ученых) как по заявкам, так и по поддерживаемым проектам преобладают вузовские исследователи. В 2010 г. в этих видах конкурсов академические проекты занимали 35 % сибирских поддерживаемых проектов. В региональных конкурсах доля академических проектов в 2010 г. составила 13 %. С учетом дополнительных и региональных конкурсов на проекты сибирских исследователей из академическо-

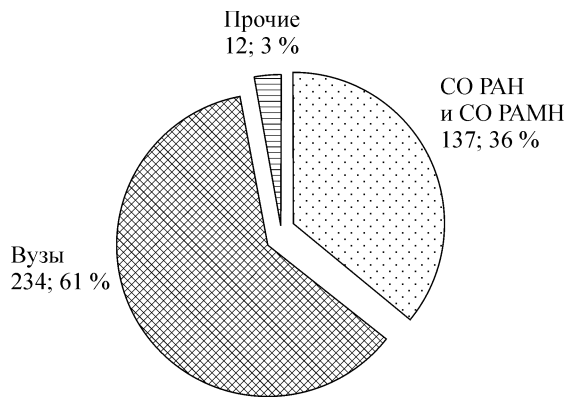

Рис. 9. Ведомственная структура сибирских проектов, финансируемых РГНФ в 2010 г.

го сектора науки приходилось в 2010 г. 36 %, вузовские проекты – 61 % (рис. 9).

Подводя итоги рассмотрению тенденций участия сибирских исследователей в конкурсах РГНФ кризисных лет и факторов, оказавших на них влияние, следует отметить, что увеличение результативности в условиях отсутствия роста финансирования РГНФ по-

требует от регионального научного сообщества проведения определенной конкурсной политики, в том числе диверсификации заявок по видам конкурсов, более активного вовлечения в конкурсный процесс молодых научных сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодин В.И., Покровский Н.Н., Черевикина М.Ю. Сибирь в контексте региональной политики РГНФ // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2000. № 1. С. 7–22.
2. Молодин В.И., Черевикина М.Ю. Сибирские исследователи в конкурсах РГНФ // РГНФ и фундаментальная наука в Сибири: Материалы регион. науч.-практ. конф., посв. 10-летию РГНФ. Улан-Удэ, 2004. С. 30–41.
3. Молодин В.И., Черевикина М.Ю. Сибирь в контексте региональной политики РГНФ (5 лет спустя) // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 3. С. 77–91.
4. Черевикина М.Ю. Тенденции участия сибирских исследователей в конкурсах РГНФ (2000–2007 гг.) // Труды Всерос. конф. и секции Математической экономики XIV Байкальской междунар. школы-семинара «Методы оптимизации и их приложения». Байкал, 2–8 июля 2008 г. Иркутск, 2008. С. 124–132.
5. Черевикина М.Ю. Количественная характеристика эффективности научного сообщества Сибирского региона // Вестн. Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 1 (50). С. 105–119.

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).083

А.А. ЗАВЬЯЛОВ

ТРАНСПОРТИРОВКА СЕРЕБРА И ЗОЛОТА С ЗАВОДОВ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ПЕТЕРБУРГ В КОНЦЕ XIX в.

Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина
г. Бийск
e-mail: mns@gasu.ru

Истории горных заводов Алтая посвящена значительная исследовательская литература, отобразившая процесс их образования, деятельность, влияние их на хозяйственно-экономическое и культурное развитие местного населения. Однако транспортировка золота и серебра с Алтая в Петербург, не нашла в ней своего отражения. В силу этого и была предпринята попытка: проследить пути доставки золота и серебра с Алтая в Петербург в конце XIX в., определить (с учетом путей доставки) расходы на нее. Решить поставленную задачу помогли архивные документы, которые впервые вводятся нами в научный оборот. Они позволили не только установить общий объем расходов на перевозку золота и серебра с Алтая в столицу, но и определить затраты на их перевозку по сухопутью, воде, а позднее – по железной дороге.

Ключевые слова: Алтай, выплавка серебра, золота. Петербург, водный путь, железная дорога, расходы.

Кризисные явления, поразившие Россию на исходе XIX в., не обошли стороной и ее окраины, в том числе кабинетское хозяйство Алтайского горного округа. Одним из главных факторов, углублявшем кризис горных и металлургических предприятий Алтая, который особенно сильно проявился с 1864 по 1893 г., стала «внутритранспортная» проблема. Отмечая данное обстоятельство, Т.И. Агапова писала по этому поводу следующее: «Промышленная направленность хозяйства в XIX веке настоятельно требовала кардинального совершенствования средств связи, замены устаревшего традиционного гужевого транспорта более экономичным и прогрессивным» [1, с. 352]. Она особо подчеркивала, что характер производственных перевозок на Алтае разделялся в то время на две категории: внутренние (внутрирайонные) и внешние (межрайонные). Изучению проблем, связанных с внешними перевозками, в частности, серебра и золота по маршруту Барнаул – Петербург в конце XIX в., и посвящена настоящая статья.

Как известно, Алтайские горные заводы А.Демидова стали, начиная с 20-х гг. XVIII в., поставлять стране так необходимую ей медь. В те же годы недоброжелатели заводчика не раз извещали «высокие власти», что «добывает оный Демидов» наряду с медью и серебром, и золотом. После смерти заводчика его Алтайские заводы были взяты в 1747 г. на «государево имя». С этого времени и стали они собственностью царской семьи и ее «содержателями». Ведал и управ-

лял ими «Кабинет Ея Императорского Величества» (далее – Кабинет. – А.З.). Отныне все, что производилось на Алтайских железоделательных заводах шло на удовлетворение потребностей российских монархов. Кольвано-Воскресенский (впоследствии Алтайский) горный округ, на территории которого находились вышеназванные заводы, напрямую подчинялся только Петербургу [2, с.110].

В XVIII в., в период подъема горнозаводской промышленности на Алтае, отсюда ежегодно отправлялось в Петербург по несколько караванов золота и серебра. Их сопровождали горные чиновники, казаки-охранники и нижние горные чины. Например, 21 декабря 1778 г. зимним санным путем был отправлен в Петербург караван с серебром и золотом (403 пуда и 9 фунтов серебра и 6 пудов и 21 фунт золота) во главе с караванным офицером гиттенфервальтером И.И. Черницыным – бывшим учеником И.И. Ползунова. Почетную и в то же время ответственную должность начальника каравана Черницын исполнял и раньше: «караванным надзирателем» он был в 1773, 1779 и 1796 гг. Благодаря этому он успешно (на зависть сослуживцам) продвигался по службе, в частности, в 1785 г. стал управляющим Барнаульским заводом, а в 1796 г. назначен начальником Нерчинского округа.

Как отмечал А.П. Бородавкин, между «...Барнаулом и Петербургом поддерживались постоянные связи не только почтовые, но и через многочисленных курьеров, направля-

емых в Кабинет и обратно» [3, с. 238]. Об этом еще ранее писал Г.Н. Потанин. «До пяти раз в год, – свидетельствовал он, – из Барнаула отправлялся в Петербург караван с золотом под начальством одного из инженеров, который возвращался из столицы со всякого рода новостями. Ни один город в Сибири не имел с Петербургом таких частых и правильных, обновляющих местную жизнь сношений, и эта особенность давала право барнаульским инженерам говорить, что Барнаул – это уголок Петербурга» [4, с. 254].

В 1896 г. началось окончательное перепрофилирование Алтайского округа и началось оно с горно-металлургического производства. Осуществлялась данная «модернизация» на доходы, полученные Кабинетом от эксплуатации земли, использования лесных богатств округа и от развития животноводства. Но перепрофилирование никак не отразилось на поставках в Петербург алтайского золота и серебра. Они продолжались по-прежнему – в соответствии с установленным порядком, а потому и получал Монетный двор необходимое ему «сырье» своевременно.

Однако доставка этого «сырья» была делом непростым. В XVIII – первой половине XIX в. она осуществлялась только «гужевыми перевозками» в Петербург, как правило, зимой, санным путем. Во второй половине XIX в., с открытием регулярного пароходного сообщения в Сибири, возможности доставки алтайских «товаров» в Петербург «разнообразились»: подключился и речной транспорт.

Выявленные нами архивные документы 1894 г. свидетельствуют, что наследница тобольского купца первой гильдии Ивана Николаевича Корнилова Ф.В. Корнилова заключила (через своего доверенного – тюменского мещанина Константина Леонтьевича Рябкова. – А.З.) договор с Главным управлением Алтайского округа на доставку из г. Барнаула в г. Тюмень водным путем каравана с золотом и серебром. Последний, как явствует из источника, следовал в Петербург под присмотром горного чиновника и воинского конвоя¹.

В соответствии с условиями договора погрузка «товара» в Барнауле произошла 1 сентября 1894 г., срок его доставки в Тюмень не должен был превышать 22 сут. со дня погрузки, а выгрузку «товара» в Тюмени предполагали произвести не позже одних суток после прибытия парохода.

В пути следования капитан парохода (опять-таки согласно договору) обязан был избегать «всяких случайностей». Драгоценные металлы должны были перевозиться только на самом пароходе, а не на барже. Причем контейнеры с серебром и золотом следовало установить (в обязательном порядке) только на полу парохода или посередине на палубе, но не на корме и не в трюмах. В случае непредвиденной ситуации контейнеры необходимо было срочно эвакуировать, при этом сопровождающие их лица и конвой должны были иметь к контейнерам легкий доступ. Если ящики с золотом и серебром размещались на палубе, то капитан парохода обязан был предоставить брезент для накрытия груза и команды сопровождения.

За исправную доставку груза по назначению владелец парохода получал плату по 4 руб. с пуда. В эту же плату

входил также проезд лиц, сопровождавших груза. «Смотритель» транспорта занимал, как правило, «однокомнатную» каюту первого класса, а военный караул (из четырех человек. – А.З.) – каюту третьего класса. Лица, сопровождающие «ценный груз», имели право взять с собой багаж (до 25 пуд.). Питание «смотрителя» обеспечивалось за счет владельца парохода, конвоиры же питались за свой счет. Это обстоятельство зачастую приводило к тому, что сопровождавшие «ценный груз» конвоиры зачастую следовали на протяжении всего пути (по вине окружных чиновников, воровавших деньги, отпущенные на прокорм солдат) полуголодными.

Плата же за перевозку «ценного груза» речным путем взималась, естественно, с Главного управления Алтайского округа, а выплачивалась она в два приема. Первая проплата ценного «груза» (сумма в одну треть от общей стоимости «груза», обозначенной в договоре) производилась сразу на месте. Остальная сумма выплачивалась перевозчику после получения «телеграммного извещения» о доставке груза (в целости и сохранности) в Тюмень².

Речные перевозки осуществлялись в то время на основании Положения о казенных подрядах и поставках 1887 г. В случае, если пароход терпел крушение и тонул, капитан корабля обязан был, несмотря ни на что, доставить груз и отправить его дальше с другим пароходом. Если же пароход садился на мель, подрядчик должен был доставить груз (в целости и сохранности) в Тюмень сухопутным путем³.

Воспользуемся имеющимися в нашем распоряжении документами, чтобы проследить весь путь такого каравана, отправленного в 1894 г. Его «смотрителем» был назначен инженер, надворный советник Бересневич. Вместе с ним отправился в дорогу и его помощник Миролюбов, которому необходимо было попасть в Петербург по семейным обстоятельствам. Конвой каравана возглавил старший унтер-офицер Максим Адерихин⁴.

Для вышеозначенного каравана заранее был разработан маршрут, который сочетал все виды транспорта. На первом этапе (с 1 по 14 сентября 1894 г.) Барнаул – Тюмень караван следовал пароходом, во втором (с 14 по 16 сентября 1894 г.) – поездом Тюмень – Пермь (Уральская железная дорога). На третьем этапе (с 16 по 19 сентября 1894 г.) вновь предусматривался пароход Пермь – Нижний Новгород (с оплатой груза по 75 коп. с пуда), и, наконец, четвертый, заключительный этап (19 сентября – 23 сентября 1894 г.) – снова по железной дороге (Нижний Новгород – Петербург, Николаевская железная дорога)⁵.

Судя по документам, караван прибыл в Петербург точно по графику, т.е. через три недели после отправки из Барнаула. На столичный Монетный двор он доставил с Алтая золота – 2 пуда, 28 фунтов, 80 золотников, 60 долей; серебра – 174 пуда, 36 фунтов, 5 золотников. Кроме того, от «смотрителя» каравана Бересневича были приняты 363 бронзовые медали в память о войне 1853–1856 гг. Доставленный груз,

² Там же. Л. 7 об.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 60.

¹ ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 7.

согласно приемным документам, размещался в «11 деревянных ящиках, опоясанных железными обручами»⁶.

За успешное выполнение порученного задания, т.е. за своевременную доставку в Петербург «первого (летнего) каравана драгоценных металлов», надворный советник Бересневич и коллежский регистратор Миролюбов были удостоены «наград»: первый получил (из сумм Алтайского округа, предусмотренных на награду за благополучный привоз металлов) 330 руб., а второму было выдано 350 руб. (с учетом обратного проезда из Петербурга в Барнаул). Кроме того, инженер И.П. Бересневич был взят «на службу в Кабинет». По распоряжению его управляющего вскоре он был командирован из Петербурга на юг России «для осмотра железоделательных и сталелитейных заводов»⁷.

Выполнив порученное задание, вернулась в Барнаул и конвойная команда. Оплата ее обратного проезда из Петербурга до Барнаула осуществлялась по следующей раскладке. Вначале ее члены ехали по железной дороге (в вагоне III класса. Проезд одного человека по Николаевской железной дороге (604 версты) обошелся в 8 р. 68 к., по Нижегородской железной дороге (410 верст) – в 5 р. 89 к., по Уральской железной дороге (772 версты) – в 11 р. 10 к. Итого одному человеку было выдано 24 р. 67 к.

Был предусмотрен и вариант проезда конвойных (от Нижнего Новгорода) на лошадях. На одного человека планировалось выдать: на проезд от Нижнего Новгорода до Перми (997 верст) – 39 р. 88 к. (из расчета 4 коп. с лошади и версты), от Тюмени, через Омск, Тырышкино, Медведскую и далее до Барнаула (1547 верст) – 23 р. 20 к. (из расчета 1,5 коп. с лошади и версты). Согласно этому расчету, одному человеку полагалось выдать на проезд 63 р. 8 к. К этой сумме было присовокуплено еще по 6 р. 50 к. в расчете на одного человека (оплата дополнительного сбора по 1 коп. за 65 станций). Таким образом, вчетвером барнаульские конвоиры получили 381 руб. Кроме того, они были поощрены: старшему унтер-офицеру добавлялось в жалование (из оклада) 18 руб. в год; ефрейтору (из оклада) – 2 р. 85 к. и двум рядовым – по 2 р. 70 к. На питание им также были выделены кормовые деньги: унтер-офицеру по 15 коп. в сутки; ефрейтору и рядовым по 7,5 коп. в сутки. Таким образом, общая сумма, полагавшаяся конвоирам на обратный проезд от столицы до Барнаула, составила 410 р. 68 к.

Но, определяя суммы на проезд конвоирам, власти регламентировали и время нахождения их в пути. Согласно их расчетам, обратный проезд конвоиров до Барнаула не должен был превышать 57 дней. Для этого они должны были преодолевать за день положенный минимум: 300 верст по железной дороге и 50 верст – на лошадях⁸.

Рассматривая отправку серебра и золота из Барнаула в столицу, следует отметить, что в 1890-е гг. такие караваны отправлялись дважды в год: летний караван – в сентябре и зимний – в феврале. Стоимость отправки каждого каравана ежегодно возрастала. Наиболее дорогостоящей являлась его зимняя отправка. Как известно, гужевой транспорт повсе-

местно был самым дорогостоящим и непредсказуемым из-за способа перевозки и вместе с тем значительно уступал как речному, так и железнодорожному транспорту по скорости и надежности.

В январе 1895 г. начальник Алтайского округа В.К. Болдырев сообщал в Кабинет, что к февралю 1895 года «будет собрано в зимний караван 118 пудов серебра». Но расходы на его отправку заметно увеличились. Так, при двух сопровождающих стоимость груза возрастала до 50 руб. за один пуд. В ответ на это Кабинет известил управление округа, что зимний караван с серебром следовало бы отправить осенью, а что касается золота, то его необходимо «срочно высылать с почтой»⁹.

Сопровождение столь значимых караванов, несмотря на опасность, было все же делом весьма престижным и достаточно выгодным (в материальном плане). Но их «водить» доверяли не каждому. Например, горный инженер Риддерского рудника несколько раз ходатайствовал перед Главным управлением Алтайского округа, чтобы оно «оказало ему честь сопровождать караван». Такого рода просьбы он направлял не раз. Однако управление не «услышало» его. Выполнение этих почетных обязанностей было возложено на других: в 1893 г. «смотрителем каравана» назначен инженер Горяев, в 1894 г. – уже упоминавшийся инженер И.П. Бересневич. Несмотря на отказы, риддерский инженер продолжал настоятельно просить начальство уважить его просьбу, дабы «воспользоваться выгодой, которой так часто пользуются другие»¹⁰.

Однако летний караван с золотом и серебром был доверен в 1895 г. надворному советнику, горному инженеру Буштеду. Особенность этого каравана заключалась в том, что на сентябрь 1895 г. уже заказали железнодорожный вагон (от ст. Кривошеково – позднее Ново-Николаевск) для груза с драгоценными металлами. Такие заказы стали уже возможны. В связи с этим маршрут летнего каравана 1895 г. являлся преимущественно железнодорожным, он охватывал Барнаул – Кривошеково – Челябинск – Уфа – Москва – Петербург. Однако до станции Кривошеково караван добирался водным путем (на пароходе Конторы пароходства Богословских горных заводов). Последний отправился в путь 5 сентября 1895 г. Он вез 7 пудов, 25 фунтов, 90 золотников, 54 доли золота и 308 пудов, 36 фунтов, 4 золотника серебра¹¹, в Кривошеково прибыл 8 сентября.

Следующий этап – от Красношеково до Омска – занял 5 дней (с 8 сентября по 12 сентября), далее снова по железной дороге – Омск–Самара (с 12 сентября по 18 сентября) и заключительный – тоже по железной дороге – Самара – Петербург (с 18 сентября по 24 сентября 1895 г.). Таким образом, в пути от Барнаула до Петербурга караван находился с 5 сентября по 24 сентября 1895 г.¹²

Этот караван доставил на Монетный двор 35 ящиков золота и серебра. Инженеру Буштеду и нижним воинским

⁶ Там же. Л. 86.

⁷ Там же. Л. 90.

⁸ Там же. Л. 27.

⁹ Там же. Л. 94–95.

¹⁰ Там же. Л. 100.

¹¹ Там же. Л. 123, 125, 131, 150, 157.

¹² Там же. Л. 160–162.

чинам выдали положенную награду 210 руб. и 342 р. 69 к. на проезд. На обратном пути инженеру Буштедту, который являлся тогда управляющим Сузунским заводом, было поручено посетить (по пути) Богословский и Нижнетагильский заводы для ознакомления с обработкой медных руд, с целью применения усовершенствований в плавке руд в Сузуне. Выполняя это задание, Буштедт задержался в пути и вернулся из командировки только 1 февраля 1896 г.¹³

Общие расходы на отправку каравана 1895 г. обошлись Управлению округа в 4264 р. 20 к. Заметим, что благодаря вводу в действие Транссибирской магистрали расходы Управления по транспортировке драгоценных металлов из Барнаула в Петербург были значительно снижены.

В августе 1896 г. был подготовлен новый – летний – караван для отправки в Петербург. «Смотрителем» каравана назначили горного инженера, коллежского советника И.И. Билля. В связи с командировкой его жалование возросло в 2 раза: с 2200 до 4400 руб.¹⁴ Для охраны каравана был направлен конвой из военных Барнаульской местной команды; в его состав вошли: Константин Иконников – старший унтер-офицер, Сергей Овчинников – ефрейтор и рядовые Егор Гунихин и Семен Медведев. Караван отбыл из Барнаула 30 августа 1896 г. и прибыл в Петербург 25 сентября 1896 г.¹⁵ Он доставил на Монетный Двор: серебряного золота – 5 пудов, 18 фунтов, 9 золотников, 13 долей и золотистого серебра – 275 пудов, 1 фунт, 91 золотник, 48 долей¹⁶.

Спустя год, 1 сентября 1897 г., в столицу отправился очередной караван, повезший на Монетный двор 200 пудов, 37 фунтов серебра и 3 пуда, 5 фунтов золота. Привел его сюда горный инженер Ерин¹⁷. А в 1898 г. алтайский караван, руководимый коллежским секретарем Кобылиным, поставил на Монетный двор 1 пуд, 21 фунт, 45 золотников и 48 долей серебряного золота, а также 153 пуда, 30 фунтов, 83 золотника золотистого серебра¹⁸.

В последующие годы поставки драгоценных металлов из Барнаула в столицу заметно снизятся – экономический кризис поразит российскую промышленность, в том числе и хозяйство коронного ведомства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганова Т.И. Внутритранспортная проблема кабинетского хозяйства в первой трети XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973.

2. Соболева Т.Н., Осипова М.А. Алтайская бюрократия 60 – начала 80-х гг. XIX в. (Негативные штрихи к портрету кабинетской горнозаводской администрации) // Население. Управление. Экономика. Культурная жизнь Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2003.

3. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.

4. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908.

УДК 947(571)+337.023 Н-47

А.В. НЕКЛЮДОВА

ИРКУТСКАЯ ТАМОЖНЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

канд. ист. наук
Восточно-Сибирская государственная академия образования
г. Иркутск
e-mail: neklyudova_nast@mail.ru

В статье исследуется деятельность Иркутской таможни во второй половине XIX – начале XX в. Основное внимание уделяется процессу становления таможенного дела в Иркутске, оформлению структуры таможни, определению основ ее деятельности, что позволяет проследить объемы и потоки товаров, их ассортимент, взаимоотношения предпринимателей с таможенной организацией и её борьбу с контрабандными товарами.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, таможня, транзит, торговля, контрабанда, пошлина.

В 1861 г. начала свою деятельность Иркутская таможня, которая стала ведущей в Восточной Сибири. Это событие было связано с тем, что после введения порто-франко и легализации русской караванной торговли с Синьцзяном по Кульджинскому договору 1851 г. Кяхта, где прежде располагалась таможня, быстро утратила роль международно-

го транзитного центра, единственного на границе между Россией и Китаем. Все это привело к тому, что операции кяхтинской таможни решено было перевести в Иркутск.

Изначально выбор стоял между Иркутском и Кругобайкальской дорогой¹. Сомнения были развеяны в мае 1861 г., когда директор кяхтинской таможни Крит отметил, что при выборе удобного пункта необходимо было обратить

¹³ Там же. Л. 166–170.

¹⁴ Там же. Д. 1410. Л. 27.

¹⁵ Там же. Л. 39.

¹⁶ Там же. Л. 54.

¹⁷ Там же. Л. 107.

¹⁸ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1410. Л. 214.

¹ ГАИО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.

внимание именно на Иркутск, так как «из Кяхты идет один большой торговый путь через Селенгинск, Верхнеудинск, Посольск, через Байкал и Ангару в Иркутск, где он соединяется с большим Сибирским трактом, ведущим в европейскую часть России. В Верхнеудинске этот путь соединяется с почтовой дорогой, идущей с Амура и пролегающей через всю Забайкальскую область... Поэтому Иркутск по необходимости должен стать центром таможенных операций»².

После определения месторасположения таможни встал другой сложный вопрос, связанный с устройством таможенной линии, которая напрямую зависела от специфики местностей и путей, по которым могла направляться контрабанда. Предполагалось, что дешевле всего контрабандистам было бы обойти Иркутск с северо-востока. Для этого контрабандные чаи из Посольска направляли бы к устью Бугульдейки или Голоустной, впадающих в Байкал севернее истока Ангары. Поэтому здесь необходимо было устроить караулы для наблюдения за устьями названных рек. Кроме того, путь шел с о. Ольхона на д. Оёк, лежащую на якутской дороге. По этой дороге необходимо было посылать разъезды. Считалось, что гораздо затруднительнее была бы защита от вторжения контрабанды «кругоморского» тракта. Здесь центром незаконных торговых операций мог быть Култук, так как здесь соединялись три дороги: Кругобайкальская дорога, идущая от ст. Снежной, через Шубутуевскую и Слюдянскую и, наконец, дорога из Култука в Тибельты. На западе крайним пунктом этой линии должна была быть Тунка, через которую проходила старая «кругоморская» дорога, идущая через Харадай. Контрабандисты могли бы обойти Иркутск и с самого близкого расстояния, например, с востока через д. Пивовариху, а с запада – через Грудинино или Кузьминское и через Глазково. Поэтому на возможных путях следования незаконных товаров были устроены караулы и разъезды. Так, они появились в селах Лиственничном, Голоустном, на Ольхоне, в Култуке и Тунке. Предполагалось, кроме того, поставить вблизи Иркутска несколько постоянных караулов и посылать разъезды из самого города на удобные для контрабанды пути. Для всех этих линий и разъездов потребовалось от 200 до 250 объездчиков при нескольких офицерах и 20 унтер-офицерах³.

Сама таможня в Иркутске разместилась в двух усадьбах, занимавших целый квартал на углу Луговой (сегодня ул. Марата) и набережной р. Ангары. Штат состоял из 29 чиновников и 24 вольнонаемных досмотрщиков с помощниками и сторожами. Для охраны таможенной линии был назначен казачий отряд в 100 человек с 4 унтер-офицерами. Генерал-губернатору Восточной Сибири предоставлялось право вести наблюдения за действиями таможни, в случаях злоупотреблений и беспорядков сообщать в Министерство финансов и принимать меры к их устранению.

Иркутская таможня превратилась во внутреннюю, это означало, что товар, проходивший через нее, уже побывал на приграничных таможнях. Хотя она выполняла все функции обрядности впускного пограничного учреждения. При досмотре грузов на таможенных заставах торговцам выда-

вался ярлык с указанием числа мест товара, который вместе с накладными предъявлялся в таможне. Затем проводился досмотр, исчислялась пошлина. Согласно ст. 26 правил отчетности Таможенного управления «для облегчения товарохозяев в платеже пошлины дозволялась отсрочка до 12 месяцев»⁴, причем право это предоставлялось всем без исключения. При обнаружении излишков товара или других нарушений с торгующих взималась пеня. Пошлина поступала в доход казны, а пеня была наградой для внимательных служащих таможни.

Доходы Иркутской таможни на протяжении второй половины XIX в. неуклонно росли. Если в 70–80-х гг. XIX в. они колебались от 2 до 3 млн руб. ежегодно, то в 90-х гг. – выросли до 9 млн руб. По таможенным доходам Иркутская таможня стала занимать 5-е место по стране, давая 8 % от общего поступления всех таможенных сборов.

В конце XIX – начале XX в. со строительством железной дороги роль Иркутска, как крупнейшего торгового центра Восточной Сибири, товарно-распределительного и транзитного пункта, усилилась. Иностранные товары, привезенные в Сибирь, как правило, через Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Благовещенск и Аян (Якутия), перемещались в Западную Сибирь или Европейскую Россию только через Иркутск и его таможню, работа и структура которой в эти годы значительно изменились. Иркутская таможня теперь располагалась на железнодорожном пути (Забайкальская железная дорога) и речном (река Ангара) из Забайкальской области в Иркутскую губернию. Ей подчинялись Танхойская, Хангинская, Байкальская, Бодайбинская и Нохтуйская таможенные заставы, работу которых она обязана была постоянно контролировать. Таможня была подведомственна контрольной и казенной Иркутским палатам. При Иркутской таможне образовалась торгово-промышленная артель (1908–1910 гг.), которая осуществляла работу на городских казенных складах, подведомственных таможне, все работы над товарами по приему «на складку», предъявлению к досмотру и выпуску из ведения таможни. Через таможню разрешался транзит русских товаров заграничным путем в другие таможни и из других таможен, транзитная отправка иностранных товаров в таможни внутренние и транзитная отправка через Россию товаров иностранных для дальнейшего вывоза за границу⁵. Таможенникам приходилось досматривать не только грузы, но и багаж пассажиров. Досмотр грузов, привозимых по железной дороге, осуществлялся на границе Забайкальской области и Иркутской губернии (ст. Танхой, Выдрино), а также на железнодорожном вокзале самого Иркутска.

Часто таможни восточнее Иркутска бездействовали, например в годы китайской и японской кампаний, поэтому Иркутская таможня работала в экстремальных и крайне неблагоприятных условиях.

Многие европейские, западносибирские и забайкальские купцы, имеющие дела, связанные с Иркутском и его таможней, держали здесь своих доверенных лиц – купцов, доверенных торговых фирм, представителей государственных учреждений, имеющих право сношения с таможней по

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 23–23 об.

⁴ Там же. Л. 37.

⁵ Там же. Д. 455. Л. 9.

таможенным делам. Так, нерчинский купец I гильдии Я.С. Андоверов доверял иркутскому мещанину С.Е. Шишкину «подавать объявления, платить пошлину лично и переводом под разные залого, вносить залого и получать обратно, обрезать купоны, получать товары, покупать чай и т.д.»⁶. Доверенных лиц при таможене имели Товарищество «А. Ф. Второв и сыновья», коммерции советник М.Д. Бутин, «Товарищество чайной торговли Петра Боткина с сыновьями», Торговый дом «Вогау и К^о» и др.

На рубеже веков через Иркутск прошло товаров на сумму 11,5 млн руб., в том числе галантерейных и мануфактурных товаров на 8 млн руб. В Якутию и Забайкальскую область из Иркутска было привезено товаров до 4,5 млн руб., так что в Иркутске осталось и распределилось по губернии товаров стоимостью до 7 млн руб. Это позволило взыскать пошлин с товаров, прошедших через Иркутск, на сумму 9,5 млн руб. [1, с. 72].

Со строительством Транссиба значительно расширился ассортимент привозимых по железной дороге товаров. Товары шли из Европейской России (Москвы, Санкт-Петербурга, Ирбита), из Томска, а также из европейских стран. Номенклатура поступающих с Запада товаров была совершенно отлична от товаров, ввозимых с Востока. Так, из Европейской России в Сибирь поставлялись мануфактурные товары, табак, спирт, сахар, керосин, кожаные и железные изделия, галантерейные товары. Из Европы доставляли швейные машины, мебель, сахар, мануфактура, вино, пиво, модные товары, бархат, виноград, вино, ликер, коньяк, бумажные и шерстяные пряжи и ткани, железо, шерсть. Из Америки ввозили машины, сельскохозяйственные орудия, железные изделия, муку и другие продовольственные припасы.

Из соседних азиатских государств в Россию через Иркутск поступало большое разнообразие товаров. Из Китая ввозились чай, пошлина от которого в разные годы составляла 60–96 % от общей суммы⁷, шелк, фарфоровая посуда, уксус, пастила, крупчатка, предметы одежды, белья и т.п. Из Японии привозили рис, пшеницу, соль, фрукты, галантерейные вещи, фарфоровую посуду, веера, платки, зонтики, шерстяные ткани, кожаную обувь, драгоценные камни, серебряные изделия. Корея поставляла в основном скот и продукты сельского хозяйства. Все эти товары направлялись в Иркутск по железной дороге.

Размеры товарного потока, проходившего через Иркутск, постоянно менялись, о чем свидетельствуют данные таможен. Так, на рубеже веков наблюдалось его уменьшение на 5 млн руб. Это происходило за счет сокращения торговых отношений между Россией и Китаем в связи с событиями внутри Китая (1899–1901 гг. – подавление восстания ихэтуаней и 1900 г. – оккупация Россией северо-восточных провинций Китая).

Накануне Русско-японской войны внутренняя торговля в Сибири, в том числе и в Иркутске, развивалась повышенными темпами. Этому способствовали обильные урожаи, высокие цены на хлеб, необходимость обеспечивать продовольствием расквартированные в городах войска. Внешняя же торговля столкнулась со сложностями по пе-

ревозке товаров железнодорожным путем, так как дорога была занята перевозкой войск и военных грузов, регулярная торговля была нарушена. Во время войны 1904–1905 гг. через Иркутскую таможню значительно уменьшились и транзитные перевозки. В последующие годы на торговлю оказали влияние низкие урожаи, а также неблагоприятное воздействие политических событий в Китае, сопровождавшихся военной мобилизацией населения – масса производителей и потребителей была привлечена в ряды войск.

В последующие годы деятельность таможни не только не расширяется, а некоторых случаях даже сокращается. Так, в 1907 г. таможенного дохода поступило более 1 млн руб., а в 1909 г. – всего около 700 тыс. руб. Только после того как 1 июля 1910 г. при таможне был открыт завозной склад чаев для чайных грузов, следовавших из таможен восточнее Иркутска, Иркутская таможня начала увеличивать свои операции. За первые четыре месяца 1911 г. поступлений разных сборов стало уже на 459 тыс. руб. больше, чем за весь 1910 г.⁸

Первая мировая война также оказала влияние на деятельность Иркутской таможни, на объемы пропускаемых через нее товаров: в 1916 г. по сравнению с 1915 г. было привезено товаров по ценности меньше на 2151 тыс. руб. Это объяснялось (как и в 1904–1905 гг.) ограничениями в условиях военного времени, касавшимися приема частных грузов железной дорогой. Такое заметное сокращение привоза сказалось, главным образом, на чайных грузах. В конце 1916 – 1917 г. передвижение этого товара с Востока сократилось так, что стал признаваться угрожающим «чайный голод».

Наряду с уменьшением привоза чайных грузов и окончательным закрытием западной сухопутной границы значительно увеличился привоз других, кроме чая, товаров с Востока. Если сравнить статистические данные 1913 г. с данными 1916 г., то увидим, что привоз с Востока разного товара, опять же кроме чая, был следующим: в 1913 г. – на 14 тыс. руб., а в 1916 г. – на 2469 тыс. руб., т.е. увеличился в 176 раз. Ввоз товаров с Запада, несмотря на непрекращающееся поступление в Иркутск, сократился в 1916 г. по сравнению с 1913 г. в 14 раз, соответственно 321 тыс. и 23 тыс. руб.⁹

Серьезной работой для Иркутской таможни было ежегодное обслуживание временного таможенного надзора по приему, доставке и выпуску заграничных товаров, прибывающих на иностранных судах в устье Енисея и Оби Северным морским путем и по отпуску тем же путем вывозимых за границу русских товаров. Иркутские таможенники выезжали в Красноярск и Енисейск для досмотра иностранных судов. В годы войны этот маршрут приобрел особое значение, которое не утратил и в последующие годы.

Транзитная торговля не ограничивалась легальными возможностями. Часть товара провозилась контрабандой, главными статьями которой в конце XIX – начале XX в. были: во-первых, в связи с введением в России винной монополии – маньчжурский спирт, который везли в Европейскую Россию, где он сбывался по очень высоким ценам, и,

⁶ Там же. Д. 260. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 794. Л. 11.

⁸ Там же. Л. 40.

⁹ Там же.

во-вторых, персидский опиум, провозившийся с такой же целью в Китай.

Некоторые торговцы на Дальнем Востоке, сразу после прекращения войны с Японией, закупив на большие суммы разных товаров, в короткое время распродали их преимущественно среди чинов действующей армии и причастных к ней лиц, которыми затем эти товары, несомненно, перевозились при возвращении их в Россию с их имуществом. Таким образом, возникло стремление к легкой наживе путем тайного провоза по железной дороге иностранных товаров значительными партиями. Несмотря на энергичное преследование контрабанды, незаконный провоз спирта и опиума с каждым годом принимал все больший размах. В течение года в среднем возникало до 200 дел по расследованию нелегального провоза товаров¹⁰. В 1916 г. в конфискационном производстве Иркутской таможни было

зарегистрировано 270 случаев задержания контрабандных товаров на 55,2 тыс. руб., из них в 188 случаях – спирт и опиум на общую сумму 54,6 тыс. руб.¹¹

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. Иркутская таможня играла важную роль в регулировании товарных потоков в западном и восточном направлениях. Учрежденная в середине XIX в., она значительно ужесточила контроль над привозимыми товарами, оптимизировала свою деятельность, создала новые формы взаимоотношений с предпринимателями и в целом заняла весомое место в общероссийской таможенной системе дореволюционного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и Азиатским владениям России. Томск, 1903–1904. Отд. II.

УДК 94.57

Е.И. КРАСИЛЬНИКОВА

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИКОВ О КЛАДБИЩАХ ГОРОДОВ – АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

канд. ист. наук

Новосибирский государственный технический университет
e-mail: katrina97@yandex.ru

В статье сделан обзор исследований историков, краеведов, археологов и антропологов, посвященных прошлому городских кладбищ Томска, Новосибирска, Омска, Тюмени и Барнаула. Автором проанализирован вклад отдельных исследователей в разработку этой тематики и сформулированы выводы о степени ее изученности и перспективах ее дальнейшего изучения.

Ключевые слова: кладбище, некрополь, краеведение, историческая память, историография.

Кладбище – неотъемлемый объект городской среды, функции которого не ограничиваются лишь санитарным и коммунальным аспектами, это также места памяти, имеющие важное значение для разных социальных групп городского населения. Изучение истории городских кладбищ актуально в свете исследования вопросов духовной жизни горожан, особенностей формирования местных сообществ, влияния политики государства на частную жизнь и социальную память обывателей. Обращение к истории старинных захоронений перспективно также в свете генеалогических и биографических исследований. История городских кладбищ Новосибирска, Томска, Омска, Барнаула и Тюмени полна «белых пятен». Но уже сейчас можно подвести некоторые промежуточные итоги по изучению этой тематики и определить дальнейшие его перспективы.

В России история городских кладбищ изучается, главным образом, в рамках краеведения, археологии, антропологии, этнографии и в связи с исследованием истории мест

социальной и исторической памяти наших соотечественников. Почин изучению истории сибирских кладбищ положили краеведы рубежа XIX и XX вв. Прежде всего, обращают на себя внимание как наиболее ранние работы о православной церкви в Томске. В 1900 г. протоиерей Д.Н. Беликов привел сведения о самом старом городском православном кладбище на мысу Воскресенской горы у Троицкой соборной церкви [1, с. 7–8]. А в книге К.Н. Евтропова «История Троицкого кафедрального собора в Томске» кратко упомянуто Вознесенское кладбище, мимо которого двигался крестный ход, организованный преосвященным Афанасием в период эпидемии холеры, разразившейся в Тобольске в 1840-х гг., а также говорится о кладбищенской церкви [2, с. 25, 44]. В 1912 г. была опубликована замечательная краеведческая работа А.В. Адрианова «Томская старина», где приводились и более подробные сведения о томских кладбищах. Описывая пространственную организацию старинного Томска, Адрианов упоминал Шведскую гору (Каштак), где, по его словам, в Петров-

¹⁰ Там же. Д. 555. Л. 36 об.

¹¹ Там же. Д. 794. Л. 25 об.

ское время хоронили преимущественно пленных шведов, сосланных в Сибирь по царскому указу. Адрианов излагает известные ему городские легенды, проводит собственные полевые исследования. В частности, он нашел могильную плиту коменданта Томска Т.Т. Девильнева, умершего в 1794 г. и похороненного на Шведской горе. А.В. Адрианов сообщает и некоторые сведения о местах погребения легендарных жителей Томска (могила старца Федора Кузьмича на кладбище мужского Алексеевского монастыря и др. [3, с. 108, 119]).

Работы томских археологов и антропологов также внесли свою лепту в определение местоположения старинных томских кладбищ и характера имевшихся на них погребений. На рубеже XIX–XX вв. прозектор Томского университета С.М. Чугунов занимался антропологическим описанием человеческих останков, обнаруженных на месте старинных городских кладбищ. Он использовал материалы, найденные в местечке Тоянов городок [4, с. 34]; изучал строение и состояние скелетов XVIII в. с кладбища на Воскресенской горе [5, с. 11]; опубликовал данные о мусульманском кладбище XVII в. [6, с. 237–240], о православных кладбищах на Воскресенской горе, близ Богоявленской, Духовской церквей и при Иверской часовне [7, с. 16, 19, 21]. На основе изучения могил XVIII в. им описаны некоторые элементы погребального обряда. Чугунов зафиксировал использование гробов-колод из кедра, сосны или лиственницы, которые перевязывались веревкой; отметил, что местами на старинных томских кладбищах на отдельных участках соблюдались большие расстояния между могилами, но кое-где могилы были «сжаты», один гроб стоял на другом. Описал он обычай ставить детские гробы на материнские гробы и перенятый у остяков обычай заворачивать гроб в бересту (зафиксирован только на Троицком кладбище).

На рубеже XIX и XX вв. российские краеведы, наблюдая стремительную и безвозвратную утрату старинных традиций, обычаев и особенностей быта, стали уделять большое внимание развитию музейного дела и некрополистики. Историки, краеведы-энтузиасты и священники обращали внимание общественности на плохую сохранность старинных кладбищ, разъясняли их культурную ценность. Рассуждая в духе своего времени, С.М. Чугунов решил, что лучше отправить скелеты и черепа в музей, чем на свалки, поэтому те материалы, которые он посчитал неординарными, были переданы в музей Томска, прочие же были захоронены.

В середине 1950-х гг. сведения, собранные С.М. Чугуновым, были дополнены археологом А.П. Дульзоном, который нашел еще одно старинное татарское кладбище – близ современного коммунального моста через Томь [8, с. 113]. А в 1960 г. при составлении археологической карты Омска А.Ф. Палашенков привел некоторые сведения о старинных омских погостах [9, с. 19–22].

Советские краеведы и историки обращали лишь эпизодическое внимание на старинные городские кладбища. И.Е. Лясоцкий упоминал кладбище на Воскресенской горе в Томске [10, с. 10], А.П. Уманский и другие краеведы описывали уцелевшую в советский период могилу Н.М. Ядрин-

цева на Нагорном кладбище Барнаула, сообщали и о прочих, уничтоженных в 1930-х гг., захоронениях выдающихся барнаульцев [11, с. 178–181; 12, с. 42–46 и др.]. Главным образом, в работах советских краеведов фигурировали сюжеты о захоронениях (не только на кладбищах) революционеров, борцов за советскую власть и других героев советского идеологического дискурса [13, с. 144–147; 14, с. 52–62; 15 и др.]. «Кладбищенская» тематика продолжала занимать краеведов, скорее, неофициально. В частности, это видно на примере В.Д. Славнина, который опубликовал в 1991 г. книгу «Томск сокровенный». В книге имеются сведения об истории Шведской горы и ее состоянии в 1960-х гг.; о приходских погостах при томских церквях: Богоявленской, Воскресенской, Духовской, а также при Алексеевском мужском монастыре [16, с. 155, 171–178]. Славнин также описал свои впечатления от посещения в послевоенные годы Преображенского кладбища, передал рассказ своего отца о былом облике кладбища и людях, некогда там погребенных [16, с. 198–203].

В первой половине 1990-х гг. в сибирских городах появились и другие краеведческие работы, освобожденные от идеологической предопределенности их содержания и ориентированные на восстановление биографических сведений о людях, некогда живших, умерших и похороненных в сибирских городах. Так, краткую справку по истории омских кладбищ приводит Н.М. Пугачева. Она сообщает о том, что первым городским кладбищем следует считать погребения участников похода И.Д. Бухгольца и строителей первой Омской крепости (предположительно, они находились внутри крепости). В ее справочной статье даны также сведения о старинных и современных омских кладбищах; охарактеризованы обстоятельства их существования и приведены сведения о некоторых известных омичах, которые были там захоронены [17, с. 109–111]. Изучение истории томских погостов продолжила в это время В. Соловьева, посвятившая статью Южному кладбищу [18].

В первое десятилетие XXI в. также появляются краеведческие работы, посвященные истории кладбищ Новосибирска и Тюмени. Краевед М.И. Корсакова работала над определением местоположения старинных новосибирских кладбищ (Воскресенского, Нового, Магометанского, Закаменского, братских могил периода Гражданской войны, захоронений военнопленных), сообщала о времени их открытия. Она описала их внешний облик и прояснила вопрос о службах, отвечавших за их благоустройство [19]. Краевед, председатель Историко-родословного общества М.Н. Добрынин, принимавший активное участие в инвентаризации кладбищ Новосибирска, также является автором работ по их истории. Он называет и несохранившиеся, и существующие городские кладбища, указывает время их открытия, ликвидации (тех, что уничтожены), местоположение, приводит некоторые другие сведения [20]. История еще одного новосибирского кладбища – Заельцовского мемориального – стала предметом исследования историка В.И. Байандина [21]. Заслуживает внимания и работа С. Кубочкина, посвященная истории тюменских кладбищ [22]. В последние годы пополнялись также и сведе-

ния о томских старинных кладбищах. Н.М. Дмитриенко, составляя хронику жизни Томска, упоминала захоронения выдающихся томичей и указывала даты закрытия некоторых кладбищ [23, с. 146, 162, 168, 169, 175, 176, 184, 190, 197, 198, 209, 220].

Краеведческое изучение истории кладбищ тесно смыкается с исследованиями в области некрополистики. Практически неразрывной стала эта взаимосвязь в постсоветской историографии. На необходимость изучения томского некрополя еще в 1992 г. указала Н.М. Дмитриенко [24]. В 1995 г. в Барнауле появилась первая работа В.Ф. Гришаева об истории некрополя Барнаула, где рассказывалось о создании Нагорного кладбища и строительстве Иоанно-Предтеченской церкви; о наиболее интересных захоронениях на Нагорном кладбище (о могилах организаторов и руководителей горнозаводского производства, художников, архитекторов, ученых, деятелей образования, литераторов); об уничтожении кладбища в советское время [25]. Тогда же и А.В. Котнев посвятил свою статью Нагорному кладбищу [26]. Он, как и В.Ф. Гришаев, кратко описал основные события в истории Нагорного кладбища, кроме того, дал характеристику результатам археологических раскопок, которые велись в этой местности на территории уничтоженного Нагорного кладбища. Исследователь поясняет особенности зонирования кладбища, дает описание найденным ранее останкам церкви, могилам известных барнаульцев – В.К. Штильке, Г. Менье.

Российские исследователи некрополей, начиная с XVIII в., занимаются установлением, систематизацией и интерпретацией сведений о местах погребений, принадлежащих определенному локусу, о надгробиях и памятниках, а также о людях, чьи останки были захоронены в этих местах. Термин «некрополь», от которого происходит слово «некрополистика», в дословном переводе с греческого означает «город мертвых». Обычно «некрополями» называют комплексы погребений (кладбища, захоронения в храмах, могильники и пр.), а также справочные издания, посвященные сведениям о лицах, погребенных на определенном кладбище (группе кладбищ). Российская некрополистика переживала свой рассвет на рубеже XIX и XX в., когда во многих городах страны создавались свои некрополи, включившие описание самих кладбищ и имеющихся там могил. Основное содержание работ этого периода было представлено справочниками, составившимися на основе переписывания исследователями надписей с надгробных плит. Такие надписи обычно содержали сведения об имени, возрасте и «чине» погребенного и иногда эпитафии.

Однако в городах Западной Сибири до революции не было опубликовано ни одного некрополя. Стоит заметить, что работа над составлением томского некрополя все-таки велась, но лишь в 2010 г. были изданы ее результаты [27]. Публикации некрополей западносибирских городов начали выходить только в последнем десятилетии. При этом основное внимание исследователей привлекают уже не существующие, уничтоженные в советское время городские кладбища. Сведения о людях, погребенных на этих кладбищах, историки стали восстанавливать, привлекая газет-

ные объявления, некрологи, метрические книги и другие документы.

В 2001 г. была выпущена книга «Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах» [28]. Создание этого некрополя курировалось опытными историками Н.М. Дмитриенко и В.П. Зиновьевым. Это издание отличается богатством интересно скомпонованных источников, среди которых имеются списки горожан, погребенных на старинных томских кладбищах, с указанием дат их кончины и похорон, биографические статьи, некрологи, тексты эпитафий, дошедших до нашего времени. Основным источником получения сведений такого рода стала томская газетная периодика. В этом же издании дана краткая историческая справка о местонахождении, времени и условиях существования старинных томских кладбищ: Вознесенского, Каштакского, Северного, Преображенского и монастырских кладбищ. Одновременно сотрудники Томского Польского национального центра «Белый орел» совместно с работниками Государственного архива Томской области издали справочник «Католический некрополь г. Томска», где, помимо списков лиц, погребенных на томских католических кладбищах (списки систематизированы по годам), приведены и исторические данные о католических кладбищах Томска на Шведской горе, Соляной площади и в других местах [29].

В 2005 г. был опубликован «Омский некрополь», где приведены сведения о снесенных омских кладбищах: трех киргизских, Могильнике, Слободском, Кадышевском, Бутырском, Шепелевском, еврейских, о кладбищах лечебницы для душевнобольных, казачьей станицы Захламино и о Казачьем кладбище, а также биографические статьи о выдающихся персонах, погребенных на этих кладбищах [30].

Появился свой некрополь и в Новосибирске. Помимо уже известной читателям работы М.И. Корсаковой, в это издание включено и исследование автора данной статьи под заголовком «Божья нива» [31]. В этой работе научно-популярного характера городские кладбища рассматриваются как места исторической памяти новосибирцев. Нами не только уточнены и дополнены сведения о времени существования и местоположении старых городских кладбищ, описано их устройство и внешний облик, но и определены их функции в повседневной жизни большого сибирского города. Большое внимание нами уделено пониманию жителями Новосибирска в разные периоды исторического значения старинных кладбищ, социально-политическим конфликтам, связанным с уничтожением погостов и с вандализмом, а также историям кончины новониколаевцев, относившихся к разным социальным группам. Автору «Божьей нивы» принадлежит и несколько научных работ, посвященных истории как новосибирских кладбищ, так и кладбищ других сибирских городов. Эти работы подготовлены в контексте изучения проблематики исторической памяти сибиряков [31–34].

Подводя итог, отметим, что история городских кладбищ Западной Сибири изучается давно, наибольших успехов в исследовании этого вопроса достигли томичи, в значительной степени указанная тематика разработана так-

же в Омске и Новосибирске. Однако о кладбищах Барнаула и Тюмени известно пока очень мало, в этих городах еще не составлено некрополей. Несмотря на то, что краеведы и некрополисты собрали уже много сведений по истории сибирских городских кладбищ, все-таки стоит отметить, что эти данные носят в основном описательный характер. Поэтому дальнейшая работа по изучению старинных кладбищ сибирских городов в контексте исследований развития исторической памяти общества будет способствовать более глубокому и разностороннему осмыслению истории кладбищ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беликов Д.Н.* Старинный Свято-Троицкий собор в г. Томске. Томск, 1900.
2. *Евтропов К.Н.* История Троицкого кафедрального собора в Томске. Томск, 1904.
3. *Адрианов А.В.* Прошлое Томска // Город Томск. Томск, 1912.
4. *Чугунов С.М.* Материалы для антропологии Сибири: Древнее кладбище близ г. Томска «Тоянов городок» // Изв. Имп. Томск. ун-та (ИИТУ). Томск, 1902. С. 30–60.
5. *Чугунов С.М.* Материалы для антропологии Сибири: Старинное Татарское и следы других кладбищ в Юрточной части г. Томска // ИИТУ. 1904. С. 10–30.
6. *Чугунов С.М.* Материалы для антропологии Сибири: Антропологический состав населения г. Томска по данным пяти старинных православных кладбищ // ИИТУ. 1905. С. 230–250.
7. *Чугунов С.М.* Что такое processus articularis atlantis? // ИИТУ. 1902. С. 3–30.
8. *Дульзон А.П.* Археологические памятники Томской обл.: Материалы к археологической карте Среднего Приобья // Труды Томск. обл. краевед. музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 100–130.
9. *Палашенков А.Ф.* Материалы к археологической карте Омска // Изв. Омск. отд. Геогр. о-ва СССР. Омск, 1960. С. 19–22.
10. *Лясоцкий И.Е.* Прошлое Томска в названиях его улиц, построек и окрестностей. Томск, 1952.
11. *Уманский А.П.* Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1959.
12. Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Алтайский край. М., 1990.
13. Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск, 1967.
14. Памятники Новосибирска. Новосибирск, 1980.
15. *Усольцева Л.С.* Дом Ленина. Сквер Героев революции. Новосибирск, 1990.
16. *Славнин В.Д.* Томск сокровенный. Томск, 1991.
17. *Пугачева Н.М.* Кладбища Омска // Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 109–111.
18. *Соловьева В.* Южное кладбище // Сибирская старина. 1992. С. 11–12.
19. *Корсакова М.И.* Погосты, кладбища, братские могилы // История города. Новониколаевск – Новосибирск: Исторические очерки. Новосибирск, 2005. С. 349–364.
20. *Добрынин М.Н.* Кладбища Новосибирска (Новониколаевска) // Материалы Новосибирской генеалогической конференции, проведенной Новосибирским историко-родословным обществом совместно с Домом народного творчества Новосибирской обл. Новосибирск, 2003. С. 6–9.
21. *Баяндин В.И.* Заельцовское мемориальное кладбище советских воинов // Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск, 2003. С. 330.
22. *Кубочкин С.* Над вечным покоем: Из истории старинных тюменских кладбищ // Лукич. 2000. № 4. С. 67–92.
23. *Дмитриенко Н.М.* День за днем, год за годом: Хроника жизни Томска. Томск, 2003.
24. *Дмитриенко Н.М.* Томский некрополь // Сибирская старина. 1992. № 2. С. 10–11.
25. *Гришаев В.Ф.* Барнаульский некрополь: К истории Нагорного кладбища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. 5, ч. 1. С. 171–177.
26. *Котнев А.В.* Материалы по истории Нагорного кладбища г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. 5, ч. 1. С. 178–185.
27. Томский некрополь (по документам фонда великого князя Николая Михайловича в РГИА). СПб., 2010.
28. Томский некрополь: Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах (1827–1939 гг.). Томск, 2001.
29. Католический некрополь г. Томска (1841–1919 гг.). Томск, 2001.
30. Омский некрополь: Исчезнувшие кладбища. Омск, 2005.
31. *Косякова [Красильникова] Е.И.* Божья нива // Новосибирский некрополь. Новосибирск, 2009. С. 12–165.
32. *Косякова [Красильникова] Е.И.* «На кладбище скрыты могилы...»: Об уничтожении Воскресенского погоста в Новониколаевске // Пишем времена и случаи. Новосибирск, 2008. С. 129–135.
33. *Косякова [Красильникова] Е.И.* Забытая божья нива: Из истории старинных новосибирских кладбищ и похорон // Сибирский исторический журнал. 2008/2009. С. 101–110.
34. *Красильникова Е.И.* Кладбища губернских западносибирских городов как места памяти их жителей (по материалам местной прессы первой половины 1920-х гг.) // Культура и интеллигенция России: Инновационные практики. Образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан. Омск, 2009. С. 248–251.

УДК 94(47)

С.А. САФРОНОВ

**ВЫБОРЫ В ПЕРВУЮ – ЧЕТВЕРТУЮ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ
В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ**

канд. ист. наук
Институт фундаментальной подготовки
Сибирского федерального университета,
г. Красноярск
e-mail: safronow63@mail.ru

В статье освещается предвыборная борьба кандидатов в депутаты в Государственную думу четырех созывов в 1906–1912 гг. в Енисейской губернии, анализируется партийная принадлежность сибирских депутатов, говорится о досрочном прекращении работы Первой и Второй думы. Большое внимание уделяется изменению выборного законодательства в отношении Сибири и других регионов России после разгона Второй Государственной думы, а также снижению политической активности населения после подавления Первой русской революции 1905–1907 гг.

Ключевые слова: Государственная дума, Енисейская губерния, избирательный закон, политические партии.

Выборная законодательная власть в России была введена Манифестом от 17 октября 1905 г. Одновременно с подготовкой создания Государственной думы была проделана работа по изменению «Основных законов Российской империи». Новый вариант Основных законов был подписан Николаем II 23 апреля 1906 г. Они подтверждали неизблемость самодержавия, царь сохранял право издавать законы, руководить внешней политикой, армией, флотом, назначал высших чиновников. Тем не менее все законы должны были утверждаться Думой и Государственным советом. Дума также получила право обсуждать государственный бюджет, делать запрос должностным лицам, выступать с законодательной инициативой.

Выборы в Первую Государственную думу состоялись в марте–апреле 1906 г. Выборная кампания в Енисейской губернии прошла с большим подъемом и оживлением, как в обществе, так и в местной печати. В г. Красноярске борьба носила ожесточенный характер. Состоялся ряд предвыборных собраний, очень многочисленных и оживленных. Велись горячие дебаты и словесные схватки представителей различных партий, отстаивавших своих кандидатов. Каждая партия стремилась как можно шире распространить свое влияние на жителей губернии [1, с. 54; 2, с. 181–182].

Одной из особенностей выборов в Государственную думу в Сибири было то, что основными выборщиками (еще в большей степени, чем в Европейской России) здесь являлись крестьяне. Всего от Сибири должно было быть выбрано 26 депутатов (при общем количестве 524 депутата). Однако выборы прошли не везде – например, в Восточной Сибири они завершились только в Енисейской губернии. От нее было избрано два трудовика – С.А. Ер-

молаев и Н.Ф. Николаевский [3, с. 400–401; 4, с. 55; 5, с. 44–46].

Симон Афанасьевич Ермолаев родился в 1870 г. в семье крестьян с. Шушенского (его предки приехали в Енисейскую губернию из Нижегородской губернии). В 1895 г. С.А. Ермолаев на три года был избран казначеем Шушенской волости Минусинского уезда. В 1897–1898 гг. он был волостным заседателем. С.А. Ермолаев по долгу службы и во внеслужбное время много общался с политическими ссыльными, установил дружеские отношения с В.И. Лениным, когда тот отбывал ссылку в с. Шушенском. 7 мая 1898 г. С.А. Ермолаев был свидетелем на свадьбе В.И. Ленина и Н.К. Крупской, о чем есть запись в метрической книге Шушенской церкви. По своим политическим воззрениям С.А. Ермолаев был трудовиком. Во время выборной кампании в Первую Государственную думу он, имевший низшее образование (приходское училище), самостоятельно не мог в полной мере соответствовать уровню кандидата в будущие законодатели. Есть данные, что предвыборные речи С.А. Ермолаеву писал А.А. Ярилов – директор Минусинского музея им. Н.М. Мартянова, впоследствии видный советский почвовед-академик [2, с. 182].

Николай Федорович Николаевский родился в 1869 г. в семье чиновника из Тверской губернии. После окончания Томского университета с 1898 г. работал участковым врачом в больнице с. Каратуз Сагайской волости Енисейской губернии. Имел чин надворного советника. По политическим взглядам был трудовиком, близким к марксистам. Прибыв в с. Каратуз, быстро наладил связи с политическими ссыльными, установил контакт с членами Минусинской группы РСДРП. В целях конспирации женился на дочери владелицы Уджейского винокуренного завода Н.Ф. Колобо-

вой. На деньги, полученные от нее, Николаевский оказывал помощь политическим ссыльным в Минусинском уезде, а в доме, подаренном также Колобовой, устроил больницу. В подвале этой больницы он проводил тайные занятия революционного кружка, созданного им из политических ссыльных, крестьян и разночинцев. Однако в жандармском управлении Н.Ф. Николаевский считался политически благонадежным и был вне всяких подозрений, что, в конце концов, и помогло ему стать депутатом Государственной думы [2, с. 184–185].

В целом Первая дума оказалась слишком радикальной, «левой» по политическим воззрениям, чем этого ожидали царь и его окружение. Особенно выделялись депутаты-трудовики, которые вообще потребовали конфискации помещичьих земель. Судьба думы была предрешена, 8 июля 1906 г., через 72 дня после начала работы, она была распущена.

В феврале 1907 г. состоялись выборы во Вторую Государственную думу. Выборная кампания во Вторую думу прошла в Енисейской губернии со значительно меньшим подъемом, чем в Первую. Предвыборная агитация велась горячо, но период ее был короткий. Каждая из партийных газет (как и раньше) истово отстаивала своих кандидатов и пыталась пробудить у населения интерес к выборам. Газетные схватки были жестокими, кандидаты соперников не щадили. Социал-демократы, бойкотировавшие выборы в Первую думу, приняли активное участие в избирательной кампании по выборам во Вторую Государственную думу. Активизировала свою деятельность и «Партия народной свободы» (кадеты). Так, газета «Красноярск» опубликовала биографии двух кандидатов от партии кадетов – Н.А. Шепетковского и В.А. Караулова. Относительно Н.А. Шепетковского говорилось, что на его имени нет ни одного пятнышка, никто не дерзнет сказать хоть что-нибудь против этого идеального человека. Единственным его недостатком, по мнению «Красноярца», являлось то, что он был слишком порядочным и честным [1, с. 54; 2, с. 185–186].

Печатный орган черносотенцев Енисейской губернии «Сусанин» призывал голосовать за лидера местных националистов В. Захарова. Сибирских областников в г. Красноярске возглавлял врач и известный общественный деятель В.М. Крутовский. Пропагандируя автономию Сибири, областники по своим программным положениям частично смыкались с кадетской программой, использовались и эсеровские лозунги. 10 февраля 1907 г. социал-демократы через свою газету «Сибирский путь» призвали жителей г. Красноярска голосовать за рабочих депутатов и ни в коем случае не голосовать за кадетов. В тот же день данная газета была закрыта, а ее редактор А.Е. Рогов выслан за пределы губернии. Депутат же от большевиков Ф.М. Никитин был исключен избирательной комиссией. В Енисейской губернии во Вторую Думу прошли: социал-демократ меньшевистского направления И.К. Юдин и беспартийный священник А.И. Бриллиантов [6, с. 66–67; 7, с. 15–17].

Иван Корнильевич Юдин родился в 1862 г. в обедневшей купеческой семье г. Кургана Тобольской губернии. Он

окончил трехклассное городское училище. До 1884 г. И.К. Юдин жил в семье своих родителей, а потом в течение 22 лет служил в сибирской фирме Н.Г. Гадалова. Сначала И.К. Юдин занимал должность обычного конторщика, затем стал доверенным по оптовым магазинам, а с 1887 г. вплоть до 8 июля 1906 г. работал управляющим пароходства. Во время выборов в думу И.К. Юдин, опасаясь ареста, вынужден был скрываться. В думу он прошел от рабочей курии. После роспуска Второй думы в ноябре 1907 г. И.К. Юдин был осужден на каторгу за антиправительственные действия [7, с. 15–17].

Александр Иванович Бриллиантов родился в 1869 г. в семье сельского священника в с. Корниловском Ачинского уезда Енисейской губернии. Он окончил курс духовного училища и духовной семинарии в г. Томске. Затем служил в течение 12 лет священником в с. Еловском Красноярского уезда. В 1904 г. он стал священником Спасского собора г. Минусинска. А.И. Бриллиантов был членом уездного отделения Всероссийского крестьянского союза, придерживался левых взглядов. 13 марта 1907 г. на собрании выборщиков был избран депутатом Второй Государственной думы. По приезде в столицу, 3 апреля 1907 г., А.И. Бриллиантов вошел в парламентскую фракцию социалистов-революционеров и работал в комиссии по церковным вопросам [7, с. 17].

3 июня 1907 г. были обнародованы царский Манифест о роспуске Думы и новый закон, изменивший порядок выборов в Думу. Фактически это означало, что в России был совершен государственный переворот. Отличительной чертой выборов в Третью Государственную думу в Сибири являлось видимое равнодушие к ним основной массы местного населения. По новому избирательному закону общее количество депутатов в ней было сокращено с 524 до 448. Представительство от Сибири было сокращено почти вдвое – с 26 до 14 депутатов. Енисейская губерния также лишилась одного представителя. К тому же выборы в Сибири проводились в условиях реакции и военного положения. До 30 сентября 1907 г. на страницах газет не велось вообще никакой агитации, т.е. выборы в Третью думу проводились «втемную». Так, в г. Красноярске выходили лишь «Красноярск» и «Сусанин», которые публиковали лишь статьи о мелких городских событиях и ни словом не касались выборов. Только 23 сентября 1907 г., т.е. за неделю до выборов, кадеты устроили первое предвыборное собрание, но даже информацию об этом газеты напечатали только через три дня. «Агитация» носила весьма скромный характер. Так, газета «Красноярск» поместила о своем кандидате В.А. Караулове лишь маленькую биографическую заметку [8, с. 1–5; 9, с. 54–55].

Монархисты в ряде городов Сибири в выборах вообще не участвовали. Социалисты использовали разную тактику: большевики по-прежнему осуществляли тактику левого блока, эсеры бойкотировали выборы, меньшевики призывали к блоку с кадетами. От Енисейской губернии был избран кадет В.А. Караулов [1, с. 56–57; 10, с. 125–126; 11, с. 2–3].

Василий Андреевич Караулов родился в помещицкой семье в Торопецком уезде Псковской губернии в 1854 г. Его родители были потомственными дворянами. Окончив курс

Псковской гимназии, он поступил в Санкт-Петербургский университет. Здесь В.А. Караулов примкнул к народникам и в 1883 г., опасаясь преследований со стороны полиции, вынужден был бежать за границу, в Париж. В 1884 г. он вернулся в Россию и был арестован в г. Киеве по делу «12-ти». Военно-окружной суд приговорил его к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на четыре года. После освобождения из Шлиссельбургской крепости, где он находился в одной камере с Н.А. Морозовым, в 1889 г. В.А. Караулов, в кандалах, пешим этапом был отправлен в Сибирь, на поселение в с. Усть-Уду Балаганского уезда Иркутской губернии. Здесь он под руководством своей жены-врача работал в качестве аптекаря и больничного фельдшера. В 1893 г. генерал-губернатор Восточной Сибири А.Д. Горемыкин за самоотверженный труд жены В.А. Караулова на сельском медицинском участке, где в борьбе против эпидемии она заразилась и чуть не умерла, перевел семью Карауловых в г. Красноярск. Здесь он стал работать частным поверенным. С началом Первой русской революции В.А. Караулов активно сотрудничает с «Союзом освобождения». Кроме того, он являлся одним из учредителей Сибирского областного союза. В 1906 г. В.А. Караулов был восстановлен в политических правах. После Манифеста от 17 октября 1905 г. он объявил себя сторонником конституционной монархии и принял деятельное участие в организации отдела партии кадетов в Енисейской губернии, а впоследствии являлся членом ее ЦК. В.А. Караулов выставлялся в качестве кандидата от конституционно-демократической партии и в Первую, и во Вторую думу, но неудачно. Прошел он лишь в Третью думу, здесь работал сразу в нескольких комиссиях: членом рыболовной и церковной, товарищем председателя и председателем отдела в переселенческой, председателем в старообрядческой, состоял членом комитета сибирской группы депутатов; был прекрасным оратором. 18 декабря 1910 г. В.А. Караулов скоропостижно скончался, не доработав до конца срока деятельности Третьей думы [2, с. 188].

В 1912 г. закончился срок полномочий Третьей Государственной думы, и осенью 1912 г. состоялись выборы в Четвертую думу. Выборная кампания в Сибири прошла очень вяло. В Енисейской губернии практически до сентября 1912 г. разговоров о выборах было очень мало. Только местный «Союз русского народа», возглавляемый неутомимым В. Захаровым, проявил активность, устраивая собрания патриотов и съезды священников. К тому времени в Енисейской губернии «со времени успокоения партийных организаций не осталось». Так, железнодорожные рабочие или были «разъяснены» и устранены от выборов, или запуганы. Союз приказчиков сохранился в виде небольшой группки. Октябристов в губернии практически не было, за исключением отдельных представителей, которые были совершенно разрознены. Местные кадеты, по образному выражению современников, сильно «пореди и полиняли», так как многие из них на тот момент занимали важные государственные посты и поэтому усиленно заматали следы прежней оппозиционной деятельности. Перед выборами они объединились под флагом прогрессивно-демократического блока. Социал-демократы

придерживались прежней тактики, хотя, например, в г. Красноярске они выставили свой список, куда включили государственных служащих – доктора А. Козмина и бухгалтера Н. Патлых. В Енисейской губернии был избран кадет С.В. Востротин, уже являвшийся депутатом Третьей Государственной думы, куда он был избран после смерти В.А. Караулова [12, с. 66–67; 13, с. 13–20; 14, с. 13–21; 15, с. 27–32].

Степан Васильевич Востротин родился в 1864 г. в г. Енисейске в купеческой семье, его отец был известным сибирским золотопромышленником. Свое образование Степан Васильевич начал в местной приходской школе, затем в 1876–1882 гг. обучался в Енисейской прогимназии, а для завершения среднего образования вынужден был переехать в г. Томск, где учился в старших классах классической гимназии. В следующем году он поступил в Казанский ветеринарный институт, который окончил с отличием в 1887 г. Уехав за границу, в Париж, он поступил в медицинскую школу с намерением впоследствии работать при Пастеровском бактериологическом институте. Однако в 1889 г. умер его отец, оставив после себя крупное золотопромышленное дело, и С.В. Востротину пришлось прервать свою научную карьеру и вернуться в г. Енисейск. К тому времени он был неплохо образован, знал несколько европейских языков, имел ученую степень. В 1881 г. С.В. Востротин был избран председателем Енисейского вольнопожарного общества и Общества попечения о начальном образовании. В 1894 г. он вместе с капитаном Д. Виггинсом уехал в Англию, чтобы оттуда пройти Северным морским путем до г. Енисейска, а в 1912–1913 гг. повторил это путешествие с Ф. Нансеном. В 1895 г. С.В. Востротин избирался гласным Енисейской городской думы, затем – городским головой г. Енисейска. В 1897–1903 гг. он был почетным мировым судьей [10, с. 126–127; 12, с. 68–69; 16, с. 149].

С.В. Востротин был членом конституционно-демократической партии, возглавлял ее Красноярский комитет, затем вошел в ЦК этой партии. В Государственной думе работал в комиссиях при сибирской парламентской группе по разработке законопроектов, затрагивающих интересы Сибири, являлся членом правления Петербургского общества изучения Сибири, старшиной Сибирского собрания. Именно он выступил с инициативой открытия Сибирского сельскохозяйственного научного центра, который включал в себя исследовательский институт и Академию сельского хозяйства. Во время Первой мировой войны С.В. Востротин был в составе Главного комитета Союза городов и Центрального военно-промышленного комитета, в 1917 г. – заместителем министра земледелия и государственных имуществ. После Октябрьской революции 1917 г. эмигрировал в Маньчжурию, в г. Харбин, где работал редактором одной из местных газет [16, с. 150].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибирские письма (Красноярск. По поводу выборов члена Государственной Думы) // Сибирские вопросы. 1911. № 2–3.
2. Звезды над Енисеем (О деятельности органов власти Енисейской губернии и Красноярского края). Красноярск, 1998.

3. Бердникова С.А. Выборы в Первую Государственную думу в Енисейской губернии по крестьянской курии // Современное российское общество: осмысление прошлого, поиск достойного будущего. Красноярск, 1995.

4. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1912. № 23.

5. Состав сибирских депутатов Первой Государственной Думы // Сибирские вопросы. 1906. № 4.

6. Памятники истории и культуры Красноярского края // Сост. Г.Ф. Быкоя. Красноярск, 1997. Вып. 4, кн. 1.

7. Родионов В. Состав сибирских депутатов Второй Государственной Думы // Сибирские вопросы. 1907. № 16.

8. Сибирь и новый избирательный закон // Сибирские вопросы. 1907. № 12.

9. Сибирские письма // Сибирские вопросы. 1911. № 2–3.

10. Порхунов Г.А. Выборы в Третью и Четвертую Государственные думы в Сибири (политические партии и городская демократия) // Перестройки в российской истории: исторический опыт и уроки XX в. Красноярск, 1996.

11. Оценка выборов // Сибирские вопросы. 1907. № 33.

12. Выборная кампания (Письмо из Красноярска) // Сибирские вопросы. 1912. № 25.

13. Перед выборами в Четвертую Думу // Сибирские вопросы. 1912. № 7–8.

14. Предвыборные настроения // Сибирские вопросы. № 15.

15. Предвыборные настроения // Сибирские вопросы. № 22.

16. Погребняк А.И. Востротин С.В. – предприниматель, исследователь, политик // Формирование рынка региона. Красноярск, 1995. Ч. 2.

УДК 94(47).084.9

Д.С. ОРЛОВ

ШЕФСТВО ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НАД КОЛХОЗАМИ И СОВХОЗАМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

канд. ист. наук

Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина

г. Бийск

e-mail: orlovd2010@mail.ru

В статье анализируется организация шефства промышленных предприятий над колхозами и совхозами в середине 1960-х – первой половине 1980-х гг. в Алтайском крае, Кемеровской и Новосибирской областях. Делается вывод о том, что организация шефской помощи для сельхозпроизводителей в условиях существовавшей административной организационно-хозяйственной системы управления в аграрной сфере была вынужденным средством в условиях сокращения трудового потенциала западносибирской деревни и слабой материально-технической базы сельхозпредприятий региона.

Ключевые слова: сельское хозяйство, шефская помощь, аграрная политика, Западная Сибирь.

Одной из форм взаимодействия города и села в рамках агропромышленной интеграции, с помощью которой партийные и советские органы в рассматриваемый период пытались решить продовольственную проблему, являлось шефство промышленных предприятий над колхозами и совхозами. Таким образом, государство стремилось решить часть проблем села за счет промышленного сектора. Анализ данного административно-хозяйственного механизма на материалах ряда регионов Западной Сибири позволит более обоснованно оценить эффективность функционирования аграрного производства и системы государственного управления аграрной сферой в рассматриваемый период.

На фоне значительного сокращения численности сельского населения и увеличения производственной нагрузки на одного сельхозхозяйственного работника заметно стали в 1960-е гг. кадровые проблемы западносибирского села. Следствием происходивших урбанизационных процессов стала миграция сельского населения. Это приводило к нехватке рабочих рук на сельхозпредприяти-

ях, что в свою очередь негативно отражалось на экономическом положении хозяйств. В целом за 1960-е гг. численность сельского населения в трудоспособном возрасте уменьшилась в Западной Сибири на 21 %, в 1970-е гг. сельское население сократилось на 10 % при приросте трудоспособного населения на 4,5 %, а в 1980-е гг. трудоспособная часть жителей села уменьшилась на 9 % [1, с. 134.]. Причем если в 1960-е гг. дефицит трудовых ресурсов носил сезонный характер, то уже в первой половине 1970-х гг. он стал круглогодичным и распространился на все профессиональные группы сельскохозяйственных работников [2, с. 50.].

Шефствующие предприятия обычно принимали участие в уборке урожая, ремонтировали трактора и комбайны, строили и реконструировали теплицы, гаражи, производственные помещения и т.д. Так, промышленные предприятия г. Рубцовска Алтайского края являлись шефами у пригородных совхозов. Алтайский завод тракторного электрооборудования шефствовал над совхозом «Никольский». Силами шефов здесь велись работы по строительству лет-

него коровника, было изготовлено 3 тыс. шт. тепличных каркасов. Над колхозом им. Калинина Карасукского района Новосибирской области шефствовал Карасукский элеватор. В 1965 г. шефы выкопали в этом колхозе картофель на 10 га, пропололи 32 га площадей, занятых овощами, сделали вагончик для механизаторов, изготовили 17 корыт для поения скота, 2 опрокидывающихся кузова для автомашин, закирдовали 3700 ц сена. Предприятия г. Кемерово в девятой пятилетке оказали шефскую помощь на 10 млн руб., а в десятой – на 16 млн руб.¹

Не все заводы и предприятия добросовестно относились к своим обязанностям. Недостаточно внимания шефской помощи в Кемеровской области уделяли электроламповый завод и предприятие «Кузбассбытремонт», которые шефствовали над совхозами «Мельковский» и «Барагатский» Крапивинского района. А в информации о ходе выполнения постановления бюро Горно-Алтайского обкома КПСС от 24 октября 1979 г. «Об оказании помощи колхозам и совхозам области в проведении зимовки скота» отмечалось, что Майминский мотороремонтный завод, рудник «Веселый», Кароторбокский леспромхоз, Союзгинский маслосыркомбинат не оказывали подшефным никакой помощи. Свои обязательства перед районами не выполняли и некоторые предприятия г. Бийска Алтайского края. Но чаще всего встречалась такая ситуация, когда шефы, казалось бы, и помогали, но делали это очень отстраненно. Так, в Алтайском крае Бийский металлургический завод вместо реальной помощи подопечным по монтажу кормоцехов и реконструкции животноводческих помещений поставил своему подшефному 200 печных плит, 150 колосников и 200 задвижек².

Цены на оказание определенных услуг не устанавливались централизованно, поэтому их разница могла быть значительной. Например, Бийский котельный завод устанавливал и монтировал в подшефных хозяйствах автомойку за 5920 руб., в то время как номенклатурная цена этих работ по прейскуранту составляла 4600 руб.³

Иногда в число шефствующих включались такие предприятия, которые не располагали ни материальными, ни трудовыми ресурсами для оказания какой-либо существенной помощи колхозам и совхозам. Например, за шестью хозяйствами Венгеровского района Новосибирской были закреплены в качестве шефов 16 предприятий Октябрьского района г. Новосибирска. Большинство из них (швейные фабрики № 1 и № 5, фабрика «Красный рекорд», фабрика художественной галантереи и др.) по своим возможностям и профилю производственной деятельности не могли успешно выполнять свои шефские обязанности. Помощь таких шефов была минимальной⁴.

¹ ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 121. Д. 264. Л. 2, 26–29; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 60. Д. 6. Л. 11–16; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 39. Д. 23. Л. 36.

² ГАСРА ОХСД (Государственная архивная служба Республики Алтай, Отдел хранения современной документации). Ф. 1. Оп. 56. Д. 21. Л. 6–8; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 32. Д. 156. Л. 11, 48; Алтайская правда. 1980. 11 июля.

³ ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 117. Д. 191. Л. 53–54.

⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 613. Л. 51–52.

В 1970–1980-е гг. указанная форма сотрудничества города и села начинает приобретать более стабильный и организованный характер. Так, в Кемеровской области мероприятия по шефской работе на 1971–1972 гг. были утверждены на заседании бюро обкома КПСС. Теперь эта работа проходила под разными лозунгами. Например, в Кемеровской области таким лозунгом был: «Селу – инженерная помощь». Были смонтированы 6 зерноочистительных поточных линий, выполнены работы по механизации животноводческих помещений на 200 тыс. руб. В Алтайском крае шефскую помощь оказывали под лозунгом «Кормоцехам – партийную заботу». Краевые органы власти в 1980 г. все кормоцеха в районах закрепили за промышленными предприятиями края. Так, в Горно-Алтайской автономной области 101 цех обслуживали бийские предприятия, 19 цехов в Павловском районе – Барнаульский шинный завод, 18 кормоцехов в Бурлинском районе – Заринский химзавод им. Верещагина и т.д. Не остались в стороне и предприятия Новосибирской области. Так, заметная помощь была оказана хозяйствам Искитимского района Новосибирской области. Котельно-радиаторный завод изготовил дефицитные детали для комбайнов на сумму 16 тыс. руб. В летний период силами работников промышленных предприятий Новосибирской области было прополото 280 га, занятых овощами, выкопан картофель на площади 180 га, на воскресниках было отработано 5,4 тыс. человеко-дней⁵.

Начали устанавливаться долгосрочные связи между шефами и подопечными. Так, в Кемеровской области шахта «Инская» в течение нескольких лет помогала совхозу «Моховской» в строительстве кормоцеха, сенажной траншеи, молокопровода на 400 коров. Для координации работ по шефству была создана совместная комиссия горкома и сельского райкома в Беловском районе. Председателем ее был первый секретарь горкома Н.Н. Волков, а заместителем – первый секретарь райкома В.А. Галанин. Комиссия на своих заседаниях обсуждала проблемы шефской помощи, решала организационные вопросы по шефству. В Алтайском крае устанавливались долгосрочные шефские связи. В ряде случаев шефы и подшефные встречались, обсуждали хозяйственные и организационные вопросы. Руководители городских предприятий стали выезжать в подшефные колхозы и совхозы⁶.

В 1970–1980-е гг. вопросы шефства постоянно находились под партийным контролем, регулярно обсуждались на партсобраниях, бюро, активах и пленумах. Партийные и советские органы регулярно проводили проверки, связанные с оказанием шефской помощи. Например, во исполнение решения исполкома Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся от 26 июня 1975 г. № 337 «О привлечении трудоспособного населения на сельскохозяйственные работы и для работы на хлебоприемных пунктах в 1975 году» работниками отдела по использованию трудовых ресурсов совместно с представителями городских и районных исполкомов, производственных управлений сельского хозяйства, комитетов народного контроля, корреспондентов

⁵ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 12. Д. 26. Л. 54–58; Алтайская правда. 1980. 11 нояб.; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 60. Д. 83. Л. 114–117.

⁶ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 48. Д. 225. Л. 1–6; ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 141. Д. 15. Л. 34–35.

местных газет, а также медицинскими работниками было проверено использование рабочей силы, привлеченной из городов на период заготовки кормов и уборки урожая в 12 сельских районах области. Нередкими стали случаи применения взысканий за неоказание или срыв шефской помощи. Так, в Кемеровской области в 1973 г. партийные взыскания за безответственное отношение к уборке получили директор завода «Кузбассэлемент» Осокин и директор ГПТУ № 38 Угреников. Последний был освобожден от занимаемой должности⁷.

В большинстве колхозов и совхозов заранее готовились к приему горожан: распределяли их по отделениям, обеспечивали жильем, продуктами питания, фронтом работы. Хорошо подготовились к приему горожан в 1975 г. в совхозах Топкинского района Кемеровской области. Так, в совхозе «Зарубинский» привлеченные рабочие были размещены в благоустроенном общежитии, обеспечены постельными принадлежностями и питанием. Все рабочие были заняты на уборке урожая и заготовке кормов, бригадирами велся учет сделанной работы, наряды на сделанные работы закрывались ежедневно, что позволяло приезжим знать размер ежедневного заработка.

Но чаще встречалась другая ситуация. Так, в совхозе «Горкинский» Беловского района Кемеровской области рабочие завода им. Курако не были обеспечены жильем и постельным бельем, им приходилось спать в совхозной конторе на столах. В совхозе «Сосновский» Новокузнецкого района санитарная акция проверки от 25 августа 1975 г. отметила в столовой, в которой питались приезжие, антисанитарное состояние. В совхозе «Чумайский» Чебулинского района горожане жили в непригодном общежитии, отсутствовало горячее питание. В отдельных районах привлечение горожан на уборку ежегодно проходило в порядке чрезвычайных кампаний. Нередко на сельскохозяйственные работы направляли высококвалифицированных специалистов заводов, НИИ и бюро, которые нужны были на постоянном месте работы. Отсутствие прямых и отлаженных связей колхозов и совхозов с промышленными предприятиями, направлявшими своих работников на сезонные сельские работы, часто приводило к огромным потерям рабочего времени на предприятиях и к большим материальным затратам.

Аналогичные проблемы имелись и в Алтайском крае. Например, 2 сентября 1975 г. в Алтайском крае группа из руководителя и 54 учащихся Горно-Алтайского кулинарного училища приехала в подшефное хозяйство в Элекмонарский совхоз. Приезжие были встречены директором, но задания не получили, поэтому один рабочий день был потерян. На следующий день учащиеся собирали хмель, затем их увезли на ферму рвать ранет, но при этом не обеспечили ни ведрами, ни мешками. Приезжих поселили в Чеповском клубе, многим не хватило подушек и матрацев. Иногда бывало, что шефы трудились в поте лица, а подопечные даже не удосуживались им помогать. Так, в Алтайском крае Барнаульский котельный завод, шефствуя в 1975 г. над совхозом «Логовской», реконструировал хранилище для лука, переделал коровник (вентиляцию и автопоилку), помогал в

⁷ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 28. Д. 158. Л. 82–83; Оп. 12. Д. 26. Л. 54–58.

уборке урожая, а совхоз даже не позаботился о жилье и обещаниях для горожан⁸.

К концу десятой пятилетки объемы шефской помощи уменьшились. Так, если в 1975 г. в Кемеровской области колхозам и совхозам было оказано шефской помощи на 13,1 млн руб., в 1977 г. – 12,5 млн, в 1978 г. – 10,8 млн, то в 1979 г. объем шефской помощи составил всего 9,5 млн руб.⁹ В целом, оценивая значительность организации шефской помощи, необходимо отметить, что эта помощь, как правило, не превышала 4–6 % от общей суммы капиталовложений в аграрный сектор. Например, капиталовложения в десятой пятилетке в сельское хозяйство Кемеровской области составили 1,1 млрд руб., а объем шефской помощи оценивался примерно в 60 млн руб., или 5,5 %. Аналогично выглядела ситуация и в одиннадцатой пятилетке – 1,3 млрд руб. капиталовложений и 57,7 млн руб. шефской помощи¹⁰.

Привлекая горожан на уборку, партийные, советские и хозяйственные органы столкнулись с рядом проблем. Из-за слабой организации труда приезжих выработка была низкой, а если приезжали на работу на один день, то на дорогу и на решение организационных вопросов уходило полдня. Привлечение квалифицированных работников негативно отражалось на выполнении ими своих планов на основном месте работы, так как предприятия в своих планах не намечали снижения выпуска продукции на этот период. Например, на втором пленуме Кемеровского обкома КПСС 24 апреля 1981 г. отмечалось, что в 1980 г. горожанами было отработано на селе 250 тыс. человеко-дней и потери промышленных предприятий и организаций из-за этого составили 21 млн руб. Однако работа шефов в колхозах и совхозах не компенсировала эти потери. Коэффициент полезного участия горожан составлял всего 20–45 % от нормы выработки для рабочих совхозов и колхозников¹¹. Так, в Вознесенском совхозе Яйского района Кемеровской области на метке сена и стоговании 21 июля 1975 г. восемь человек сделали 3,8 т при норме 8,5 т, т.е. выполнили 45 % объема работы. 22 июля 17 человек за 5 часов при сгребании сена сделали 3 т при норме 22 т, тем самым выполнив всего 14 % планового задания. В ряде хозяйств невыполнение дневных норм было связано с большими потерями рабочего времени. Так, совхоз «Ильинский» не имел возможности одновременно расселить 270 чел., поэтому шефствующим городским предприятиям приходилось возить своих людей каждый день, поэтому потери рабочего времени были немалые¹².

В развитии шефской помощи аграрному сектору в рассматриваемый исторический период можно выделить три основных этапа. На первом этапе (восьмая пятилетка и начало девятой) шефская помощь не была достаточно распространенным явлением – в условиях подъема сельхозпроизводства, вызванного реализацией новых экономических

⁸ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 28. Д. 158. Л. 81–82; Звезда Алтая. 1975. 18 сент.; ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 127. Д. 388. Л. 18.

⁹ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 29. Д. 158. Л. 29; Оп. 32. Д. 156. Л. 1; Оп. 35. Д. 183. Л. 1.

¹⁰ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 29. Д. 158. Л. 29; Оп. 32. Д. 156. Л. 1; Оп. 35. Д. 183. Л. 1; Оп. 42. Д. 12. Л. 57.

¹¹ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 42. Д. 12. Л. 80.

¹² Там же. Оп. 28. Д. 158. Л. 81–83.

принципов и механизмов, определенных в документах мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, она не считалась одним из основных средств развития аграрного производства. Помощь носила ярко выраженный сезонный характер при уборке зерновых и кормовых культур.

На второй этап (конец девятой пятилетки и большая часть десятой) в связи с общим ухудшением ситуации в системе сельхозпроизводства и усилением командно-административных методов управления экономикой приходится наиболее активное развитие данного направления аграрной политики. Шефство начинает приобретать массовый характер. Объем оказанной помощи значительно увеличился и включал в себя не только участие в уборочной страде, но и практически круглогодичный ремонт сельхозтехники, животноводческих помещений, электрооборудования, поставку стройматериалов и запчастей и т.д.

На третьем, завершающем этапе рассматриваемого периода (конец десятой и вся одиннадцатая пятилетка) произошла смена ориентиров в аграрной политике, наметился отход от развития шефства, хотя само оно как реально действующая хозяйственная практика осталось. Новым приоритетным направлением стало развитие подсобных хозяйств на промышленных предприятиях, а с 1982 г. началась практическая реализация Продовольственной программы СССР, запустившей в действие новые организационно-экономические механизмы в аграрной сфере.

Шефская помощь сельхозпредприятиям имела серьезное идеологическое обоснование и соответствовала господствующим в рассматриваемый исторический период идеологическим доктринальным установкам и представлениям о сближении города и деревни, союзе рабочего класса и крестьянства, формировании единого народнохозяйственного агропромышленного комплекса. Проблемы с организацией шефской помощи в основном были связаны с ее административно-принудительным характером, отсюда и неоператив-

ное решение большинства вопросов, невнимательное отношение руководителей ряда промышленных предприятий и организаций к своим подопечным. Шефская помощь практически не была подкреплена нормативной базой, неопределенной была и юридическая сила заключаемых (хотя и в очень малом количестве) договоров о шефстве. Цены на оказание услуг шефами не устанавливались централизованно, поэтому их разница могла быть значительной.

Шефство навязывалось сверху вышестоящими партийными и советскими органами, нередко без учета мнения самих шефов и подшефных. С одной стороны, это было своего рода косвенным подтверждением слабости сельскохозяйственных предприятий, не справлявшихся со своими прямыми производственными задачами в условиях административного управления аграрной экономикой. С другой стороны, шефство являлось весьма специфической формой кооперации, которую условно можно назвать «принудительной компенсационной кооперацией».

Помощь городов и райцентров хозяйствам во время уборки, шефство промышленных предприятий Западной Сибири над колхозами и совхозами были важным хозяйственным подспорьем, однако целесообразнее было бы добиться, чтобы сельхозпредприятия самостоятельно справлялись со своими задачами. Объективно требовалась большая хозяйственная самостоятельность колхозов и совхозов, закрепление за ними права распоряжаться собственным имуществом и средствами, что стимулировало бы их.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003.
2. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991.

РОССИЙСКОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ 180 ЛЕТ: об итогах Международной научно-практической конференции в Новосибирске 12 апреля 2011 г. «Кооперация: история и современность»

Современное кооперативное движения играет большую роль в социализации экономики и нивелировании последствий мирового экономического кризиса. Многообразные по форме и видам, содержанию экономической деятельности кооперативы вносят существенный вклад в экономическое и социальное развитие общества. Они используют конкурентные преимущества и мобилизуют инициативу и ресурсы тех людей, которые вступают в кооперативы. Именно кооперация демонстрирует способность гибко реагировать на изменение ситуации в стране, быстро адаптироваться к меняющимся условиям, что обусловлено усилением глобальных противоречий в процессе преодоления мирового кризиса.

Кооперативное движение, бесспорно, вступило в новую стадию. Кооперация в развитых странах получила им-

пульс, поскольку государственные структуры стремятся освободиться от всех социальных расходов, а освободившиеся ниши заполняются кооперативами различного типа. Их главная задача – смягчать социальную напряженность на рынке труда, бороться за здоровье нации, качество потребления и окружающей среды. А все это, вместе взятое, позволяет смягчить мировой экономической кризис.

Проблемы развития кооперативных форм хозяйства рассматривались на международной научно-практической конференции, посвященной 180-летию потребительской кооперации России: «Кооперация: история и современность». Ее организаторы и инициаторы – Сибирский университет потребительской кооперации, Институт истории СО РАН, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Полтавский университет экономики и торгов-

ли. В работе конференции приняли участие представители правительства Новосибирской области, а также практики и исследователи, занимающиеся исследованием различных аспектов кооперативного движения. Необходимо было получить ответ на вопросы о том, каковы перспективы развития кооперации на постсоветском пространстве, каков механизм сотрудничества кооператоров, консолидирующих усилия по приданию движению новых импульсов.

Конференцию приветствовал письмом генеральный директор Центрального офиса Международного кооперативного альянса Charles Gould (Швейцария, Женева). С видеообращением выступили председатель Центросоюза РФ Е.Н. Кузнецов, ректоры вузов-соучредителей: Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза – д-р экон. наук, проф. Е.Б. Аймагамбетов; ректор Полтавского университета экономики и торговли – д-р экон. наук, проф. А.А. Нестуля; директор Забайкальского института предпринимательства – канд. ист. наук, проф. Г.М. Малахова.

Конференцию открыли и вели: ректор СибУПК – д-р мед. наук В.В. Степанов, проректор по науке СибУПК – д-р экон. наук, проф. М.В. Хайруллина, главный научный сотрудник Института истории СО РАН – д-р ист. наук А.А. Николаев

Сначала были заслушаны доклады, касавшиеся истории кооперативного движения, его истоков и особенностей развития. С обсуждением особенностей зарождения кооперации в России, где, в отличие от стран с быстроразвивающимся капиталом, потребительские общества возникли в среде аристократии и интеллигенции, а не в пролетарских слоях населения (ткачи Рочдейла), выступили д-р экон. наук, проф. Г.М. Ефремова и доцент Забайкальского института предпринимательства В.Н. Целищева. Главный научный сотрудник Института истории СО РАН, д-р ист. наук А.А. Николаев сделал доклад на основе документов Государственного архива Российской Федерации из фонда «Центральной комиссии по чистке советского аппарата НК РКИ». Он показал, что государство вскоре после окончания Гражданской войны от политики репрессий против кадров старой кооперативной школы вынуждено было обратиться к сотрудничеству и использовать их богатейший опыт в условиях нэпа. Однако в конце 1920-х гг. кадры старой кооперативной школы вновь подверглись репрессиям. Препятствием их опыту работы в рыночных условиях оказался ненужный теперь – в условиях плановой карточной системы распределения товаров и продовольствия. Драматизм ситуации обуславливался обострением глубинного противоречия между основными целями и задачами потребительской кооперации по улучшению материального положения своих членов-пайщиков и государственной политикой, ориентированной на изъятие средств у населения с целью модернизации промышленности за счет снижения реальной заработной платы у рабочих, экспроприации мелкой частной собственности в промышленности, торговле и сельском хозяйстве.

Значительный интерес вызвали выступления кооператоров-практиков. Председатель совета Промышленновского союза потребительских обществ Кемеровской области Р.Т. Варзиев осветил вопросы взаимоотношения членов-пайщиков внутри кооператива и обозначил проблему отсут-

ствия у них достаточных экономических мотиваций; по его мнению, это связано с вопросами управления кооперативной собственностью и распоряжения ею.

Председатель совета потребительского общества «Ленинск-Кузнецкая межрайбаза» Кемеровского облпотребсоюза, канд. экон. наук Т.В. Бейдель проанализировала процесс диверсификации хозяйственной деятельности Кемеровского облпотребсоюза и пришла к выводу, что это направление в деятельности кооперации стало ответом на вызов торговых сетей и усиливающуюся конкуренцию с частным бизнесом. Конкурентным преимуществом кооперации является идеология социальной ответственности, заложенная в кооперативных принципах и ценностях. Переориентация в Кузбассе с отраслевого на территориальный принцип означает возрождение кластерного подхода к территориальной организации рынка потребительских товаров, а опыт, накопленный в этой сфере, должен распространяться везде, где действует потребительская кооперация.

В докладе канд. экон. наук, доцента Карагандинского экономического университета А. Тержановой освещался опыт развития потребительской кооперации в Казахстане. Акцент сделан ею на развитие сельского хозяйства и усиление позиций кооперативного сектора, что позволяет объединять людей, консолидировать различные социально-экономические интересы. Центром кооперативного движения в Республике Казахстан становится сельская потребительская кооперация. Правительством республики сделан акцент на соединение усилий мелких производителей для совместного решения вопросов различного характера посредством создания сельских потребительских кооперативов, оказывающих услуги по снабжению, заготовке и сбыту сельскохозяйственной продукции. С этой целью разработана специальная система кредитования и агитационной и разъяснительной работы.

Первая часть конференции закончилась выступлением проректора по науке СибУПК – д-ра экон. наук, проф. М.В. Хайруллиной, которая познакомила участников конференции с проектом создания и перспективами развития студенческого потребительского общества при университете.

Во второй части участники заслушали в режиме удаленного доступа (телеконференция) приветствия из Полтавы и Москвы. С видеообращениями обратились ректор Российского университета кооперации – д-р экон. наук, проф. В.А. Кривошей и ректор Полтавского университета экономики и торговли – д-р экон. наук А.А. Нестуля.

С первым докладом выступила д-р экон. наук, проф. СибУПК Л.П. Наговицина, которая обозначила проблему специфики правовой природы кооперативной собственности. Без решения данной проблемы, по ее мнению, невозможно дальнейшее эффективное развитие кооперации. Как производное этой проблемы – недостаточно высокая эффективность кооперативного бизнеса, слабая заинтересованность молодежи в кооперативном строительстве, несовершенство системы мотивации пайщиков. Для разрешения накопившихся проблем Л.П. Наговицина предложила усилить работу по распространению успешного опыта хозяйствующих кооперативов, активизировать усилия по интеграции с другими формами российской кооперации при безусловном доминировании потребительской кооперации.

Далее с докладами, представленными через интернет, выступили представители Полтавского университета экономики и торговли. В докладе «Лидерство в современной управленческой парадигме» канд. ист. наук, доцент С.И. Нестуля проанализировала обозначенную проблему через призму тех традиций и ценностей, которыми руководствовались и руководствуются сегодня кооператоры Украины. Доцент кафедры культурологии и истории этого вуза Т.В. - Онипко обратила внимание на особенности экспортной деятельности потребительской кооперации Украины в период кризиса 1923 г. Характеризуя этот противоречивый период, она показала, что, несмотря на трудности, Центральный союз потребительских обществ Украины успешно осуществлял экспортно-заготовительную деятельность, что было признано исполкомом международного кооперативного альянса. Кооперативный экспорт активно поддерживался украинским правительством. Причем потребительская кооперация успешно конкурировала на этом сегменте рынка с государственными организациями и частными заготовителями. В конечном итоге ее деятельность позволила не только обеспечить пайщиков импортными промышленными товарами, которые отсутствовали на внутреннем рынке, но и пополнить государственную казну валютными поступлениями.

В целом тематика представленных докладов охватила дореволюционный, советский и постсоветский периоды

развития кооперации, а выступления участников конференции сопровождались дискуссиями и попытками совместить исторические и теоретические знания с практикой развития современного кооперативного движения. Итогом работы международной конференции стало принятие резолюции, в которой выработаны практические рекомендации. Научным работникам, практикам кооперативного движения и органам государственной власти предлагается:

- оказывать поддержку развитию различных видов кооперативов (социальных, по производству экологически чистых видов продукции, оказанию, коммунальных и других услуг населению);
- способствовать совершенствованию нормативно-правовой базы российской кооперации;
- создавать режим наибольшего благоприятствования для развития кооперативного предпринимательства;
- способствовать внедрению инноваций во все отрасли деятельности потребительской кооперации;
- совершенствовать кооперативное, просветительское и профессиональное образование; шире пропагандировать кооперативные идеи среди населения.

По мнению участников конференции, для успешного решения этих задач имеются еще не использованные резервы. Впереди – большая работа по консолидации усилий всех кооператоров, чтобы успешное будущее кооперативного движения стало частью будущего для каждого из нас.

*д-р экон. наук Т.В. Григорова,
Сибирский университет потребительской кооперации,
г. Новосибирск
д-р ист. наук А.А. Николаев,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск*

Л.Н. МАЗУР.

Методы исторического исследования: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 608 с.

Трудно представить себе профессионального историка без овладения основными приемами исторического исследования. Но в отече-

ственном высшем образовании сложилась глубокая традиция уделять внимание, прежде всего, методологии исследования. Этим объясняется преобладание в учебных и учебно-методических изданиях анализа ключевых историографических парадигм и историко-философских принципов. Внимание студентов фокусируется на отличиях цивилизационного и формационного подходов, на рассмотрении концепции модернизации и мирсистемных моделей. Все это далеко от решения конкретных практических проблем, с которыми сталкивается большинство начинающих исследователей. Методам, как правило, посвящены лишь отдельные, далеко не основные, разделы учебных кусков. Исключение составляет, пожалуй, только ставшее классическим научное исследование И.Д. Ковальченко и учебное пособие А.В. Бочарова. При некоторых отдельных тематических и структурных совпадениях с ними, работа Л.Н. Мазур в значительной степени новаторская. В ней рассматривается широкий круг новых научных проблем, а традиционные для

подобных учебных изданий сюжеты излагаются значительно подробнее, дается принципиально новая трактовка ряду известных историко-методологических подходов и принципов. Все это удалось достичь за счет расширения объема книги, существенно превышающего более ранние аналогичные издания.

Отличительной чертой рецензируемого учебного пособия является детальная структурированность текста: трехуровневое содержание (разделы, главы, параграфы), внутренняя тематическая рубрикация, широкое использование логического деления материала с помощью шрифтов и маркировок. Пособие снабжено научно-справочным аппаратом, списком рекомендуемой литературы, именным и предметным указателями, контрольными вопросами после каждой темы, способствующими ее более глубокой проработке студентами. В большинстве случаев автор подкрепляет теоретические выкладки примерами из исторических исследований, демонстрируя возможный диапазон применения определенных методов, хотя в отдельных местах таких примеров явно не хватает. Отчасти данная проблема решается за счет обильных отсылок к специальной методологической и конкретно-исторической литературе. Но такой вариант подходит для наиболее пытливых студентов либо требует дополнительного разбора на практических занятиях.

Книга подразделяется на четыре части. В первой («Историческое исследование: понятие, структура, метод») показано многообразие подходов к определению базовых методологических понятий, представлена классификация общенаучных и исторических методов исследования, изложены принципы работы с понятийным аппаратом. Данная часть, несмотря на ее, казалось бы, сугубо теоретическое значение, насыщена множеством практических рекомендаций, имеющих отношение к организации научного текста. Автор показала спектр подходов к формулировке последовательных этапов исторического исследования. Из этого со всей очевидностью напрашивается вывод о правомерности различных вариантов структуры вводной части научной работы. Полезными для начинающих авторов будут советы по правильной классификации используемых в научном исследовании понятий и категорий, – они рассмотрены в объемной третьей главе раздела.

Иногда стремление к максимальной классификации и формализации материала представляется чрезмерным, как, например, в случае с подразделением исследований на теоретические и конкретно-исторические, описательные и аналитические. Большинство современных авторов стремятся к синтезу указанных подходов, и предлагаемую дифференциацию можно рекомендовать лишь для отдельных работ. При классификации возможных объектов исследования Л.Н. Мазур наряду с монографическим и выборочным исследованием выделила анализ элитных групп общества (с. 35–36). Разъясняя сущность этого подхода, она привела в качестве примеров изучение не только групп высшей аристократии или бюрократии, но и целых социальных слоев или страт, таких как духовенство, беднейшее крестьянство. Очевидно, что объектом изучения здесь выступает любая социальная группа, не обязательно элитная.

Актуальные для начального этапа любого исторического исследования сведения содержатся во второй части пособия («Методы сбора исторической информации»). Изложение начинается с описания приемов поиска информации в архивах и библиотеках и ее правильной первичной классификации. Наибольшее внимание в разделе уделено работе с массовыми источниками, приемам сбора больших массивов данных, детально описаны различные принципы составления выборки, скрупулезно продемонстрированы многообразие методов формализации извлекаемой из исторических источников информации, возможные способы применения метода контент-анализа текстовых данных (показаны его достоинства и границы использования), обозначены пути преобразования текстовой информации в числовую. Отдельная глава посвящена методикам и приемам работы в жанре устной истории.

В этой части, стремясь к полноте и системности изложения затронутых проблем, автор иногда словно забывает, что дает рекомендации историкам. Например, одним из возможных методов сбора и организации собранной информации представлен обзор научно-технической литературы (с. 115). Более того, в пособии акцент сделан на строго формализованных методах обработки материала, утвердившихся в социологии. Конечно, автор вправе отдавать им предпочтение. Но значительная часть описанных во второй части социологических методов получения информации, хотя

и привлекают строгой научностью, имеют ограниченный спектр использования. Более того, и сами подобные исследования недавнего прошлого не являются собственно историческими. Скорее, это социологические исследования с элементами исторического анализа. Многие из них выполняются в рамках междисциплинарных проектов с привлечением историков в качестве членов экспертной команды. Даже приведенный Л.Н. Мазур пример изучения российской деревни в XX в. под руководством Т. Шанина – это оригинальное, глубокое и масштабное, но не историческое, а социологическое исследование. Историки гораздо чаще становятся необходимостью анализировать нарративные источники, время создания которых отделено от исследователя несколькими поколениями. На наш взгляд, за обилием и богатством социологических методик сбора информации, выдвинутых на первый план, в тени остались традиционные исторические методы.

Это соображение в равной степени относится и к третьему разделу пособия («Методы систематизации исторических данных»). Определенным диссонансом предыдущей части, где явно преобладают социологические приемы и методики сбора материала, является совершенно справедливое утверждение в самом начале этого раздела: главным методом систематизации для историков является описательно-повествовательный (с. 252). Между тем Л.Н. Мазур уделила ему несколько страниц. В частности, она выделила такие неформализованные методы описания, как биографии, монографические описания, подготовительные исторические материалы и летописи. Она отметила, что публикация подготовительных исторических материалов, характерная для дореволюционной историографии, в настоящее время практически исчезла. Правда, и летописи автор отнесла к промежуточным материалам. На наш взгляд, следовало бы подробнее остановиться и детальнее структурировать неформализованные текстовые модели исследований. Это тем более важно, что современная историография состоит из них на 9/10, если не больше. Кроме того, сами эти модели, по-видимому, куда более разнообразны и сложны. Ведь только в рамках биографического жанра используются принципиально разные методы, а современное летописание, являющееся, в интерпретации автора, результатом кропотливого и всестороннего изучения объекта исследования, практически утрачивает отличие от монографий, выстроенных по хронологическому принципу. Полностью выпали из поля зрения сборники документов, повествования с вкраплениями источников, комментарии к источникам и др. Подробнее Л.Н. Мазур остановилась на числовых и графических методах обработки исторических источников, более сложных и формализованных. Детальное описание компьютерных моделей обработки информации, которые сама Л.Н. Мазур называет технологиями, вряд ли оправданно – студенты изучают их в рамках специального предмета.

Завершает книгу раздел «Методы анализа в исторических исследованиях». Во вводной части автор признает, что отделение процедур анализа от систематизации материала, рассмотренных в предыдущем разделе, является достаточно условным, – любой исследователь, систематизируя, анализирует и наоборот. В действительности никто из предшественников не пытался проводить такого деления. В од-

ной из трех глав раздела (гл. 10) рассмотрены логические операции, к которым прибегают историки, а также приемы классификации и типологизации. Автор не всегда дает читателю готовые решения. Напротив, нередко внимание акцентируется на дискуссионных проблемах, дается описание подходов, сложившихся в науковедении и исторических исследованиях. В следующей главе (гл. 11) представлены классические методы исторического исследования – историко-динамический, историко-сравнительный и историко-генетический. Особенно внимательно Л.Н. Мазур остановилась на возможностях и границах применения этих методов.

Возможно, следовало бы более тщательно подойти к формулировке названий глав четвертого раздела, распределению материала внутри них. Так, исходя из строения раздела, структурно-функциональный подход автор относит к традиционным методам исторического анализа (гл. 10); этот подход включает в себя логические процедуры, типологию и классификацию. Хотя все это использовалось в историографии задолго до рождения структурно-функционального подхода. Не совсем ясно, почему общенаучные логические процедуры, такие как абстрагирование, анализ и синтез, излагаются в той же главе. Зато традиционные методы – историко-типологический, историко-сравнительный, историко-генетический (они и автором так названы на с. 387) – сведены в другую главу (гл. 11) и отнесены к причинно-следственному анализу. Возникает также вопрос о

полноте описания методов исторического исследования в пособии. На с. 387 автор солидаризируется с А.В. Бочаровым, делит их на основные и специальные. Первые практически полностью отражены в разделе. Вторая группа распадается на заимствованные из других дисциплин (статистико-математические, социологические, лингвистические) и специальные исторические методы (источниковедения, этнографии и т.п.). Особая и весьма объемная глава (гл. 12, с. 488–577) описывает математико-статистические методы. К остальным методам автор больше не возвращается. Впрочем, структурирование методов исторического исследования пока еще слабо разработано. Известное в учебной литературе их описание, как правило, является еще менее полным и осуществляется по различным основаниям. Да и возможно ли разработать стройную классификацию методов и приемов исторического исследования, если учесть, что в реальной исследовательской практике они взаимно переплетаются и не всегда дифференцируются друг от друга?

Таким образом, учебная литература пополнилась солидным пособием. Рецензируемое издание можно смело использовать в учебном процессе на исторических факультетах вузов. Оно рассчитано на внимательное изучение наиболее серьезными и подготовленными студентами. Его можно порекомендовать также преподавателям как подспорье в составлении соответствующих курсов, исследователям при написании научных трудов.

*Канд. ист. наук В.М. Рышков,
Институт истории СО РАН
г. Новосибирск*

Д.Г. СИМОНОВ.
Белая Сибирская армия в 1918
году. Новосибирск, 2010. 612 с.

В 2010 г. в Издательстве Новосибирского государственного университета вышла монография Д.Г. Симонова «Белая

Сибирская армия в 1918 году». Она посвящена изучению истории антибольшевистских вооруженных сил, созданных во второй половине 1918 г. под эгидой Временного Сибирского правительства и носивших название «Сибирская армия». Эта армия, насчитывавшая в своих рядах около 200 тыс. чел., являлась самым крупным объединением антибольшевистских войск на начальном этапе широкомасштабной Гражданской войны в России. Район ее формирования простирался от Урала до Тихого океана и охватывал примерно 2/3 территории бывшей Российской империи. Как показано автором, Сибирская армия стала основой формирования Российской армии адмирала А.В. Колчака, являвшейся наряду с Вооруженными силами юга России генерала А. И. Деникина ударной силой контрреволюции на решающем этапе широкомасштабной Гражданской войны в России.

Исследование основано на широком круге источников, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот. Его эмпирическую основу составляют документальные материалы из фондов Российского государственного военного архива (РГВА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), областных и краевых архивохранилищ

Сибири. Автором использован широкий пласт мемуарной литературы по теме исследования, а также материалы около 70 сибирских, уральских и дальневосточных газет, издававшихся в восточных регионах страны в годы Гражданской войны.

В монографии впервые в отечественной историографии изучен весь комплекс событий, связанных со свержением советской власти на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке весной – летом 1918 г. и последующими боевыми операциями соединений Сибирской армии и взаимодействовавших с ними частей Чехословацкого корпуса. Определены основные направления, ход и результаты этих операций. Проанализированы социально-политические и военно-организационные факторы, обеспечившие успехи антибольшевистских сил в 1918 г.

По мнению Д.Г. Симонова, падение советской власти в Сибири летом 1918 г. было обусловлено отсутствием у нее сколько-нибудь серьезной опоры у местного населения. Влияние большевиков ограничивалось лишь крупными населенными пунктами, расположенными вдоль железнодорожной магистрали. Не имея поддержки среди населения, они сдали свои позиции без серьезного сопротивления. Более-менее крупные боевые столкновения в июне 1918 г. имели место лишь в районе пяти пунктов (Омск, Каргат, Барнаул, Мариинск, Троицк).

Основываясь на анализе соотношения боевого состава противоборствующих сторон, автор оспаривает господ-

ствующий в отечественной историографии тезис о том, что антибольшевистские вооруженные формирования в ходе проведения боевых операций численно преобладали над советскими вооруженными силами. Он поставил под сомнение и другое распространенное мнение о якобы решающей роли частей Чехословацкого корпуса в боевых операциях на Урале и в Сибири. По данным автора, уже к началу июля 1918 г. в рядах Сибирской армии находилось около 20 тыс. бойцов, что значительно превышало боевой состав чехословацкой группировки на Урале и в Сибири.

В монографии проведено комплексное изучение системы управления вооруженными силами Временного Сибирского правительства на строевом, административном и оперативном уровнях. В количественном и качественном отношении проанализированы комплектование Сибирской армии личным составом и материально-техническое состояние ее частей и соединений. Исчерпывающе показан процесс становления организационной структуры Сибирской армии – от создания отдельных добровольческих отрядов до объединения их в регулярные полки, дивизии и корпуса.

Опираясь на большой фактический материал, Д.Г. Симонов оспорил ряд установившихся в отечественной историографии мнений, характеризующих отношение различных социальных слоев населения восточных регионов страны к службе в белой армии. Им доказана ошибочность позиции ряда исследователей, считавших, что проведенные Временным Сибирским правительством мобилизации не имели успеха из-за сопротивления населения. Публикуемая в монографии статистика по всем уездам, губерниям и областям, на территории которых проводились мобилизации, показывает, что успех этих мобилизационных мероприятий даже превзошел ожидания их инициаторов.

Как показано в монографии, пополнение личного состава Сибирской армии в целом осуществлялось согласно основным принципам комплектования Русской императорской армии. Наличие значительной прослойки офицеров обеспечивало высокую степень управляемости и боеспособности частей и соединений Сибирской армии. Однако Временное Сибирское правительство не использовало реальную возможность увеличения боевого состава Сибирской армии за счет мобилизации тех категорий населения, которые в силу своего образовательного и имущественного ценза объективно являлись социальной опорой антибольшевистского движения в России. По мнению автора, призыв в войска интеллигенции оказал бы благотворное влияние на темных и малограмотных новобранцев, в первую очередь, с точки зрения восприятия ими основных задач и целей Гражданской войны.

Заслуживает внимания вывод автора о том, что в социальном отношении главной по надежности базой антибольшевистского движения на востоке России являлся Уральский регион, а отнюдь не Сибирь. Оренбургское казачье войско в 1918 г. выставило на борьбу с советской властью примерно столько же полков, сколько и в Первую мировую войну. Вместе с тем, потенциал Сибирского казачьего войска был использован, по приблизительным подсчетам, всего на одну треть. Участие уральских крестьян в антибольшевистском движении носило массовый характер.

Сибирское же крестьянство такого рода активности не проявляло. Объясняется это тем, что в отличие от уральцев к лету 1918 г. сибиряки не успели испытать на себе большевистскую политику продовольственной диктатуры.

Дальнейший рост численности Сибирской армии был затруднен в связи с практически полным отсутствием материально-технической базы для ее формирования. Входящие в состав армии войсковые части, особенно запасные полки, не имели в достаточном количестве вооружения и боеприпасов. Неразрешимой оказалась проблема обеспечения личного состава обувью, обмундированием, а также жилыми помещениями. Материально-бытовая неустроенность стала одной из причин дезертирства среди новобранцев. Организация снабжения вооруженных сил являлась, по мнению Д.Г. Симонова, главной болевой точкой, своего рода «ахиллесовой пятой» Белого движения на востоке России.

Автор приходит к выводу, что к концу 1918 г. общая численность потенциальных бойцов в Сибирской армии почти в 2 раза превышала фактическую численность всех советских войск Восточного фронта. В морально-психологическом отношении ее военнослужащие не только не уступали, но и в ряде случаев превосходили красноармейцев. Но Сибирская армия не реализовала свой огромный человеческий потенциал из-за объективной невозможности вооружить и обеспечить всем необходимым личный состав. В результате все преимущества, которыми обладали Сибирская армия и ее наследница Российская армия, были утрачены в 1919 г.

Не склонный к идеализации Белого движения, Д.Г. Симонов приводит большое количество фактов, свидетельствующих об отсутствии единства среди его военных руководителей. Несмотря на то, что Дальний Восток и Забайкальская область находились под юрисдикцией Временного Сибирского правительства, формирование здесь частей и соединений Сибирской армии встретило труднопреодолимые препятствия. Местнические амбиции дальневосточных атаманов, борьба за власть между различными политическими силами и засилье интервентов сорвали многочисленные попытки объединить русские вооруженные формирования на Дальнем Востоке под единым руководством.

Несомненную ценность имеют приложения к монографии. Здесь представлены приказы о награждении военнослужащих Сибирской армии орденами Св. Георгия, Георгиевскими крестами и Георгиевскими наградами, а также краткие биографические справки на лиц, принадлежавших к командному и начальствующему составу антибольшевистских вооруженных формирований на востоке России. Биографии большинства генералов и офицеров из данной категории ранее не были известны даже узким специалистам.

С точки зрения системности и подробности изложения материала монография Д.Г. Симонова не имеет аналогов в историографии Гражданской войны в России. Текст монографии, эмпирически предельно насыщенный, отличается стройностью и логичностью изложения материала. Для авторского стиля характерны стремление к максимальной объективности и отсутствие необоснованных эмоционально-насыщенных категорических утверждений, свойственных многим исследователям военной истории России XX в.

Многие выводы автора отличаются новизной и способны стать основой для формулирования современной, объективно выдержанной научной концепции Гражданской войны на востоке России.

Правоэсеровский политический процесс в Москве. 8 июня – 4 августа 1922 г. Стенограммы судебных заседаний: в 14 т. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1 и 2 / сост.: В.К. Виноградов, А.Л. Литвин, В.Н. Сафонов, В.С. Христофоров; науч. ред. А.Л. Литвин. – 687 с.

Широкая пропагандистская кампания вокруг процесса, развернутая властями, включала в себя целый ряд элементов: митинги, собрания, газетные и журнальные публикации, издание популярных брошюр. Становление большевистского режима проходило в непрерывной, в том числе идеологической борьбе с социалистами. Советский публицист С.Б. Ингулов отмечал, что «эсеровский процесс, право же, обратил всю нашу печать в добросовестно действующий испарт эсеров» [1, с. 94]. Эпитет «добросовестно» вызывает сомнения, но в целом С.Б. Ингулов прав: весной и летом 1922 г. процесс эсеров был одним из важнейших событий политической жизни Советской России. Главную роль в формировании общественного мнения и, шире, восприятия населением происходящих событий, играла пресса и другие средства агитации и пропаганды. Процесс привлек к себе внимание и международного общественного мнения.

В советской печати было опубликовано «Обвинительное заключение» [2] и фрагменты стенограммы [3, 4]. Появился также ряд документальных материалов о деятельности партии социалистов-революционеров. Все опубликованные документы составили лишь незначительную часть имеющихся материалов, а их подбор носил крайне тенденциозный характер. В советской печати оказалась представленной точка зрения лишь одной – обвиняющей – стороны. Выступления на суде членов ЦК ПСР и обвиняемых 1-й группы в целом в официальной прессе опубликованы не были, однако речи некоторых эсеровских ренегатов (Г. Семенова, Л. Коноплевой и др.), составлявших так называемую 2-ю группу обвиняемых, попали на страницы советских газет и документальных сборников. Выступления членов ЦК ПСР частично были опубликованы в подпольной эсеровской газете «Труд» (органе московского комитета ПСР), подпольном студенческом журнале «Стремления» (см.: Выдержки из речей на московском процессе социалистов-революционеров // Стремления. 1923. № 1. Январь-февраль. С. 30–34), и в журнале «Революционная Россия» – органе Заграничной делегации ПСР.

Показательный характер судебного процесса 1922 г., шумная агитационно-пропагандистская кампания, развер-

нутое влияние на изучение истории партии социалистов-революционеров оказал судебный процесс над членами ЦК ПСР и партийными активистами, проходивший в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 г.

На наш взгляд, исследование Д.Г. Симонова представляет интерес не только для узких специалистов по истории Гражданской войны в России, но и для широкого круга читателей, интересующихся российской военной историей.

*Д-р ист. наук В.А. Исупов,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск*

нутая вокруг суда, демонстративное раскаяние части подсудимых наводят многих историков на мысль о надуманности всего процесса, которому его устроители стремились придать характер хорошо отрежиссированного спектакля. Суд над эсерами явился важным составным элементом карательной политики большевистского руководства по отношению к реальной и потенциальной политической оппозиции, включавшей в себя гонения на церковь, преследования меньшевиков, высылку из страны представителей интеллигенции. Социалисты-революционеры воспринимались властями в качестве авангарда оппозиционных сил и подлежали ликвидации в первую очередь. Современные исследования показывают, что политические процессы с самого начала были частью репрессивной политики большевиков. Показательные процессы призваны были укрепить устои политического режима и воспитывать массы в духе безусловной преданности новой власти. Организуя широкомасштабные судебные процессы и демонстрируя государственную мощь, большевики опирались и на традиции царской России, и на западные социалистические традиции времен Великой Французской революции. В то же время показательные процессы 1920-х гг. различались по степени своей фальсифицированности.

Анализ истории эсеровского процесса посвящены монографии М. Янсена [5] и К.Н. Морозова [6], диссертационное исследование И.А. Сафорова [7]. Вместе с комментариями к материалам сборника документов, где К.Н. Морозов выступил одним из составителей [8], они представляют собой наиболее полное исследование различных сторон противостояния ПСР властям в первой половине 1920-х гг. Впервые процесс 1922 г. получил освещение на основе наиболее важных источников, хранящихся в ЦА ФСБ – в первую очередь материалов предварительного следствия и частично стенограммы. Хронологические рамки монографии К.Н. Морозова охватывают период до середины 1926 г., включая в себя таким образом и «послепроцессную» стадию – тюремное противостояние заключенных эсеров и властей – сюжет, известный до этого поверхностно.

Вместе с тем основной источник по истории процесса 1922 г. – стенограммы судебных заседаний – долгое время оставался недоступен большинству исследователей и не был введен в научный оборот. В связи с этим значимость публикации этих документов трудно переоценить. Составителями рецензируемого сборника выступили В.К. Виноградов, В.Н. Сафонов, В.С. Христофоров под научной редакцией профессора Казанского университета А.Л. Литвина.

Публикация стенограмм, осуществляемая по машинописным копиям из архива ЦА ФСБ РФ (фонд Н-1789), содержит стенографические отчеты 47 судебных заседаний Верховного революционного трибунала ВЦИК. В первых

двух томах (из планируемых четырнадцати) опубликованы стенограммы за первые девять дней процесса, вплоть до 17 июня 1922 г. включительно. В центре внимания Трибунала в это время находились процессуальные вопросы – отвод всего состава суда, заявленный представителем 1-й группы обвиняемых М.Я. Гендельманом, вызов свидетелей, приобщение документов, формальный опрос обвиняемых о признании ими своей вины. Чрезвычайно важным для выяснения позиции партии социалистов-революционеров по целому комплексу проблем истории послеоктябрьской России является декларация обвиняемых 1-й группы, зачитанная 10 июня 1922 г. Е.М. Тимофеевым. Между трибуналом и зарубежными защитниками (Э. Вандервельде, К. Розенфельдом, А. Вотерсом, Т. Либкнехтом) шел спор из-за различных интерпретаций соглашения, подписанного в Берлине представителями трех Интернационалов (в этом соглашении речь шла о публичном характере процесса, допуске защитников, неприменении смертной казни и ведении стенограммы суда). Постоянные нарушения этого соглашения, отклонение практически всех просьб защиты привели к тому, что иностранные защитники покинули процесс.

С 12 июня 1922 г. Трибунал начал рассматривать вопросы, изложенные в «Обвинительном заключении»: юнкерское восстание в Петрограде 28–29 ноября 1917 г., защита эсерами Учредительного собрания, работа военной организации ПСР в 1918 г., Собрание рабочих уполномоченных. По всем этим вопросам сталкивались две точки зрения: с одной стороны, Трибунала, активно поддерживаемая частью обвиняемых, с другой – обвиняемых 1-й группы, отстаивавших свою позицию. Стенограммы судебных заседаний дают весьма четкую картину того, что Трибунал исходил вовсе не из юридических норм, а из политической логики партии, захватившей власть. После октября 1917 г. любая другая власть на территории России или оппозиционная политическая партия, стремившаяся к власти, считалась большевиками незаконной. По логике трибунала, партия социалистов-революционеров должна была сразу же признать власть большевиков и отказаться от любых попыток борьбы с ней.

К сожалению, рецензируемый сборник не лишен определенных недостатков. Первый из них заключается в отсут-

ствии перевода на русский язык выступлений иностранных защитников на процессе и показаний свидетелей (Л. Фроссара). Второй недостаток – отсутствие комментариев и именного указателя, что лишь в определенной степени компенсируется содержательным введением. Стенограмма процесса 1922 г. является сложным источником, требующим внимательного анализа. Со стороны всех участников процесса были и умолчания, и сочетание правды, полуправды и откровенной фальсификации. И подсудимые, и сам трибунал рассматривали судебный процесс как продолжение политической борьбы. В связи этим научный комментарий был бы весьма полезен.

Начало публикации стенограмм судебного процесса социалистов-революционеров 1922 г. – важное событие в исторической науке. Оно позволит существенно обогатить наши знания по целому ряду проблем истории России революционной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ингулов С.* О бурно пожившей и бесславно погибшей партии (обзор литературы об эсерах) // Печать и революция. 1922. № 8. С. 93–101.
2. Обвинительное заключение по делу Центрального Комитета и отдельных членов иных организаций партии с.-р. по обвинению их в вооруженной борьбе против советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменческих сношениях с иностранными государствами. М.: ВЦИК, 1922.
3. Процесс эсеров. М., 1922. Вып. 2. Речи защитников и обвиняемых.
4. *Янсен М.* Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров / пер. с англ. М., 1993.
5. *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. 736 с.
6. *Сафонов И.А.* Процесс партии социалистов-революционеров 1922 г.: Политический и социально-психологический аспект: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
7. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: Сборник документов / сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М., 2002.

*Канд. ист. наук А.Ю. Сулов,
Казанский государственный технологический университет*

Массовые репрессии в Алтайском крае. 1937–1938 гг. Приказ № 00447. М.: РОССПЭН, 2010. 751 с.

Репрессивная политика советского государства стала активно исследоваться российскими историками толь-

ко в последние два десятилетия. Однако еще более длительное время темой сталинских репрессий занимаются зарубежные историки, накопившие обширный арсенал подходов и приемов в ее освещении. Следует признать, что сотрудничество с зарубежными коллегами, использование накопленного ими опыта стало для российских историков существенным подспорьем в разработке темы. Подтверждением данного тезиса является и рецензируемый сборник,

который стал результатом плодотворного сотрудничества немецких и российских историков, работавших в рамках большого российско-украинско-немецкого проекта «Сталинизм в советской провинции 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447». (Группой руководили немецкие историки М. Юнге и Р. Биннер).

Радикальные реформы 1990-х гг. в России открыли ранее недоступные архивные фонды, что позволило подвергнуть проблеме сталинских репрессий тщательному и объективному рассмотрению. Можно отметить успешную работу как столичных, так и сибирских историков по поиску и вовлечению в научный оборот новых архивных материалов, сделанную за последние годы. Интенсивные поиски в

архивах постепенно дают положительные результаты. Пусть еще немного создано обобщающих монографий, но значительное приращение знаний по теме сталинских репрессий получило отражение в многочисленных тематических сборниках, в сборниках документов, наконец, в книгах памяти, опубликованных в большинстве областей и краев Сибири.

Поэтому важность и актуальность научной задачи, поставленной составителями сборника, – ретроспективного анализа массовых репрессий 1937–1938 гг. в Алтайском крае – вряд ли нуждаются в подробном обосновании. При освещении избранной темы исследователи проработали обширный массив неопубликованных источников, которые впервые вводятся в научный оборот. Но для более полного представления о проблеме составители использовали также опубликованные документы и материалы. Типология и характеристика публикуемых источников выполнены составителями на высоком профессиональном уровне.

Среди положительных характеристик сборника документов стоит назвать удачное сочетание различных ракурсов освещения избранной темы – на локальном, региональном и на общереспубликанском уровнях. Оригинальность сборника заключается и в том, что он построен по принципу соединения двух видов научной продукции: публикации документов и монографического исследования. Аналитические статьи, предшествующие каждому разделу сборника, вполне органично встраиваются в структуру документальных разделов книги. Отражая современный уровень исторических знаний, они позволяют читателю представить общую политическую картину, а также понять реальный замысел режима в карательной операции против отдельных групп населения. Авторские статьи насыщены богатой информацией и, хотя написаны с различной степенью глубины, выполняют важную комментаторскую роль. Особенно ценные факты и интерпретации содержатся в статьях, затрагивающих наименее изученные аспекты кампании по приказу № 00447: «Осуждение», «Милицеская тройка», «Показание деятелей массовой операции». Можно сказать, что такая подача материала стала вполне оправданным исследовательским приемом, который реализуется в книге с несомненным успехом.

Составителями разработана оригинальная структура сборника, которая, вероятно, более всего соответствует характеру истребительной акции 1937–1938 гг. Документы и комментарии к ним распределены так, чтобы показать последствия террора для основных категорий жертв – рабочих, колхозников, «кулаков», священников и уголовников. В результате перед нами предстает тщательно воссозданная картина универсального насилия, сочетающего крайнюю жестокость и беспредельную политическую ложь.

Исследователи обращаются к документам, в которых зафиксированы действия представителей власти и отражены особенности политического поведения простых людей в годы «Большого террора». На примере отдельных судеб жителей Алтайского края в книге приводится детальное описание каждой фазы карательной чекистской операции – от ареста до приговора, представлены и документы о реабилитации. Здесь же содержатся обширные статистические данные, отражающие масштаб «кампании 00447» в Сибири. Важным дополнением к общей картине являются мате-

риалы следствия против работников НКВД, обвинявшихся в фальсификации уголовных дел. Они вскрывают технологию массовой фабрикации ложных обвинений и доказательств антисоветской деятельности репрессированных.

Стоит отметить, что составители сборника сумели найти особый, еще слабо исследованный аспект избранной темы – восприятие и измерение репрессий на личностном уровне. В сборнике, по существу, используется микроисторический подход к выбору объектов, являющихся центром документального повествования. Это архивно-следственные дела конкретных людей, ставших жертвами репрессий; они, в свою очередь, позволяют выделить типичные характеристики отдельных социальных групп.

Одной из положительных сторон сборника является стремление составителей не только изучить действия карательных органов, но и выявить те обстоятельства, которые позволяли сталинскому режиму при развертывании массовых репрессий рассчитывать на понимание и поддержку со стороны значительной части населения.

В сборнике отмечена необходимость изучения на региональном уровне изменений в осуществлении репрессивного процесса, происходивших в результате нарастающей истерии поиска врагов народа. Документы показывают, что постепенно правоохранительная система на всех уровнях теряла уважение к общепринятым нормам права, прибегая к ускоренным расправам с намеченными категориями «врагов народа».

В целом составителям сборника удалось создать масштабную, но вместе с тем вполне конкретную картину развертывания политических репрессий в Алтайском крае, использования в данном процессе органов правоохранительной системы. Кроме того, удалось выявить роль местных органов государственной и партийной власти в подавлении предполагаемых противников существующего режима. Документы показывают, что проведение репрессивной политики в Западной Сибири имело некоторую специфику, связанную с преимущественно крестьянским населением региона.

Говоря о недостатках сборника, можно отметить недостаточное, на наш взгляд, внимание к юридической стороне репрессий. Из содержания публикуемых документов и комментариев к ним не всегда можно понять, какие правовые нормы были нарушены в том или ином случае. Следует отметить, что вообще историки, сосредотачиваясь на политических процессах, иногда упускают правовые аспекты происходивших в 1930-е гг. событий. Между тем важно показать, что использование в политических целях органов правоохранительной системы шло с явными нарушениями существовавшего законодательства.

Досадным недостатком сборника является изъятие из текста опубликованных документов фамилий жертв и исполнителей репрессий, обозначение их условными инициалами. Испытывая давление со стороны представителей государственных институтов (прежде всего, ФСБ РФ), своеобразно трактующих положения законодательства об архивах и охране частной жизни, составителям сборника пришлось пойти на такое ограничение. При этом вряд ли даже сами инициаторы запретов способны дать разумное объяснение тому, какой вред может представлять публикация действи-

тельных имен граждан, пострадавших от репрессий в 1937–1938 гг.

В заключение следует подчеркнуть, что указанный сборник документов подготовлен на высоком научном уровне и вносит серьезный вклад как в изучение истории Сиби-

Н.А. КУПЕРШТОХ

Очерки о лидерах академической науки Сибири. Новосибирск, 2011. Вып. 1. 155 с.

уки Сибири и представляет собой свод очерков об известных сибирских ученых – организаторах науки и образования. Более полувека назад началась реализация смелого и беспрецедентного по своим масштабам проекта создания комплексного научного центра в Сибири – первого регионального отделения Академии наук СССР. Его организаторы – академики М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев и С.А. Христианович – сделали ставку на развитие исследований по самым современным для того времени научным направлениям.

Создание академических институтов в Новосибирске опиралось на новые принципы кадровой политики. В середине XX в. для организации междисциплинарных исследований потребовался особый тип ученого – ученого-лидера, ученого-организатора. Академик М.А. Лаврентьев полагал, что это должен быть «человек с широкой эрудицией, способный мыслить крупными блоками, включать в планы множество проблем из разных областей знания».

Известным ученым была предоставлена возможность переехать в Академгородок вместе со своими учениками и организовывать НИИ, отделы и лаборатории для решения тех актуальных проблем, которые были им интересны. Многие подразделения создавались на основе авторских концепций организаторов науки – крупных ученых. Однако провозглашенный принцип создания институтов «под директора» оказалось осуществить непросто.

Представленные в книге очерки позволяют составить представление о вкладе лидеров науки Сибири в то или иное научное направление и показать, как принцип формирования новых академических институтов «под директора» осуществлялся на практике. Показано, каким образом совместными усилиями сибирских ученых и ученых европейской части страны формировались научные коллективы институтов Новосибирского научного центра СО РАН.

Пересечение представителей различных научных направлений и породило феномен Новосибирского академгородка, о котором в 1960-е гг. узнали во всем мире. За каждым ученым стоял опыт, приобретенный им в предшествующие годы и использованный затем в развитии нового научного центра. Каждый ученый являлся носителем тех или иных традиций европейских или сибирских научных школ,

Настоящая монография продолжает многолетние исследования Н.А. Куперштох по истории академической на-

ри, так и в общую историографию советского общества. Думается, что материалы сборника будут интересны не только ученым, занимающимся историей политических репрессий, но и всем, кто неравнодушен к великой и трагической истории России.

*Д-р ист. наук В.И. Исаяев,
д-р ист. наук С.А. Панков,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск*

которые продолжали развиваться в научных исследованиях вновь созданных институтов.

Структура работы обусловлена поставленной задачей – написать очерки о научных лидерах по отдельным отраслям знания. Выдержана единая схема в изложении материала – рассматриваются научная биография отдельного ученого, его основные крупные результаты и роль в формировании научного коллектива и научной школы.

На основе отдельных очерков складывается, тем не менее, цельная картина формирования научно-образовательного потенциала Новосибирского академгородка под руководством выдающихся ученых современности.

Блестяще воплотился в жизнь замысел академика С.Л. Соболева по созданию крупного математического института, который дал импульс развитию сети институтов по математике и информатике не только в Новосибирске, но и в регионе. Академик А.П. Ершов стоял у истоков развития программирования, а его научная школа стала тем «фундаментом», на котором впоследствии возник Институт систем информатики СО РАН.

В основу развития Института гидродинамики, Института теоретической и прикладной механики академиками М.А. Лаврентьевым, С.А. Христиановичем и В.В. Струминским заложены идеи органичного сочетания теоретических и прикладных работ, а также активного применения математических методов в механике, энергетике, аэрогазодинамике.

Первый директор Института ядерной физики академик Г.И. Будкер сумел поставить задачи в области физики высоких энергий, управляемого термоядерного синтеза и прикладной физики, которые вывели институт в лидеры мировой науки. Благодаря выбору научной тематики академиком А.В. Ржановым Институт физики полупроводников занимает ключевые позиции в развитии современных нанотехнологий.

Концепции, разработанные академиком Г.К. Боресковым в науке о катализе, легли в основу исследований, которые развивает созданный им крупнейший в мире Институт катализа. Академик В.В. Воеводский и член-корреспондент АН СССР А.А. Ковальский создали в Сибири Институт химической кинетики и горения и научные школы в области химической физики. Исследования академика Р.З. Сагдеева, ученика В.В. Воеводского, по спиновой химии «отпочковались» в отдельное направление, которое развивает Международным томографический центр. Традиции европейских исследований в области органической химии привнесены в Сибирь

академиком Н.Н. Ворожцовым, который стал основателем Новосибирского института органической химии СО РАН.

Исследования биохимической направленности академика Д.Г. Кнорре, ученика Н.Н. Ворожцова, получили развитие в Новосибирском институте биоорганической химии (ныне Институт химической биологии и фундаментальной медицины). Благодаря усилиям академиков Н.П. Дубинина и Д.К. Беляева в Сибири начал действовать Институт цитологии и генетики, в котором возродились направления классической генетики.

Активному геологическому освоению Сибири и крупным открытиям нефтегазовых месторождений способствовал академик А.А. Трофимук, основатель Института геологии и геофизики.

Текст повествования содержит яркие характеристики ученых, показывает их научные биографии на общем фоне

развития отечественной науки. Присущий только данному автору оригинальный подход к изложению материала придает книге особую привлекательность и делает ее интересной для читателя. Н.А. Куперштох проделана большая работа по изучению широкого круга источников, которые включают архивные материалы центральных и сибирских архивов, воспоминания ученых, мемуары, публикации в периодической печати.

Книгу можно рекомендовать для подготовки лекционных курсов по истории Сибири, специализированных курсов в вузах и колледжах. Она будет полезна историкам, краеведам и музейщикам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей российской науки.

Судя по тому, что изданная книга является первым выпуском, подразумевается дальнейшая работа Н.А. Куперштох в этом направлении.

*Д-р ист. наук А.Х. Элерт,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск*

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
GUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

N 2, 2011

Contents

ON THE 150TH ANNIVERSARY OF THE GREAT REFORMS

<i>Matkhanova, N.P.</i> The Attitudes of East-Siberian High-Ranking Officials toward the Great Reforms	3
<i>Shilovskiy, M.V.</i> Evaluation of the 1860s-1870s reforms by the Siberian regionalists	7
<i>Biktasheva, A. N.</i> Governors on the Reform of Municipal Government on the Eve of Serfdom's Abolition	11
<i>Morozova, N.N.</i> Press as a Management Instrument of the Provincial Administration on the Eve and during the Great Reforms	14
<i>Bayandin, V.I.</i> Universal Military Conscription as a Part of Military Reforms of the Emperor Alexander II	18
<i>Adonyeva, I.G.</i> Discussions about Local Justice in Western Siberia in the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Centuries in the Context of Professional Legal Conscience of the Regional Lawyers	22
<i>Krestyannikov, E.A.</i> The Living and Working Conditions of Justices of the Peace in Western Siberia in the Late XIX – Early XX Centuries	26
<i>Shakherova, S.L.</i> The Barristers in Eastern Siberia: Professional Group Characteristic (1885 – February of 1917)	30
<i>Pavlov, A.A., Nikitina, S.E.</i> A Governor in a Siberian Province (on the 150 th Anniversary of the Birth of the Governor Ivan I. Kraft)	33

PROBLEMS OF HISTORY

<i>Poberezhnikov, I.V.</i> Modernization Paradigm in the Regional History of Russia (XVIII – early XX century)	37
<i>Timoshenko, A.I.</i> Soviet Mobilization Model of Siberia's Development: Problems of Studying	42
<i>Nikolaev A.A.</i> Purges in the Managerial Personnel of the Tsentrosoyuz in 1930: Goals and Methods	46
<i>Ilyinykh, V.A.</i> Results of the Spring Sowing Campaign in 1930: the Price of Forced Collectivization	50
<i>Dolgoluk, A.A.</i> Educational Status of Siberian Builders in 1946–1970s.	55
<i>Timoshenko, V.P.</i> Compensatory Agreements in the Programs of Siberia Development in 1960–1980s.	59
<i>Kupershtokh, N.A.</i> Siberian Period in the Biography of the Academician A.L. Yanshin: on the Centenary of his Birth	63
<i>Kotlyarov, M.V.</i> Party Nomenclature in Western Siberia during Perestroika	67
<i>Karpunina, I.B.</i> Farm Enterprises as a Part of the Agricultural Sector of Siberia in 1990s.	71
<i>Chevrikina, M.Yu.</i> Effectiveness of the Siberian Researchers Participation in the RGNF (Russian Foundation for Humanities) Contests	76

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

<i>Zavyalov, A.A.</i> Transportation of Silver and Gold from the Plants of the Altay District to Saint-Petersburg in the late XIX Century	83
<i>Neklyudova, A.V.</i> Irkutsk Custom-House in the Second Half of the XIX – Early XX Century	86
<i>Krasilnikova, E.I.</i> Historiography of Urban Cemeteries in the Administrative Centers of Western Siberia	89
<i>Safronov, S.A.</i> Elections to the 1st – the 4th State Dumas in the Yenisei Province	93
<i>Orlov, D.S.</i> Industrial Organizations' Patronage of Kolkhozes and Sovkhozes in Western Siberia in the Second Half of the 1960s – the First Half of the 1980s.	96
<i>Nikolaev, A.A.</i> On the 180 th Anniversary of the Russian Consumer's Co-operation: the Results of the International Scientific Conference «Co-operation: History and Modernity» (Novosibirsk, April 12 th , 2011)	99
<i>Rynkov, V.M.</i> Rec. ad op.: Mazur, L.N. <i>Metody istoricheskogo issledovaniya: ucheb. posobiye.</i> Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2010. 608 s. [Methods of Historical Research: Tutorial. Yekaterinburg, the Urals University Press, 2010. 608 p.]	101
<i>Isupov, V.A.</i> Rec. ad op.: Simonov D.G. <i>Belaya Sibirskaya Armiya v 1918 godu.</i> Novosibirsk: Izd-vo Novosib. Universiteta [The White Siberian Army in 1918. Novosibirsk: University Press, 2010. 612 p.]	103
<i>Suslov, A.Yu.</i> Rec. ad op.: <i>Pravoosersovskiy politicheskii protsess v Moskve. 8 iyunya – 4 avgusta 1922 g. Stenogrammy sydebnikh zas-</i> <i>sedaniy: v 14 t. T. 1 i 2/ sost. V.K. Vonogradov, A.L. Litvin, V.N. Safonov, V.S. Khristoforov; nauch red. A.L. Litvin.</i> [Political Trial of the Right SRs in Moscow. June 8 – August 4, 1922. Shorthand notes of the Judicial Sittings : 14 vols. Vol. 1 and 2/Com- piled by V.K. Vinogradov, A.L.Litvin, V.N. Safonov, V.S. Khristoforov; ed. A.L. Litvin. M.: ROSSPEN, 2011. 687 s.]	105
<i>Isaev, V.I., Papkov, S.A.</i> Rec. ad op.: <i>Massoviye repressii v Altayskom krae. 1937-1938 . Prikaz № 00447.</i> [Mass Repressions in the Altay Territory. 1937–1938. Order № 00447. M.: ROSSPEN, 2010. 751 s.]	106
<i>Elert, A.Kh.</i> Rec. ad op.: Kupershtokh N.A. <i>Ocherki o liderakh akademicheskoy nauki v Sibiri. Vyp.1.</i> Novosibirsk, 2011. 155 s. [Es- says on the Leaders of Academic Science in Siberia. Part 1. Novosibirsk, 2011. 155 p.]	108
<i>Summary</i>	110

SUMMARY

Matkhanova, N.P. The Attitudes of East-Siberian High-Ranking Officials toward the Great Reforms.

The article analyzes attitudes toward the reforms expressed by the East-Siberian governor-generals and other high-ranking officials. Many of them, including N.N. Muravyov-Amurskiy and M.S. Korsakov, supported the governmental course of reforms. However the top administrators strove for greater independence and bigger budget for the Far Eastern regions' development, while the liberal bureaucracy in the capital opposed both of these initiatives.

Key words: the 1860s reforms, Eastern Siberia, administration, liberal bureaucracy.

Shilovsky, M.V. Evaluation of the 1860s-1870s Reforms by the Siberian Regionalists.

The article analyzes the instant reaction of the Siberian regionalists G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev, S.S. Shashkov, N.I. Naumov and others to the reforms of 1860s-1870s and shows how their opinions changed in course of time.

Key words: reforms of the 1860s-1870s, regionalism, Siberia, serfdom, social and political life, government, society.

Biktasheva, A.N. Governors on the Reform of Municipal Government on the Eve of Serfdom's Abolition.

This article is devoted to the study of reformatory activities of the Russian governors. The subject of analysis is governors' official reports «on measures taken with the purpose of reorganization of municipal government», drawn up on the instructions of Minister of Internal Affairs on the eve of serfdom's abolition in the Russian Empire.

Key words: governor, official initiative, abolition of serfdom, reorganization of municipal government.

Morozova, N.N. The Press as a Management Instrument of the Provincial Administration on the Eve and during the Great Reforms.

The paper characterizes the role of the «Gubernskiyе Vedomosti» («Provincial Gazette») in the provincial administration in the early period of Alexander II's reign. Based on the materials about the Tomsk and Tobolsk provinces the author finds out what problems were solved by the local administrators with the help of the official press.

Key words: provincial administration, official press, «Provincial Gazette», the 1860s reforms.

Bayandin, V.I. Universal Military Service as a Part of Military Reforms of Emperor Alexander I.

The article considers the question of the law on the all-classes military service in January 1874 in Russia. The process of preparation and carrying out of the recruitment in the country and its peculiarities in Siberia is investigated. The author estimates a value of the law for the improvement of military efficiency under the conditions of rapid

rise of military potential of some leading European countries. Attitude of different social groups to the law is analyzed.

Key words: recruitment regulations, recruitments, recruitment confirmations, redemption, universal military service, manifesto of 1874, Siberian non-Russians, call-up age, Russian Imperial Army.

Adonyeva, I.G. Discussions about Local Justice in Western Siberia in the Second Half of the XIX – the Beginning of the XX Centuries in the Context of Professional Legal Conscience of the Regional Lawyers.

The paper considers specific traits of West-Siberian lawyers' legal conscience in the context of their perception of the local justice's structure and functions. The lawyers' opinions were determined by the level of their vocational training as well as by peculiarities of the regional judicial system. As a result it led to idealization of justices of the peace as described in the judicial regulations and to expectations that judicial reform will be carried out in full.

Key words: professional legal conscience, local justice, local court, justice of the peace, district court, idealization of law.

Krestyannikov, E.A. The Living and Working Conditions of Justices of the Peace in Western Siberia in the Late XIX – Early XX Centuries.

The article deals with the everyday life of justices of the peace in Western Siberia before the revolution. Peculiarities of this legal institution along with Siberian conditions created difficulties the local justices of the peace had to overcome. Compared to other employees of the Ministry of Justice they were more burdened with lawsuits, wanted for material resources and suffered from disorderly life, so the results of their work were adversely affected by all these factors. The central authorities tried to take proper account of the region's specific features, but the everyday judicial work proved that all these attempts failed and the whole system of justice of the peace worked under the permanent crisis.

Key words: judicial reforms, Western Siberia, justices of the peace.

Shakherova, S.L. Public Legal Profession of Eastern Siberia: Professional Group Characteristic (1885 – February of 1917).

The article is devoted to the stages of the East Siberian legal profession's formation as a professional group. The article analyzes peculiarities of its structure and territorial distribution. The author studies the factors influenced the distribution of public solicitors. Interconnection between territorial distribution of lawyers and accessibility of professional juridical help in the Eastern Siberia is established.

Key words: legal profession, public solicitor, assistant of public solicitor, private solicitor, juridical reform, Eastern Siberia.

Pavlov, A.A. Nikitina, S.E. A Governor in a Siberian Province (Devoted to the 150th Anniversary of the Birth of the Governor Ivan I. Kraft)

The article deals with the Councilor of State Ivan I. Kraft who was the most colorful figure of all the heads of the oblast. In the years when Ivan I. Kraft governed the Yakutian Oblast (1907–1913) the considerable socio-cultural changes took place: the cart-roads were built; delivery of mail became faster; the new stations were opened at the roads. Telephone, electricity, movies became the realities of Yakutsk citizens' life; the public and political press became widespread. Ivan I. Kraft gave special attention to enlightenment, public health, and equipping agriculture with advanced technologies.

Key words: Governor of the Yakutian Oblast, socio-cultural processes, scientific studying of the region, folk education, public health, agronomical culture, educational public organizations, periodical press.

Poberezhnikov, I.V. Modernization Paradigm in the Regional History of Russia (XVIII – early XX century).

The paper describes how historians could use the new modernization paradigm in their studies on regional history of Russia. The author shows how the nature and dynamics of modernization were influenced by the frontier location of the country bordering on different civilization worlds; by Russia's versatile climatic and environmental conditions, her rich mineral resources. He also proves that the eastern regions of Russia provide material for creating a unique «frontier model» of modernization.

Key words: modernization, reconceptualization, region, variability, frontier, colonization, development, enclivity, spatial differentiation.

Timoshenko, A.I. Soviet Mobilization Model of Siberia's Development: Problems of Studying.

The article shows the importance of studying the historical experience of mobilization methods of Siberia's development in the Soviet era. The author considers possible lines of research, the general state of research both in Western and Russian historiography.

Key words: state policy, mobilization, development.

Nikolaev, A.A. Purges in the Managerial Personnel of the Tsentrosoyuz in 1930: Goals and Methods.

The paper based on the documents regarding the purge in the personnel of the cooperative enterprises in 1930 analyzes the managerial staff of the Tsentrosoyuz which came in sight of the state controlling bodies. The author concludes that the cooperative managerial personnel consisted of a large number of administrators focused on market methods of procuring and manufacturing activities. They kept their top positions in the most significant spheres of cooperative sector owing to their high qualification and absence of any politically incriminating evidence. Only in the late 1920s when the government set a course for creating a system of centralized planning and refused from the private market methods the cooperatives' managers who had had a work record before the revolution were considered not only irrelevant but also dangerous for fulfillment of state programs. The planned procurements and ration card system replaced the free trade and agricultural goods purchasing as the top-priority methods of cooperation work.

Key words: consumer's cooperation, Tsentrosoyuz, Sibkraisoyuz, purges of the cooperation staff, private capital.

Ilyinykh, V.A. Results of the Spring Sowing Campaign in 1930: the Price of Forced Collectivization.

The article analyzes the results of the spring agricultural campaign in 1930 in Siberia. It reveals political, economical, natural and climatic factors which lead to significant acreage reduction. One

of the most important goals of the research was to define the representative and comparable sources on the basis of which one can credibly reconstruct the dynamics of planting acreages in the region in 1929–1930.

Key words: agrarian policy, Siberia, collectivization, agricultural industry, planting acreages, statistical sources.

Dolgoluk, A.A. Educational Status of Siberian Builders in 1946–1970s.

The article observes the changes in educational potential of the labours, engineering and technical workers and servants during 25 years after the World War II. The author compares educational status of the employees occupied in the building industry and other branches of material industry. The article shows the difficulties in supplying Siberian construction sites with specialists of higher and specialized secondary education, reveals the role of the system of night classes and part-time education, including schools for working youth in increase of the builders' cultural and technical level.

Key words: cultural level of the population, education, builders, workers, specialists, Siberia.

Timoshenko, V.P. Compensatory Agreements in the Programs of Siberia Development in 1960–1980s.

The article considers the practice of foreign technical-technological experience application in the process of Siberian development in the form of compensatory agreements. Favorable conditions have been created in Siberia for development of this form of cooperation, which has played an appreciable role in industrial development of the region.

Key words: international division of labour, compensatory agreements, credit agreements, wood resources, oil and gas complex, transport building.

Kupershtokh, N.A. Siberian Period in the Biography of the Academician A.L. Yanshin: on the Centenary of his Birth.

The article analyzes the Academician A.L. Yanshin's role in organizing the research activities in the Institute of Geology and Geophysics of the Siberian Branch of the Academy of sciences of the USSR. His work resulted in exploration of major deposits of natural resources, necessary for the development of the productive forces in Siberia and adjacent territories.

Key words: Academician A.L. Yanshin, geological research, Institute of Geology and Geophysics of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR.

Kotlyarov, M.V. Party Nomenclature in Western Siberia During Perestroika.

The article analyzes the party nomenclature in the Western Siberia in 1985–1991. The author shows that during perestroika significant reduction and change in the party's composition took place. In 1985–1990 the correlation between gender, age and national groups among the party cadres has not practically changed. However a number of national economy specialists and persons with higher political education increased in executive positions. Significant reduction in number of experienced workers in the party committees reflected their weakness and decrease of their status in the political system. As a result it led to the further weakness of the KPSU.

Key words: KPSU, perestroika, nomenclature, Western Siberia.

Karpunina, I.B. Farm Enterprises as a Part of the Agricultural Sector of Siberia in 1990s.

The article deals with formation of a new sector in agrarian economy of Siberia in 1990s, its significance and input in agricultural industry and reasons of its low effectiveness.

Key words: agrarian reform, farm enterprises, agricultural industry, Siberia.

Cherevikina, M. Yu. Effectiveness of the Siberian Researchers Participation in the RGNF (Russian Foundation for Humanities) Contests.

The article is devoted to analysis of effectiveness of the Siberian scientific community participating in scientific project contests organized by the RGNF (Russian Foundation for Humanities) in 2009–2010. Based on the vast statistical data the author shows the results of projects supported by the RGNF and implemented in different fields of science; correlation between projects carried out by researchers from the Russian Academy of Sciences and from higher education institutions. Special attention is given to evaluation of results of the main contest. The article reveals unfavorable trends in contests organized during the crisis years; analyzes underlying factors which influenced these trends; among them – preferences of the contestants from the Russian Academy of Sciences.

Key words: effectiveness of the scientific community, scientific project contest, preferences of contestants.

Zavyalov, A.A. Transportation of Silver and Gold from the Plants of the Altay District to Saint-Petersburg in the late XIX Century.

There is a vast historiography on the Altay mining industry, its creation, its role in economic and cultural development of the local population. However researchers didn't pay much attention to the history of transportation of gold and silver from the Altay district to Saint-Petersburg. That is why an attempt was made to trace the routes of gold and silver delivery from the Altay to Saint-Petersburg in the end of the XIX century as well as to evaluate its costs (also taking into account the transportation costs). This task was accomplished on the basis of archival documents for the first time introduced for scientific use. It allowed determining not only the total expenditure of the gold and silver transportation from the Altay to the capital, but also showing separate costs for overland transport, waterways and later – for railroads.

Key words: Altay, smelting of silver and gold, Saint-Petersburg, water-way, railway, costs.

Neklyudova, A.V. Irkutsk Custom-House in the Second Half of the XIX – Early XX Century.

The article studies Irkutsk custom-house activity in the second half of the XIX – early XX century. The main attention is devoted to the process of the custom-house's foundation, registration of its

structure, identification of its activity bases. This makes possible to trace the volumes and flow of goods, their selection, relations between businessmen and the custom-house and its struggle with smuggling.

Key words: East Siberia, custom-house, transit, trade, smuggling, customs.

Krasilnikova, E.I. Historiography of Urban Cemeteries in the Administrative Centers of Western Siberia.

This article provides a review of studies conducted by historians, regional ethnographers, archaeologists, anthropologists and devoted to the history of urban cemeteries in Tomsk, Novosibirsk, Omsk, Barnaul and Tyumen. The author analyzed each author's contribution into researching this issue, determines the gaps in their knowledge and prospects for future studies.

Key words: cemetery, necropolis, local history, historical memory, historiography.

Safronov, S.A. Elections for the 1st-the 4th State Dumas in the Yenisei Province.

The article is devoted to pre-election struggle of candidates in the State Duma of four convocations in 1906–1912 in the Yenisei province, party identification of the Siberian deputies. The article gives consideration to the change of the elective legislation concerning Siberia and other regions of Russia after dispersal of the Second State Duma, decline in political activity of population after suppression of the first Russian revolution 1905–1907.

Key words: the State Duma, the Yenisei province, the selective law, political parties.

Orlov, D.S. Industrial Organizations' Patronage of Kolkhozes and Sovkhozes in Western Siberia in the Second Half of the 1960s – the First Half of the 1980s.

The article analyzes the organization of industrial enterprises' patronage of kolkhozes and sovkhozes in the middle of the 1960s – the first half of the 1980s in the Altai, Kemerovo and Novosibirsk regions. The author comes to the conclusion that under the conditions of the administrative organizing economic managing system in the agrarian sphere the organization of the patronage to agricultural producers was a desperate measure caused by shortening of labour potential in West Siberian village and weak material and technical base of the regional agricultural enterprises.

Key words: rural economy, patronage, agrarian policy, Western Siberia.

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Даидаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), чл.-кор. РАН *Е.К. Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Семей, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *С.С. Букин*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р ист. наук *В.И. Шишкин*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330-24-31.
<http://www-psb.ad-sbras.nsc.ru>
sektoragro@gmail.com
З а в. р е д а к ц и е й *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Е.Н. Зимица*

Подписано к печати 09.06.11. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 13.5. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500 экз. Заказ № 195.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки и техники;
- история международных отношений и внешней политики.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

2. Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10);

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п.л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков; объем информационных заметок и рецензий – 0,2 п.л.

3. Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал – 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21].
- сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т.д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;
- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/ 7.0/97/ 2000; иллюстрации в формате JPG.

4. От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://e-library.ru>

Web-страница журнала: www.sibran.ru/gumnw.htm; www.history.nsc.ru/hum.htm.

Рукописи направлять по адресу:

*630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301.
Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири».
E-mail: gumnauki@gmail.com*

Уважаемые читатели!

Сообщаем вам, что с 2010 г. по решению Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам СО РАН профиль журнала изменен, а именно, включаются публикации для следующих специальностей: «отечественная история», «археология», «этнография, этнология и антропология», «историография, источниковедение и методы исторического исследования».